

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Т о м I.
Р о к 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 53 34 58, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: Д.А. Кондаков, А.И. Корсак.

Редактор Д.М. Севастьянова.

Подписано к печати 30.01.2018. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 16,81. Тираж 100 экз. Заказ 270.

УДК 821.112.2

ОБРАЗ КУРАЖ В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

канд. филол. наук, доц. Т.М. ГОРДЕЁНОК
(Полоцкий государственный университет)
t.hardziayonak@psu.by

Исследуется образ Кураж в произведениях Г.Я.К. Гриммельсгаузена, А. фон Арнима, Б. Брехта, Г. Грасса. Отмечается, что обращение к образу женщины на войне является реакцией писателей на кризис общественно-исторической ситуации. Определяются особенности образа Кураж как действующего персонажа и остросоциального характера в творчестве Г.Я.К. Гриммельсгаузена, рассматривается рецепция данного образа, изменения в его трактовке у А. фон Арнима, Б. Брехта, Г. Грасса. Идеино-художественное содержание образа Кураж взаимосвязано с особенностями развития отдельных этапов немецкой литературы, отражает индивидуальные эстетические установки писателей.

Ключевые слова: немецкая литература, образ Кураж, война, рецепция, символ.

Введение. Рецепция XVII века в последующие эпохи развития немецкой культуры проходила в нескольких направлениях и связана, с одной стороны, с достижениями в области литературы, а с другой – с ведущим событием немецкой истории XVII века – Тридцатилетней войной (*Dreißigjähriger Krieg*, 1618–1648). К наиболее ярким произведениям, идеи которых восходят к литературе XVII столетия и отражают трагедию Германии в ходе кровопролитной Тридцатилетней войны, относятся новелла А. фон Арнима «Филандер среди бродячих солдат и цыган во время Тридцатилетней войны» (*Philander unter den streifenden Soldaten und Zigeunern im dreißigjährigen Kriege*, 1809), драма Б. Брехта «Мамаша Кураж и ее дети» (*Mutter Courage und ihre Kinder*, 1939), рассказ Г. Грасса «Встреча в Тельгте» (*Das Treffen in Telgte*, 1979). Источником для создания этих произведений послужили в различной степени произведения Г.Я.К. Гриммельсгаузена, вошедшие в так называемый «симплицианский цикл» (*der Simplicianische Zyklus*): «Затейливый немецкий Симплициссимус» (*Der abentheuerliche Simplicissimus Teutsch*, 1668–1669), «Симплицию наперекор, или Обстоятельное и диковинное жизнеописание великой обманщицы и побродяжки Кураж» (*Trutz Simplex oder Ausführliche und wunderseltzame Lebensbeschreibung der Ertzbetrügerin und Landstörtzerin Courasche*, 1670) и «Удивительный Шпрингинсфельд» (*Der seltzame Springinsfeld*, 1670). Несмотря на жанровые и стилистические отличия, объединяющим звеном для указанных произведений стал образ Кураж – предприимчивой женщины, стремящейся выжить в вихре военных лихолетий.

Основная часть. Кураж – героиня второго романа Гриммельсгаузена, она, как следует уже из названия, является давнишней знакомой Симплициссимуса и жестоко обижена на бывшего любовника. Их встреча кратко представлена на страницах первого романа «симплицианского цикла»: «На Кислых водах повстречал я некую прекрасную даму, которая выдавала себя за благородную, однако, по моему разумению, была не столько nobilis, а скорее mobilis. Сей мужеловке принялся я изрядно угождать, ибо она показалась мне весьма пригожей, так что вскорости я не только получил к ней свободный доступ, но и все утехи, каких только мог желать и домогаться. Но вскорости же я почувствовал отвращение к ее ветрености и старался пристойным образом от нее избавиться, ибо мне показалось, что она больше намеревалась подрезать мой кошелек, чем заполучить меня в мужья. К тому же, куда бы я ни шел и где бы я ни появлялся, она награждала меня нежными пламенными взорами и другими свидетельствами ее жгучей склонности, так что я принужден был стыдиться за нас обоих» [1, с. 545–546]. Вот собственно и вся информация, которую можно почерпнуть в «Затейливом немецком Симплициссимусе». В романе «Симплицию наперекор» Кураж из эпизодического персонажа превращается в главную героиню, представляющую без всяких прикрас на суд читателей свою жизнь и время, в которое ей выпало жить.

Следует отметить, что в исследованиях образа Кураж проявились две тенденции. Она нередко трактуется как однозначно отрицательный персонаж, призванный показать худшие стороны женской натуры – изменчивость, легкомыслие, жадность, глупость, завистливость, коварство, хитрость. Повод для такой позиции дает сам текст. Вот как, например, представлена Кураж в первой главе романа: «Вы скажете, это та самая старуха, которая прожила всю свою жизнь во всевозможных бесчестных делах и пороках, годами совершала скверные поступки, месяцы напролет предавалась блуду, в течение многих недель занималась воровством, провела не один день в смертных грехах и множество часов в прегрешениях»¹ [2, S. 13]. Согласно другому мнению, в лице Кураж Гриммельсгаузен отразил сильную

¹ Здесь и далее перевод цитат из романа «Симплицию наперекор» наш. – Т.Г.

женщину², которая волей обстоятельств вовлекается в грубый, антигуманный мир мужчин и становится его жертвой. Одним из аргументов в пользу этой позиции является ведущая роль героини в романе, другим доводом становится сцена на фронтисписе к роману. Центральной фигурой здесь является женщина на лошади. Слева от нее мы видим шагающего солдата с мушкетом в руках и саблей на поясе, а рядом с ним голый ствол дерева с одинокой веткой, покрытой листьями. К. Хаберкамм интерпретирует это разветвление как два возможных пути, по одному из которых может пойти человек, сделав «выбор между дорогой жизни и дорогой смерти» [4, S. 90]. Левую часть изображения, которая в символической форме передает человеческие пороки, дополняет василиск – демоническое существо, предвещающее опасность и грядущую гибель за грехи. В правой части гравюры мы видим уходящих в неизвестном направлении цыган и разнообразные предметы: гребень, ножницы, утюг, щипцы, свиток, ключ и др. Все это указывает на жизненные перипетии, с которыми столкнется Кураж на своем пути. Среди живых существ следует отметить сову, выступающую как символ мудрости, и журавля, который почитается как птица счастья и одновременно пробуждает печаль в своем прощальном осеннем курлыканье. Эту картину омрачают также насекомые и летучая мышь, которая в европейской культуре выступает амбивалентным символом – ее связывают с черной магией и одновременно с мудростью и находчивостью. Можно утверждать, что гравюра во втором романе Гриммельсгаузена выполняет ту же функцию, что и фронтиспис в «Затейливом Симплициссимусе». Изображения дополняют текст романов, выступают как аллегорические повествования о жизни главных героев и отражают идею о сложности, хаотичности и изменчивости мира.

Следует отметить, что судьба Кураж во многом повторяет судьбу Симплиция. Они оба вначале предстают перед читателем как невинные, наивные существа, которых захватывает в свой круговорот война. Война не щадит никого, но особенно трудно приходится слабой женщине. Чтобы спастись от разнужданности ландскнехтов, Либушка (настоящее имя героини) переодевается в мужское платье и под именем Янко становится пажом ротмистра. Вспомним, что поиск своего места под солнцем в мире людей Симплиций тоже начинает с переодевания. Переодевание у Гриммельсгаузена – это не просто изменение внешнего вида, это первый шаг на пути к качественным изменениям: новый облик требует иного поведения, новые поступки постепенно входят в привычку и меняют человеческую натуру, а изменения в характере направляют и все течение жизни в иное русло.

Главная героиня, однако, меняет не только одежду, но и имя. В новом обличье она проявляет несвойственные ей ранее находчивость, смелость и ловкость. Вскоре ее разоблачают, и девушке не остается ничего другого, как выйти замуж за ротмистра, у которого она была в услужении. Сменяя мужей, которых одного за другим уносят в могилу сражения, героиня сама превращается в воина и получает за мужество и дерзость на полях войны новое имя – Кураж. Меняется и ее характер, она понимает, что только с помощью денег сможет пробить себе дорогу в приличную жизнь. Такая жизненная позиция превращает Кураж в хитрую, расчетливую женщину, поступающуюся нравственными принципами ради наживы. В обращении к своему бывшему другу Симплицию Кураж с хвастовством заявляет: «Между тем горы денег становились все выше и больше, настолько большими, что я и сама боялась своего состояния» [2, S. 79]. Путь главной героини зеркально повторяет путь Симплиция, состоящий из попеременно чередующихся взлетов и падений. Они оба забывают о божественных заповедях, грязнут в грехах.

В конце концов, Кураж утрачивает свою красоту, заболевает сифилисом, теряет и состояние, нажитое в вихре военных потрясений. Лишившись материального благополучия, перешагнув через моральные и нравственные принципы, Кураж не оставляет склонность к вольной жизни. Как-то раз, встретив табор кочующих цыган, она с радостью присоединяется к ним и уже никогда больше, даже по окончании войны, не оставляет своих новых друзей. Она говорит: «Цыганская жизнь как нельзя лучше соответствовала моему нраву, так что я не променяла бы ее на звание полковницы. У одной цыганской старухи я за короткое время научилась гадать и предсказывать, а врать и воровать я умела и прежде» [2, S. 124]. Поиски лучшей жизни, которые ведет Кураж, вполне соответствуют устремлениям пресытившегося войной Симплиция. Но если тот после неудачных попыток обнаружить в мире счастье оседает на необитаемом острове, то Кураж обретает себя в цыганском таборе: «С тех пор обрыскала я с этими людьми все уголки Европы, придумала и учинила так много разных плутовских проделок и воровских уловок, что понадобилась бы целая кипа бумаги, если б захотела я описать их все разом» [2, S. 27].

Несмотря на сходство судеб, между Кураж и Симплициссимусом существует важное отличие. Если проstack, проходя через превратности бытия, все же внутренне совершенствуется, то Кураж только деградирует, демонстрируя на своем примере, как война заставляет людей пройти суровую школу жизни и выработать в себе плутовские привычки, инстинкты и навыки. Кураж – это жертва войны, которая убила в себе не только нравственные и моральные принципы, но и природное женское начало. В романе

² И.М. Баттафарано, итальянский исследователь творчества Г.Я.К. Гриммельсгаузена, указывает на это уже в заглавии своей книги – «Кураж: сильная женщина в немецкой литературе (придумана Гриммельсгаузенем, видоизменена Брехтом и Грассом)» [3].

Кураж говорит: «Каждый день мы чего-то лишаемся, твоя красота может свести тебя в могилу» [1, S. 31]. Подавив в себе женские инстинкты, она понимает, что давно воспитала в себе мужские черты характера, более того, героиня сожалеет о том, что природа определила ее быть женщиной: «...быть мужчиной и непрестанно отдаваться войне, уже тогда я горячо желала не быть женщины» [1, S. 34].

Среди неслыханных бедствий и надругательств над человеческой личностью, порожденных опустошительной войной и разгулом феодальной реакции, Кураж хотела обрести свободу и жить вне войны. Ее плутовство является своеобразным выражением стремления к жизни, которое в ужасных немецких условиях XVII века не могло найти более достойного применения. Свою героиню-плутовку Гриммельсгаузен, бесспорно, осуждает, но и испытывает сожаление, поскольку она не по своей вине была втянута в безжалостный военный водоворот.

Тема судьбы маленького человека в тяжелые военные времена нашла свое отражение в новелле А. фон Арнима «Филандер среди бродячих солдат и цыган во время Тридцатилетней войны», где скомпонованы глава «Солдатская жизнь» из книги «Филандер» И.М. Мошероша и «Шпрингинсфельда» Г.Я.К. Гриммельсгаузена. В своей повести Арним тесно переплетает два круга героев: солдат и цыган. По аналогии с пикарескной традицией рассказ ведется от лица Филандера, повествующего о своем путешествии по миру сначала с отрядом солдат, а затем в компании цыган. Новелла Арнима – это романтическое изложение барочного плутовского романа, где создается стилизованная картина военных лет XVII в.

Вместе с образом цыган Арним вводит в повествование Кураж, выступающую под именем Либусса. При описании героини Арним почти дословно приводит цитату из «Шпрингинсфельда» Гриммельсгаузена: «Посмотри, верхом на лошаке прискакала роскошная цыганка, я никогда не выдывал ей подобных и никогда о таких не слышал. Ей, казалось, было около шестидесяти лет. В отличие от других у нее были не черные как смоль волосы, а более светлые, которые были прибраны бусами из золота и драгоценными камнями, соединявшимися короной... Она носила польские сапоги, ее черная шелковая рубашка была сшита на богемский манер, благодаря чему женщина и походила на чернику в молоке» [5, S. 281]. Либусса выступает в новелле в роли второстепенного персонажа. Она вводит в искушение Филандера, в полной мере проявляя свои женские чары: «Ах, мой милый, светлый, молодой паренек...» [5, S. 281] и далее «Храни тебя господь, дитя мое» [5, S. 281], что отличает ее от Кураж в романе Гриммельсгаузена.

Арним представляет свою героиню в образе цыганки, которая наслаждается вольной жизнью и кочует по миру. К своей героине автор питает симпатию и даже восхищается ее проделками. Следует отметить, что это не единственный пример обращения к цыганской теме в творчестве Арнима. Образ цыганки Арним разрабатывает в новелле «Изабелла Египетская», а также в романе «Бедность, богатство, прегрешение и покаяние графини Долорес». Исторически сложилось, что цыгане воспринимались как народ, причастный к потусторонним, часто недобрым силам. Кроме того, на протяжении веков цыганская жизнь была закрыта от окружающих, что усиливало ощущение таинственности. Впечатление загадочности возрастало еще больше благодаря тому, что основным занятием цыганок являлось (и остается до сих пор) гадание и предсказание будущего. Следуя сложившейся в европейской литературе традиции, Арним окутывает жизнь цыган ореолом таинственности. Такая позиция соответствует мировоззрению гейдельбержцев, подвергших трансформации концепцию личности йенцев. В новелле Либусса выступает как человек своей эпохи, которому присущи слабости и прегрешения. С другой стороны, дикая и причудливая цыганская жизнь, представленная в новелле сжатými, но яркими зарисовками, изображается как вольное существование, как идеал, к которому стремится свободный дух. За цыганами закрепляется статус народа, неподверженного обывательским условиям и ограничениям.

Образ Кураж становится центральным в драме Б. Брехта «Мамаша Кураж и ее дети». Свое произведение драматург создавал накануне Второй мировой войны в предчувствии надвигающейся катастрофы: «Когда я писал, мне представлялось, что со сцен нескольких больших городов прозвучит предупреждение: кто хочет завтракать с чертом, должен запастись длинной ложкой <...> Театры слишком скоро попали во власть крупных разбойников. „Мамаша Кураж и её дети“ – опоздала» [6, с. 269].

В драме Брехт перерабатывает концепцию гриммельсгаузеновского женского образа, как бы разделяя его на две составляющие – образ матери троих детей и образ прожженной торговки Кураж. Главная героиня, безусловно, порождение меркантильного, расчетливого, жестокого и циничного духа Тридцатилетней войны. В зависимости от того, какие войска встречаются на пути, женщина выставляет над своим фургоном то лютеранское, то католическое знамя.

Героиня брехтовской пьесы пренебрегала своей главной ролью – ролью матери, воспитывающей и заботящейся о детях. Потеряв детей на войне, женщине не остается ничего другого, как тянуть до конца лямку маркитантской повозки, без которой она не представляет жизни. В отличие от гриммельсгаузеновской героини, у Брехта мамаша Кураж, пережив череду трагедий, все равно не видит своего существования вне войны, за счет которой она может обогатиться: «Коли война кончится, куда я с товаром денусь?» [7, с. 53]. Это подтверждают и слова священника: «Ведь я же вижу, что вы не хотите мира, что вам нужна война, потому что вы на ней наживаетесь» [7, с. 64]. Укорененность Кураж в военных событиях, ее не-

способность представить жизнь без войны отчетливо звучит в пьесе: «Этот мир меня погубит!.. Теперь все по домам разбегутся, а я сиди со своим товаром» [7, с. 62].

Чтобы сделать образ Кураж однозначно отрицательным, Брехт создает антипод своей героине в лице ее детей. В детях Кураж отражены положительные качества, такие как смелость, доброта, великодушие, честность. Но эти положительные черты характера приводят их к трагическому финалу: Эйлиф умирает от неутолимой жажды к подвигам, Швейцеркаса казнят из-за неумного стремления говорить правду и быть честным, Катрин погибает из-за доброты и человеколюбия, спасая город Галле от нападения. Все события, представленные в драме, указывают, что лишь отрицательные качества человека оставляют ему шанс на выживание в порочном и бесчеловечном времени, на войне. Всякое проявление добродетели ведет к гибели. Эту истину Кураж интуитивно осознает, поэтому она всячески старается удержать своих детей от добродетельных поступков.

Образ Кураж представлен еще в одном произведении XX столетия – в новелле Г. Грасса «Встреча в Тельgte», где речь идет о выдуманном событии – трехдневном заседании поэтов XVII века накануне завершения Тридцатилетней войны. Грасс создает настолько детальные портреты писателей, так убедительно и красочно передает выдуманную историю, что ему невозможно не верить. Участники встречи решают создать манифест, который призывает к миру. Но их убеждения оказываются настолько различными, что создание единого текста становится почти невозможной задачей. В итоге создается призыв, который звучит весьма абстрактно и декларативно, но и он уничтожается в пожаре, вспыхнувшем в гостеприимном доме Кураж.

Отнесенные в XVII столетие события были выбраны Грассом не случайно. Они соотносятся с недавними событиями века XX. Тридцатилетняя война, как известно, была развязана крупными державами, такую же мощную силу представляло собой созданное Гитлером государство. Сопоставимы обе войны и по своим последствиям: миллионы убитых людей, разруха, голод, нищета, запустение, растянувшееся не на один год. Результатом Тридцатилетней войны становится Вестфальский мир, закрепивший раздробленность Германии, итогом Второй мировой войны стало разделение страны сначала на четыре оккупационные зоны, а затем привело к образованию двух немецких государств – ГДР и ФРГ. Таким образом, Грасс повествует о событиях прошлого, которые имеют непосредственную актуальность для современной ему Германии.

События в рассказе изложены от первого лица анонимного рассказчика, который намеренно себя не называет, но из текста можно понять, что встреча писателей в Тельgte в трактире Либушки Кураж была запротоколирована Гриммельсгаузеном. Образ Гриммельсгаузена в рассказе расщеплен на две ипостаси: Гриммельсгаузена-рассказчика и Гельнхаузена-персонажа, в результате чего герой рассказа принадлежит сразу двум мирам – реально-историческому и вымышленному. Образ Гельнхаузена создан из деталей творчества и биографии Гриммельсгаузена. Гельнхаузен в рассказе не стал еще великим, а лишь собирается отказаться от военных походов и взяться за похождения Симплициссимуса: «Нет, уж скорее он вспорот брюхо миру да выпустит наружу всю его вонь, да откроет <...> великую войну слов и громокипящего смеха, чтобы расковать язык, дать простор ему и разбег, чтобы стал язык таким, каков он есть в самой жизни: грубым и тихим, здоровым и недужным, удалым и меланхолическим. Он хочет писать!» [8, с. 97].

Кураж у Грасса соотносится с героиней Гриммельсгаузена: «Изрядного возраста, чего не смогла скрыть целебная мазь, в накинутой на плечи попоне, в солдатских штанах, она, тем не менее, изыскалась с изыском и причисляла себя к богемским дворянам...» [8, с. 13]. Однако в рассказе Грасса Кураж приобретает новую важную особенность: это не странствующая цыганка, промышляющая легкой наживой, а остепенившаяся пожилая трактирщица, принимающая у себя почтенное общество писателей. Прозвище Кураж звучит в рассказе лишь в устах Гельнхаузена, автор же называет ее по имени Либушка, что противопоставляет образ отважной, лихой солдатки Кураж и размеренной трактирщицы Либушки. Героиня теперь предстает в роли грамотной женщины, которая не чужда литературной жизни своего времени: «Помнила наизусть целые строфы церковных песен Гергардта. Обнаружила знание изящных оборотов из "Пегницкой пасторали" Гарсдёрфера» [8, с. 15]. Литературная образованность Либушки является прекрасным условием для проведения заседания в ее трактире: «Для встречи поэтов нарочно нельзя было придумать хозяйки начитаннее, чем Либушка...» [8, с. 15].

Образ Кураж носит в рассказе Грасса гротескный характер. Ее начитанность сочетается с вульгарными манерами: «Либушка <...> вскочила на стол, прошлась меж затанцевавших пивных кружек, задрала вдруг свои юбки, скинула шаровары и, наведя голую задницу на Гельнхаузена, удостоила его громогласным ответом» [8, с. 35]. Оба героя пытаются уколоть друг друга резкими замечаниями и насмешками: «Заткни пасть, Кураж, не то я сам тебе ее заткну!.. Забыла, мол, что ли, про свои швабские шашни? Счет еще не оплачен» [8, с. 35]. Автор рассказа дает объяснение кричащим диссонансам в отношениях Кураж и ее бывшего любовника: «...ибо то, что сводило Гельнхаузена и Либушку как молоко и уксус, было особо сильным градусом любви – ненавистью» [8, с. 99]. Неприкрытое противостояние в отноше-

ниях Гельнгаузена и Кураж, с одной стороны, и невозможность существования в рассказе друг без друга придает произведению еще большую гротескность.

По мнению А. Добряшкиной, фиктивную встречу в Тельgte можно рассматривать как символ вневременной встречи современного писателя Г. Грасса со своими предшественниками и их традициями, на которые он ориентируется в своем творчестве [9]. Как известно, свой рассказ Грасс посвятил Г.В. Рихтеру, с которым его связывали дружеские отношения по «Группе 47». 1647 год, под знаком которого в рассказе происходит заседание писателей, символизирует 300-летие со дня первого заседания «Группы 47». В рассказе автор многократно упоминает, что он также принимал участие в заседании, а потому можно предположить, что с фигурой прагматичного Гельнгаузена Грасс отождествляет себя: «Откуда мне все это известно?... Кем я был? Не Логау и не Гельнгаузенем» [8, с. 74].

Образ Кураж – это часть литературного карнавала, организованного на страницах рассказа «Встреча в Тельgte». Ее трактир служит символической границей нескольких миров. В повествовании трактир располагается между протестантским и католическим лагерем, соединяет два берега реки Эмс и даже называется «У моста» (*Brückenhof*). Постоялый двор Либушки является местом, где сходятся две литературные эпохи – барокко и перекинутая в XVII в. благодаря Грассу литературная действительность «Группы 47». Под маской Гриммельсгаузена Грасс выстраивает повествование, которое, с одной стороны, может восприниматься как безобидная и веселая литературная игра с читателем, с другой стороны, писатель поднимает животрепещущие проблемы, отражающие современное состояние немецкого общества. Трактир Кураж – это еще и место символической встречи двух исторических трагедий – Тридцатилетней войны и национал-социалистических лихолетий.

Следует отметить, что и в образе Кураж так или иначе сочетаются черты всех ее литературных предшественниц. С одной стороны, ее отличают расчетливость и хитрость гриммельсгаузеновской Либушки. С другой стороны, Кураж у Грасса можно соотнести с фигурой брехтовской маркитантки. Они обе символически связаны с образом родины, незрячей и заблудшей Германии у Брехта и Германией у Грасса, которая оказалась у разбитого корыта, как и Кураж, не сумевшая сохранить горшок с чертополохом. Некоторое сходство можно проследить и с героиней новеллы А. фон Арнима. После пожара, уничтожившего ее трактир, Либушка спокойно сложила пожитки и, «не простившись и не оглянувшись, поспускала со своими служанками к внешнему Эмсу», они держали путь «на холм, к табору» [8, с. 113]. В этой непростой ситуации Кураж оставалась невозмутимой, устремляясь к вольной цыганской жизни и проявляя романтическую безучастность к материальным благам.

Заключение. Интерес к образу Кураж проявляется в немецкой литературе в кризисные эпохи. Возникнув в творчестве Г.Я.К. Гриммельсгаузена, образ Кураж отражает стремление автора показать ужасы Тридцатилетней войны глазами женщины, которая становится солдатом и воюет наравне с мужчинами. Кураж, как и ее невидимый визави Симплиций, не просто главное действующее лицо произведения и динамично развивающийся персонаж, это в первую очередь остросоциальный характер, который призван отразить в кричащих диссонансах катастрофу Германии XVII в. через трагическую судьбу сильной женщины.

У романтика А. фон Арнима накал военных событий и социальный конфликт уходят на задний план, а образ Кураж приобретает романтические черты: неудовлетворенность окружающим миром, стремление к вольному существованию, таинственность и дикость цыганской жизни.

В драме Брехта Кураж предстает в двух ипостасях – в роли прожженной торговки и в образе матери. На примере главной героини, которой не удалось совместить обе ипостаси, автор показывает, что война не только убивает способность чувствовать и сопереживать, но и парализует в женщине ее главное предназначение – устраивать и хранить семейный очаг, растить и воспитывать детей, привносить гармонию в окружающий мир. Образ мамы Кураж выступает своеобразной метафорой ослепленной Германии, которая поддалась нацистской идеологии, утратила представление об истинных человеческих ценностях и приближается к самой масштабной катастрофе в своей истории.

У Г. Грасса Кураж трансформируется в остепенившуюся трактирщицу. Ее образ носит гротескный характер и объединяет в себе многие черты своих литературных предшественниц. Это расчетливость и хитрость гриммельсгаузеновской Либушки, романтическая безучастность к материальным благам и стремление к свободе. Как и у Брехта, Кураж – символический персонаж, который связан с образом неприглядной и разоренной родины, а ее трактир является местом схождения двух исторических трагедий – Тридцатилетней войны и национал-социалистического прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гриммельсгаузен, Г.Я.К. Симплициссимус / Г.Я.К. Гриммельсгаузен. – Л. : Наука, 1967. – 1092 с.
2. Grammelhausens Werke : in 4 Bd / H.J.Ch. Grimmelshausen. – Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag, 1977. – Bd. 3. – 412 S.
3. Battafarano, I.M. Courage: Die starke Frau der deutschen Literatur (von Grimmelshausen erfunden, von Brecht und Grass variiert) / I.M. Battafarano. – Bern : Peter Lang, 2003. – 264 S.

4. Haberkamm, K. Verkehrte allegorische Welt: Das Y-Signum auf dem Titelkupfer von Grimmelshausens ‚Courasche‘ / K. Haberkamm // Die in dem alten Haus der Sprache wohnen: Beiträge zum Sprachdenken in der Literaturgeschichte ; hrsg. von E. Czucka. – Münster, 1991. – S. 81–95.
5. Arnim, A. Philander unter den streifenden Soldaten und Zigeunern im Dreißigjährigen Kriege / A. Arnim // Die Erzählungen und Romane (in 3 Bänden) / herausgegeben von Hans-Georg Werner. – Leipzig : Insel-Verlag, 1981. – Bd. 1. – S. 257–297.
6. Копелев, Л.З. Бертольт Брехт / Л.З. Копелев. – М. : Молодая гвардия, 1966. – Вып. 3. – 431 с. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий).
7. Брехт, Б. Мамаша Кураж и ее дети. Хроника времен Тридцатилетней войны / пер. с нем. Б.В. Заходера // Б. Брехт. Театр / И.М. Фрадкин. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1964. – С. 7–88.
8. Грасс, Г. Собрание сочинений : в 4 т. / Г. Грасс ; пер. с нем. Е.А. Кацева. – Харьков : Фолио, 1997. – Т. 4. – 591 с.
9. Добряшкина, А.В. Гротеск в творчестве Г. Грасса / А.В. Добряшкина. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – 176 с.

Поступила 21.12.2017

FIGURE OF COURAGE IN THE GERMAN LITERATURE

T. HARDZIAYONAK

The article analyzes the image of Courage in the writings of H.J.Ch. Grimmelshausen, A. von Arnim, B. Brecht, and G. Grass. The image the woman at war appears as a writer's reaction to the critical social situation. The features of Grimmelshausen's Courage as a character and as a symbolical figure are revealed. The reception of this image, variations in its interpretation in the works by A. von Arnim, B. Brecht, and G. Grass are discussed. The meaning of the image of Courage depends on the peculiarities of distinct periods in the German literature and also reflects writers' personal aesthetic standpoints.

Keywords: German literature, figure of Courage, war, reception, symbol.

УДК 821 111

**ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ ОРИЕНТАЛИСТСКОЙ ТЕМАТИКИ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТОМАСА ЧАТТЕРТОНА****М.А. АНИСИМОВА***(Полоцкий государственный университет)**m.anisimova@psu.by*

Анализируются произведения Томаса Чаттертона «Геккар и Гайра», «Нарва и Моред», «Смерть Нику». Представлены исторические и биографические предпосылки создания «Африканских эклог» и проявления частных случаев ориентализма в его отдельных поэтических произведениях, а также определено новаторство поэта. Особое внимание уделено художественным приемам, которые использует автор для раскрытия ориенталистской тематики своих произведений. Детальный стилистический анализ художественного текста позволил определить характерные черты его эклог из африканского цикла в контексте всей ориенталистской поэзии этого времени. На основании анализа делается вывод о том, что, благодаря оригинальному сюжету, обилию и разнообразию стилистических средств, многочисленным элементам готики, мистицизма и мифологизма, автору удается сместить акцент в сторону эстетического аспекта ориенталистской тематики, а не аллегорического и философско-дидактического, являющегося определяющим в литературе XVIII в. Таким образом, «Африканские эклоги» становятся основой для развития традиции ориентализма в эпоху романтизма.

Ключевые слова: *ориентализм, эклога, Африка, экзотический пейзаж, готическая литература, мистицизм, мифологизм.*

Введение. Ориенталистская тематика обретает особую популярность в европейской литературе XVIII века. Британия – одна из крупнейших колониальных держав – не является исключением. И хотя жгучий интерес к востоку вспыхивает во Франции благодаря переводу сборника арабских сказок «1001 ночь», сделанного Антуаном Галланом в 1704, это событие становится «важным этапом внедрения ориентальных образов в инациональное поле английской литературы XVIII в.» [1]. Само понятие «ориентализм» возникает на основе прежде всего интереса к культуре стран Ближнего и Дальнего Востока, что весьма четко и широко отражено в эссеистике данного периода. В популярных английских журналах «Зритель» («The Spectator»), «Гардиан» («The Guardian»), «Мир» («The World») и др. на протяжении всего столетия печатаются эссе таких видных литераторов, как Дж. Аддисон («Сантон Барсиса», 1713), Дж. Уортон («Искатель приключений», 1752), Г. Уолпол («Письма Ксо Хо», 1757), У. Голдсмита («Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне со своими друзьями на востоке» 1762) и т.д. В художественной литературе география понятия расширяется в сторону Африки и Южной Америки и даже Сибири, как в романах Д. Дефо о Робинзоне Крузо, а порой охватывает и вовсе вымышленные страны, как в «Путешествиях Гулливера» Дж. Свифта (1726). Но и перевод арабских сказок, и рецепция восточной тематики в английской литературе были широко подвержены влиянию морально-дидактического духа времени. Просветительский ориентализм по большей части базируется на стремлении к универсализму и во многом носит аллегорический характер. Первыми в литературоведении эту тенденцию в обращении к восточной тематике отметили В.М. Жирмунский и Н.А. Сигал: «В сущности, восточная фабула и восточный колорит не имеют в этих произведениях самостоятельного художественного значения: они являются своего рода аллегорическими апологами или баснями на морально-философскую тему ... «Философский роман» эпохи Просвещения охотно пользуется сопоставлением религий, политического строя, обычаев и моральных норм европейских и восточных народов для показа ограниченности последних и противопоставления тому, что мыслилось как разумное и общечеловеческое. Просветительская сатира вкладывает в уста «восточного человека» как носителя природного здравого смысла, критику религиозных, моральных и социальных предрассудков современного европейского общества, либо, напротив, давая критику восточных нравов, она имеет в виду пороки европейской цивилизации» [2]. Справедливо в таком случае звучит заключение И.В. Вершинина, который называет большинство ориентальных произведений «псевдоориентальными», где «восток важен как «чуждый мир», взгляд из которого как бы позволяет со стороны оценить европейскую действительность. Сама эта действительность занимает центральное место, а «чуждый мир» – не более чем декорация. В просветительской литературе восток не несет на себе собственно эстетической нагрузки» [3, с. 97]. Просветители со своим стремлением к универсализму не пытаются отделиться от этого «мира», признать его чуждость, самобытность, порой пугающую непонятность. Разумного, здравомыслящего, образованного человека эпохи Просвещения вообще не способно что-то удивить или испугать. Но по мере становления романтических принципов в литературе и искусстве концепция ориентализма также меняется. Совсем иную

окраску и смысл приобретает эта тематика у предромантиков. Неведомые экзотические страны становятся благодатной почвой для развития фантазии. Восточный колорит, нравы и обычаи далекой страны, природа, нецивилизованность жизни, доминирование низменных инстинктов – все это порождает в их понимании искренность и неподдельность чувств и эмоций.

Основная часть. В контексте ориенталистской тематикой XVIII века особую популярность приобретает жанр эклоги. Об этом свидетельствуют «Персидские эклоги» (1738) У. Коллинза (1721–1759), «Африканские эклоги» (1770) Т. Чаттертона (1752–1770), «Восточные эклоги» (1777) Айлеса Ирвина (1751–1817), «Вест-индийские эклоги» (1787) Эдварда Раштона. Однако произведения Чаттертона заметно отличаются от остальных эклог. Из всех поэтов лишь он один по-новому реализует принцип ориентализма. Отказавшись от просветительского контекста и морально-дидактического влияния эклог Коллинза [4], в некоторой степени предвосхищая и определенно поддерживая антиколониальную идеологию Ирвина [5] и Раштона [6], поэт делает значительный шаг в сторону именно эстетического восприятия экзотики и концентрирует весь свой творческий потенциал на раскрытии тематики именно с этой стороны. Надо отметить, что в жанре ориенталистской эклоги представлены одни из наиболее ярких и сильных его работ, которые поэт создает уже в свой последний творческий период. В это время он уже фактически отказывается дальше заниматься средневековой поэзией и переключается в основном на публицистику. Тем не менее стремление поэта к творческой свободе, метафизике, полету фантазии находит свое выражение, но уже в иной тематике. Именно поэтому столь явно прослеживается тесная связь между «Поэмами Роули» и «Африканскими эклогами», которую в своем исследовании отмечает Ким Ян Мичазив (Kim Ian Michasiw) [7].

Прежде всего важно понять, чем был обусловлен интерес Чаттертона к Африке. Так сложилось, что за свою жизнь поэт не путешествовал и физически не был дальше Лондона, и все же многие значимые и эпизодические факты его биографии оказываются связаны именно с этим континентом. В первую очередь, стоит отметить тот факт, что колониальная экспансия Англии во времена Чаттертона была во многом направлена в сторону Африки, в связи с интенсивным ростом популярности весьма прибыльного вида экономической деятельности – работорговли. Особенно это было заметно в портовых городах, коим является Бристоль. Туда ежедневно прибывали суда, полные поработанных людей с черным цветом кожи. Чаттертон как юноша прогрессивных общественно-политических взглядов, сам рано познавший многие лишения и несправедливость, не мог не отреагировать на эту проблему. Кроме того, стоит обратить внимание на то, в каком учебном заведении поэт провел самые значимые годы своей жизни и фактически формировался как личность. Колстонский колледж, церковно-приходская школа-интернат для мальчиков, был основан Эдвардом Колстоном, ярким англиканцем и человеком, сколотившим себе состояние на торговле рабами из Африки. Противоречивость жизненной позиции основателя отразилась на характере обстановки этого закрытого учебного заведения, где царили жесткость и строжайшая дисциплина, где любое проявление иноверия, вольнодумства и индивидуальности, начиная с внешнего вида и заканчивая поведением, жестко пресекались и грозили воспитанникам исключением. По своей природе Чаттертон был ребенком неординарным, своевольным и свободолюбивым, поэтому все, что было связано со школой, принадлежащей работорговцу, и ее уставом вызывало в нем протест и стойкую неприязнь. После окончания колледжа его определили в подмастерья к бристолюскому нотариусу Джону Ламберту отрабатывать свое обучение. Там он опять-таки попадает в фактически рабские условия: работа с утра до позднего вечера лишь за кров и скудное пропитание, отсутствие личного пространства и времени для творчества, жестокое отношение со стороны хозяина-самодура. Безусловно, все эти обстоятельства не могли не отразиться на мировоззрении и жизненной позиции свободолюбивого и талантливого подростка из бедной семьи, воспитанного без отца и рано познавшего лишения и несправедливость классового неравенства. Также некоторые биографы утверждают, что поэт в поисках свободы и заработка подумывал о путешествии на жаркий континент в качестве ассистента корабельного врача [8, 3]. Следовательно, африканская тематика так или иначе сопровождает Чаттертона на протяжении всей жизни и потому в конечном итоге находит отражение в его творчестве.

Чаттертон, которого явно волновала проблема работорговли, не мог не затронуть ее в своих произведениях. Наиболее явно антиколониальное настроение поэта проявляется в его первой эклоге «Хекар и Гайра» («Hecar and Gaïra», 3 января 1770 г.). Произведение представляет собой печальный и одновременно жесткий диалог двух африканских воинов Гайры и Хекара, решительно настроенных отомстить бледнолицым за их позорное и жестокое деяние, порабощение жены Гайры Кавны и их детей: «In the deep valley and the mossy plain, / I sought my Cawna, but I sought in vain. // The pallid shadows of the azure waves / Had made my Cawna, and my children, slaves!»¹ [9, p. 90]. Словами Гайры Чаттертон явно выражает и свое собственное отношение к торговцам людьми и к их деятельности: «The dusk slow vanished from

¹ Среди широких долин и мшистых равнин / Искал я мою Кавну, но искал напрасно. // Бледные тени лазурных волн / Поработили Кавну и моих детей! (Здесь и далее перевод наш – М.А.)

the hated lawn, / I gained a mountain glaring with the dawn. // There the full sails, expanded to the wind, / Struck horror and distraction in my mind; // There Cawna, mingled with a worthless train. // In common slavery drags the hated chain.»² [9, p. 90]. Он именует процесс порабощения «дрянным караваном», в котором человеку приходится влачить на себе «ненавистные цепи» и вид которого вызывает в душе лишь «ужас и отчаяние». Очень органично используется поэтический перифраз «дети волны», чьи бледные лица принимают «измученное выражение даже при слабом свете солнца», «бледное племя», «бледная тень лазурной волны» – так передает автор восприятие белокожих европейцев жителями жаркого континента: «The children of the wave, whose pallid race / Views the faint sun display a languid face. // From the red fury of thy justice fled / Swifter than torrents from their rocky head. // Fear with a sickened silver tinged their hue: / The guilty fear, when vengeance is their due.»³ [9, p. 89] Они, дикари, в восприятии европейцев «полулюди», оказываются более честными, пронизательными, человечными, чем представители цивилизованных наций. Поэтому, несмотря на свое могущество, бледнолицые работорговцы все же испытывают страх перед этой разъяренной дикарской силой, «повинный страх» перед «красной (кровоавой) справедливостью», которую стремится установить Гайра. И потому, сделав свое подлое дело, они бегут от «дикарей» быстрее, чем «потоки рек, стекающие с горных вершин». Эта непосредственность восприятия, прямота, страсть, стремление к свободе, которые пронизывают каждый жест, каждую мысль жителя далекой неведомой земли, явно вдохновляют и восхищают Чаттертона.

Вторая эклога «Нарва и Моред» («Narva and Mored», 2 мая 1770) представляет собой своеобразную языческую мистерию, где группа африканских воинов во главе со жрицей избегают на священную гору, на вершине которой они предаются ритуальным танцам вокруг священного древа, поклоняясь языческому богу Чалме. Во время танца жрица повествует о молодом жреце Нарве и юной красавице Моред, чья запретная любовь обернулась трагедией: не в силах жить друг без друга, они бросаются с обрыва, взявшись за руки, и погибают. В этом произведении Чаттертон уже практически оставляет проблему работорговли и с головой погружается в загадочный экзотический мир Африки, который живет по своим законам в своем собственном мистическом и мифическом мире, далеком от всего, что связано с Англией и цивилизацией вообще. Лишь однажды он вскользь, иносказательно упоминает своих соотечественников, в характеристике которых вновь проглядывается презрение и осуждение того, чем они занимаются, путешествуя по дальним экзотическим странам: «The pale children of the feeble sun, / In search of gold, through every climate run: / From burning heat, to freezing torments go, / And live in all vicissitudes of woe.»⁴ [9, p. 181].

Эклога «Смерть Нику» («The Death of Nicou», 12 июня 1770) по своим жанровым характеристикам скорее является легендой в форме эпической поэмы, которая в отличие от предыдущих двух эколг полностью фантастична и мифологична. В ней повествуется о деяниях доблестного воина Нику, чье имя увековечено в «священных песнях». Нику направляется на смертельный бой со своими отважными чернокожими воинами: «Nicou, immortal in the sacred song. // Held the red sword of war, and led the strong; / From his own tribe the sable warriors came. // Well tried in battle, and well known in fame.»⁵ [9, p. 202]. Описанию сражения предшествует легенда о его отце – боге войны Нараве и боге небес Вичоне, враждовавшие между собой и однажды вступившие в смертельную схватку, в которой бог войны одержал победу: «There Vichon sat, his armour on his bed. // He thought Narada with the mighty dead. // Before his seat the heavenly warrior stands. // The lightning quivering in his yellow hands. // The god astonished dropped; hurled from the shore. // He dropped to torments, and to rise no more. // Headlong he falls; 'tis his own arms compel. // Condemned in ever-burning fires to dwell.»⁶ [9, p. 203]. Любовь Чаттертона к описаниям сражений в полной мере находит здесь свое воплощение. Почувствовав свободу, которую давала ему экзотика далекой Африки, автор разворачивает напряженную борьбу не только на земле, но и на небе, и в пучине моря.

² Сумерки медленно растворялись над ненавистной поляной / Взбежал я на гору, залитую светом восходящего солнца, // И там вид парусов, вдалеке раздуваемых ветром, / Наполнил ужасом и отчаянием мое сердце; // Там образ Кавны слился с дрянным караваном / Чтобы влачить ненавистные рабские цепи.

³ Дети волны, чьи бледные лица / Принимают измученную гримасу даже при слабом свете солнца. // Спасаясь, бегут они прочь от красной ярости твоего правосудия / Быстрее потоков с горных вершин. // Мертвенно бледный страх посеребрил их головы / Тот самый страх повинного, когда возмездие неизбежно.

⁴ Бледные дети слабого солнечного света, / В погоне за золотом готовы переносить любой климат: / Из палящего зноя они окунаются в ледящий холод, / Так и проводят всю жизнь в этом мучительном порочном круге.

⁵ Нику, чье имя увековечено в бессмертной песне. / Держа в руке окровавленный меч войны, вел за собою силачей; / Те черные воины походили из его собственного племени. // Доблестные в бою и славой знамениты.

⁶ Там восседал Вичон, оружие сложив к подножью трона. // Он был уверен, что Наравда уж покоится давно среди могучих предков. // Но перед троном вдруг возник небесный воин. // И молния в руках его златых сверкала. // Бог в изумлении пал ниц, и тотчас был повержен. // Отправлен он в пучину вечных мук, чтоб больше не воскреснуть // Оставив меч, стремглав он падал в бездну. // Навечно осужденный так гореть в пламени преисподней.

Нику является достойным потомком своего славного отца, и автор наделяет его самыми щедрыми характеристиками: «The mighty Nicou, furious, wild, and young...»⁷ [9, p. 203]. Чаттертона восхищают качества этого молодого воина, он «могуч», «яростен», «неистов», для него не существуют и просто не могут существовать границы. Но такие воины как правило вынуждены принимать нелегкий вызов судьбы и врагов. Так происходит и с Нику, когда коварные, завистливые и оттого несчастные боги постоянно ищут способ подло ему отомстить: «Long had the gods endeavoured to destroy / All Nicou's friendship, happiness, and joy»⁸ [9, p. 203]. Особенно его могущество и процветание не дают покоя потомку поверженного Вичона. Однако, решив сгубить Нику, он не вызывает его на честный бой, а пытается рассорить его с другом детства Рорестом. Он насыляет чары на Рореста, и тот, ослепленный красотой сестры Нику, похищает ее. Девушка от тоски умирает на чужбине. Убитый горем Нику идет мстить тому, кто некогда был ему «сердечным другом юности» («companion of his youthful breast»). Отомстив за сестру, доблестный воин убивает себя копьем, не в силах больше жить с этой душевной раной.

Эстетическая ценность всех трех эклог заключается в совершенно новом для литературы XVIII в. способе раскрытия ориенталистской тематики и ее синтезе с готическими мотивами. Для того чтобы понять замысел автора и его идейно-эстетическое новаторство, следует более подробно проанализировать каждое произведение.

Традиционно для поэта важную роль играет пейзаж. И для автора, который стремится наполнить свои произведения элементами новизны, максимально задействовать силу воображения, описание экзотической природы является наиболее плодородной почвой для реализации данной цели. Каждая эклога Чаттертона, как и положено, начинается с вводной части. Автор делает ее весьма развернутой, где с особой тщательностью прорисовывает детали африканского пейзажа. Ярким примером является вступление, которое предшествует диалогу Хекара и Гайры из одноименной эклоги: «Where the rough Caigra rolls the surgy wave, / Urging his thunders through the echoing cave; // Where the sharp rocks, in distant horror seen. // Drive the white currents through the spreading green; / Where the loud tiger, pawing in his rage. // Bids the black archers of the wilds engage;»⁹ [9, p. 87]. В воображении автора дикая природа Африки – это «бурлящие потоки» сказочных рек¹⁰, которые бурными волнами проносятся сквозь горные пещеры, отзываясь в них раскатами грома, виднеющиеся вдали ужасающие острые скалы, белые пенные потоки, пронесшиеся сквозь бескрайние зеленые заросли, где рычащий тигр, в ярости скребя лапой землю, вызывает на бой диких чернокожих лучников. Автор стремится как можно более образно и красочно передать необычный экзотический пейзаж и невыносимый зной африканского континента с помощью эпитетов «бурная волна» («surgy wave»), «мучительный зной» («burning torments of the day»), «темные пары» («dark vapours»), «ревущий поток» («roaring stream»), «вздымающиеся пески пустыни» («rising deserts»), «нарастающая буря» («brooding tempest»). Эти необыкновенно эмоциональные эпитеты весьма органично вплетаются в многочисленные персонификации, такие как «нарастающая буря завывает», «бесконечные вспышки молний вспахивают песчаную землю», «пески пустыни вихрем кружатся в воздухе», «темные пары источают ночную росу». Благодаря этим олицетворениям вся атмосфера знойного континента как будто оживает: «Heccar the Chief of Jarra's fruitful Hill, / Where the dark vapours nightly dews distil, / Saw Gaira the companion of his soul, / Extended where loud Caigra's billows roll; // Gaira, the King of warring Archers found, / Where daily lightnings plow the sandy ground, / Where brooding tempests howl along the sky, / Where rising deserts whirl'd in circles fly.»¹¹ [9, p. 88].

Автор намеренно оживляет природу, делает ее активным участником событий, который создает неповторимый колорит и определяет настроение и атмосферу всего произведения. Пейзаж во многих произведениях Чаттертона, а в Африканских эклогах особенно, очень динамичен, полон страсти и ярких красок, каким он только и может быть там, где «природа улыбается в полную силу» («nature in her strongest vigor smiles»). Например, подробное описание течения реки Тибр в начале эклоги «Смерть Нику» во многом предвосхищает экспрессивный характер предстоящих событий эклоги, наполненной яростными сражениями: «On Tiber's banks, Tiber, whose waters glide / In slow meanders down to Caigra's side; / And circling all the horrid mountain round, / Rushes impetuous to the deep profound; // Rolls o'er the ragged rocks with hideous yell; // Collects its waves beneath the earth's vast shell: / There for a while, in loud

⁷ Могучий Нику, молод, яростен, неистов.

⁸ Давно уж боги искали способ разрушить все, / Чем Нику дорожил: его дружбу, счастье и радость.

⁹ Где грохот вздымающихся волн бушующей Кайгры, / Отзывается в пещерах громогласным эхом; // Где вдали виднеются ужасающие вершины скал. // С шумом проносятся белые потоки сквозь бескрайние зеленые заросли; / Где тигр громко рыча, яростно скребет лапой землю. // Призывая черных лучников-дикарей сразиться в схватке с ним;

¹⁰ Каигра – вымышленное название, такой реки не существует.

¹¹ Гекар – вождь плодородных холмов Джарры, / Где темные пары превращаются в ночную росу, / Увидел Гайру, родственную душу, / Там, где с шумом катит свои волны Кайгра; // Гайра, король воинственных лучников, был найден там, / Где ежедневно молнии бороздят песчаные поля, / Где нарастающие бури воют в небесах, / И где пески пустынь кружатся, вихрями взмывая ввысь.

confusion hurl'd, / It crumbles mountains down and shakes the world. // Till borne upon the pinions of the air, / Through the rent earth, the bursting waves appear; // Fiercely propell'd the whiten'd billows rise, / Break from the cavern, and ascend the skies: // Then lost and conquer'd by superior force, / Thro' hot Arabia holds its rapid course.¹²» [9, p. 201]. Река превращается в одушевленный субъект с целым спектром эмоций и действий, находящихся в непрестанной динамике. Она сначала плавно скользит, совершая медленные изгибы, потом мчится стремительно в глубь пучины и кружит вокруг обрывистых скал с ужасающим ревом и, наконец, собрав свои воды в недрах земли, шумным водоворотом крушит горы на своем пути, так что сотрясается весь мир вокруг. И вот, разрывая землю, появляются на свет разъяренные волны, неистово несутся пенные воды, бурля, вырываются из пещер и взмывают прямо в небо. И тем не менее находится еще большая сила (по-видимому, автор имеет ввиду еще более бурную и полноводную реку, притоком которой является Тибр), которая эту стихию поглощает («lost and conquered by superior force»). Помимо богатой лексики, автор на просодическом уровне также передает резкость и порывистость движений стихийного водного потока, в частности аллитерацией звука [r] в «Rushes impetuous to the deep profound; // Rolls over the ragged rocks with hideous yell;» или «Through the rent earth the bursting waves appear». [9, p. 201]. Очевидно восхищение Чаттертона богатством, величием и колоритом пейзажей жаркого континента, который он никогда не видел.

Природа безусловно всегда занимала особое место как в жизни, так и в творчестве поэта. Но если родные пейзажи воочию покоряли его своей живописной красотой и никогда не оставляли его внутренний мир безмолвствующим, то мысли об Африке, такой далекой, загадочной, где практически не ступала нога белого человека, просто разжигают его фантазию с невероятной силой. И поскольку автор сам тесно связан с природой, поэтому и своих персонажей он видит неотъемлемой частью это мира. Все их мысли, чувства, действия и даже внешность определяются природными явлениями, сравниваются с пышным экзотическим пейзажем Африки или даже становятся его элементами. Они настолько органично вплетены всем своим естеством в этот необычный, красочный, порой жестокий окружающий мир, что становятся столь же могучи, величественны и страстны, как Гайра, который вступает в смертельную схватку с тигром, нарушившим его полуденный отдых в объятиях Кавны: «Swift from the wood a prowling Tiger came; / Dreadful his voice, his eyes a glowing flame; // I bent the bow, the never-erring dart / Pierc'd his rough armour, but escap'd his heart; / He fled, tho' wounded, to a distant waste, / I urg'd the furious flight with fatal haste; // He fell, he dy'd – spent in the fiery toil, / I strip'd his carcass of the furry spoil, / And as the varied spangles met my eye, / On this, I cried, shall my lov'd Cawna lie»¹³ [4, p. 89]. Чаттертон рисует захватывающую сцену борьбы со свирепым хищником, у которого «глаза горят, как пламя». Автор умело создает атмосферу яростной схватки с помощью эпитетов «ужасающий рев» («dreadful voice»), «яростная борьба» («furious flight»), «смертельная погоня» («fatal haste»), «агония» («fiery toil»). Аллитерация со звуком [f] при этом усиливает драматизм и напряженность сцены, особенно учитывая тот факт, что все самые значимые и определяющие ее атмосферу слова начинаются именно с этого звука: «He fled, tho' wounded, to a distant waste, / I urg'd the furious flight with fatal haste; // He fell, he dy'd – spent in the fiery toil» [9, p. 89].

Одним из красивейших примеров неразрывной связи человека и экзотической природы является образ африканской женщины Кавны: «Cawna, the pride of Afric's sultry vales, / Soft as the cooling murmur of the gales, / Majestic as the many colour'd Snake, / Trailing his glories thro' the blossom'd brake; // Black as the glossy rocks, where Eascal roars, / Foaming thro' sandy wastes to Jaghirs shores; / Swift as the arrow, hastening to the breast, / Was Cawna, the companion of my rest.»¹⁴ [9, p. 89]. Автор выбирает наиболее привлекательные и изящные черты африканского пейзажа и сравнивает с ними возлюбленную воина Гайры, с которой его

¹² На Тибра берегах, того Тибра, чьи воды плавно протекают / В медлительных меандрах вниз в сторону Кайгры; / И огибают со всех сторон ужасающе величественные холмы, / Затем стремительно несутся в самую глубину; // С шумом и плеском обрушиваются на острые камни; // А после собираются волнами в недрах земли: / Там на мгновение впадают в шумное смятение / И, сокрушая горы на своем пути и сотрясая мир вокруг, // Поток вдруг стремится к свету, разрывая землю, / И вновь волнами быстрыми несется; // Яростно надвигаясь, вздымаются пенные волны / И, вырываясь из глубины пещер, прямо к небу воспаряют: // Но тут же мощь свою теряют, большей силе покоряясь, / И уж далее по жаркой Аравии продолжают свое быстрое течение.

¹³ Стремглав из чащи выскочил вдруг рыскающий тигр; / С ужасным ревом и глазами будто пламя; // Я выгнул лук и верная стрела со свистом / Пронзила его косматое оружие (лапу), но не попала в сердце; / Хоть раненный, помчался он в далекую пустыню, / Но я все ж бросился за ним в смертельную погоню; // Упал он, испутивши дух, агонией предсмертной истощенный, / А я тем временем сдирал с него свой меховой трофей. / И в миг, когда глаза мои вдруг повстречались с поблекшими искрами его глаз, / Я прогремел тогда победным гласом, что на добыче этой будет моя Кавна возлежать.

¹⁴ Кавна – гордость африканских знойных долин, / Нежна, как журчанье прохладного ручейка, / Величавая, как разноцветная змея, / Что переливаясь всеми цветами радуги медленно ползет сквозь цветущие заросли: // Черная, как лоснящаяся на солнце скалы, где с шумом Эскал протекает, / И пенясь, несет свои воды сквозь песчаную пустырь прямо к берегам Джахира; / Быстра, как стрела, что со свистом грудь пронзает, / Была Кавна моей сердечной подругой.

так жестоко разделили. Он называет ее «гордостью знойных африканских долин», сравнивает ее гибкость с разноцветной змеей, а цвет кожи – с «лоснящимися на солнце черными скалами». К тому же Чаттертон просто восхищается богатством внутреннего мира своего героя, который способен так красиво и глубоко чувствовать, так искренне воспевать свою любовь. Не менее восхитителен образ прекрасной Моред: «Where the sweet Zinsa spreads its matted bed, / Liv'd the still sweeter flow'r, the young Mored. // Black was her face, as Togla's hidden cell; // Soft as the moss where hooting adders dwell¹⁵» [9, p.182]. Используя всю силу своего пылкого юношеского воображения, автор выбирает самые необычные эпитеты и сравнения, чтобы передать экзотическую красоту африканской девушки. Чаттертон оставил после себя довольно много произведений из любовной лирики, где в самой восторженной форме воспевают внешность бристолюбивых красавиц. Однако африканские эклоги становятся для него совершенно новым необычным экспериментом, ведь подобная манера описания женской прелести могла бы показаться нелепой или даже оскорбительной относительно внешности даже самой красивой англичанки. Эта какая-то другая, непривычная, нестандартная, но все-таки красота завораживает молодого поэта, поэтому создаваемые им образы обладают такой притягательностью.

Еще один яркий пример особого поэтического синтеза человека и окружающего мира отображен в ритуальных действиях в честь африканского идола Чалмы, в эклоге «Нарва и Моред». Эти мистерии погружают читателя в захватывающий и мистический мир языческого танца с песнями и заклинаниями: «Three times the virgin swimming on the breeze, / Danc'd in the shadow of the mystic trees: / When like a dark cloud spreading to the view, / The first-born sons of war and blood pursue; / Swift as the elk they pour along the plain; / Swift as the flying clouds distilling rain. // Swift as the boundings of the youthful roe, / They course around, and lengthen as they go. // Like the long chain of rocks, whose summits rise, / Far in the sacred regions of the skies; // Upon whose top the black'ning tempest lours, / Whilst down its side the gushing torrent pours. // Like the long cliffy moutnains which extend / From Lorbar's cave, to where the nations end, / Which sink in darkness, thick'ning and obscure, / Impenetrable, mystic and impure;»¹⁶ [9, p. 179]. Фантазия автора в использовании сравнений, как простых, так и весьма развернутых, не знает границ. Интересно, как автор создает атмосферу ритуала, совершаемого вокруг священного древа. Используя анафору со словом «swift», поэт не только подчеркивает физические достоинства воинов, но и как бы воссоздает эффект многочисленных движений по кругу, совершаемых ими во время обряда.

Удивительно, насколько умело молодой поэт рисует образы совершенно незнакомых ему необычных мест, людей, животных. Картины экзотики настолько яркие, что он умудряется передавать не только краски, но и необыкновенные ароматы, наполняющее пространство, которые источают причудливые растения, невыносимый зной от палящего солнца, создавая таким образом полнейший эффект присутствия в далекой и загадочной стороне: «Where the blue blossom of the forky thorn, / Bends with the nectar of the op'ning morn: / Where Gingers aromatic matted root, / Creep through the mead, and up the mountains shoot.»¹⁷ [9, p. 179] или «Where the soft Togla creeps along the meeds, / Thro' scented Calamus and fragrant reeds; //... As to the sacred court she brought a fawn, / The festive tenant of the spicy lawn»¹⁸ [9, p. 182]. Автор воплощает весь восторг от воображаемой картины в таких синонимичных эпитетах, как «душистый» («scented»), «ароматный» («aromatic»), «благоуханный» («fragrant»), «пряный» («spicy»). В эклоге «Смерть Нику» Чаттертон не боится полностью поменять представление английского читателя о таких растениях, как жасмин или алоэ. Здесь мы узнаем об «алом» жасмине и «пурпурном» алоэ, который изливает насыщенное благоухание, что никак не соотносится с привычным образом этих растений в понимании европейца: «On Tiber's banks, where scarlet jasmines bloom, / And purple aloes shed a rich perfume: / Where, when the sun is melting in his heat, / The reeking tygers find a cool retreat; // Bask in the sedges, lose the sultry beam, / And wanton with their shadows in the stream¹⁹» [9, p. 201].

¹⁵ Там, где сладкая зинза стелется матовым ковром, / Жил еще более прекрасный цветок Моред. // Лицо ее было черно, как Тоглы скрытой пещеры тьма; // Нежна, как мох, где обитают шипящие ядовитые змеи.

¹⁶ Три раза дева в воздух воспарив, / Закружила в танце под сенью мистических деревьев: / Когда подобно темной разрастающейся туче, / Славные сыны войны и крови следовали за ней; / Так быстро, как стадо оленей, мчались они по равнине; / Так быстро, как летящие облака, сыплющие дождем. // Так быстро, как стая молодых косуль, / Они на ходу то кружат хороводом, то вдруг стройной вереницею бегут. // Подобно долгим цепям скал, чьи острые вершины, возвышаются над всем, / И высоко взмывают прямо в святые небесные сферы; // И там парят над чернеющими грозowymi тучами, / Пока по склонам их бегут неистовые водные потоки. // Подобно утесистым горам, что простираются / От пещеры Лорбар до края земли, / Который утопает во тьме сгущающейся и мрачной, / Непроницаемой, загадочной и скверной;

¹⁷ Где синее цветение колючего боярышника, / Сплетается с нектаром пробуждающегося дня: / Где ароматный ветвистый корень имбиря, / Стелется по лугу и прорастает вверх вдоль склона горного крутого.

¹⁸ Где ласковая Тогла протекает вдоль полей, / Чрез душистый Каламус и ароматный тростник; //... Когда на священное собрание она привела маленькую лань, веселую жительницу пряной долины.

¹⁹ На Тибра берегах, где расцветают цветы алого жасмина, / И пурпурный алоэ источает богатое благоуханье: / Где, когда солнце плавится от собственного зноя, / Рычащий тигр обретает прохладное убежище; // И нежится в тени осоки, укрытый от знойных лучей, / И резвится, играя с тенями в прохладном ручье.

Нельзя не отметить тот факт, что все три произведения из цикла наполнены абсолютно вымышленными географическими названиями рек, водопадов, гор, имен богов. Вот некоторые из них: Галка (Galca), Гаигра (Gaigra), Джарра (Jarra), Искал (Eascal), Джахир (Jaghir), Калабар (Calabar), Чалма (Chalma), Лупа (Lupa), Тоддида (Toddida), Зира (Zira), Зинса (Zinsa), Лорба (Lorba), племя Алра (Alra). Все эти имена и названия – не более, чем фантазии молодого поэта. Во всяком случае в письменных источниках они не фигурируют. Возможно в родном Бристоле он слышал отголоски этих имен в рассказах моряков, работающих на рабовладельческих судах, и уже в процессе создания эклог просто домыслил или перефразировал их. Представляя читателю фантастические названия как реально существующие, автор инстинктивно следует новым эстетическим принципам, где поэтическая реальность и фантазия художника играют первостепенную роль в творческом процессе. По сути можно утверждать, что Чаттертон берет на себя смелость создать собственно вымышленное мифологическое и географическое пространство, в очередной раз проявляя себя как умелый художник-мистификатор. Поэт и литературовед Персиваль Стокдейл (Percival Stockdale, 1736–1811), современник Чаттертона, поклонник его творчества и сторонник нового романтического веяния в искусстве, в своей лекции, посвященной поэту уже после его смерти, следующим образом оценивает его географические метаморфозы и их эстетическую функцию в тексте: «Давайте оставим все эти географические и топографические обозначения, и тому подобные точные математические подсчеты землеустроителям и холодны критикам. Давайте же просто, как и люди, почувствуем душу поэта со всеми его маленькими простительными ошибками, независимо от того, были ли они тщательно спланированы или явились досадным недоразумением. Давайте же охотно прощать противоречия великого ума, в моменты его затмения в блаженстве. Пусть он с экстравагантностью Ариосто перемещает горы и переливает реки в новые страны; его слава не может быть ужалена даже целым роем знатоков древности. Одно чудо вне их власти; частица его души, даже ее отражение, никогда не сможет переселиться в тело критика. Я не забочусь о том, где протекает его Тибр, если в моем воображении я с восторгом пронесусь по его быстрым потокам, которые унесут меня подальше от литературных ос и нудных трутней»²⁰. Стокдейл призывает читателя по-новому взглянуть на поэзию: не с точки зрения научной точности и здравого смысла, а с точки зрения чувственного восприятия образов, создаваемых автором. И, безусловно, одним из главнейших достоинств эклог являются ее фантастические образы и картины воображаемой экзотики, которые восхищают и создают иллюзию полнейшей реалистичности.

Еще одним важным аспектом африканских произведений Чаттертона, требующим отдельного рассмотрения, является синтез ориентализма и готики. На эту особенность произведений уже обратил внимание И.В. Вершинин [8, с. 96–114], но почти не конкретизировал сами элементы и их особенности. Разумеется, в африканских произведениях поэта читатель не найдет общепринятых элементов английской литературы ужасов, как, например, старинного полуразрушенного замка, населенного призраками и черными воронами, загадочных монахов, рыцарей, угрюмых и жестоких злодеев-баронов. Но зато эти произведения насыщены своей собственной неповторимой и не менее устрашающей атрибутикой, заставляющей сердце читателя замирать, а порой и трепетать от напряжения и тревоги. В целом этот союз экзотического и ужасного вполне логичен, так как то, что является новым, необычным, незнакомым, далеким не может не вызывать интерес, но и своеобразный дискомфорт. Неизвестность порождает определенное чувство страха, тревоги, пессимизма, которые, несмотря на всю негативную коннотацию, являются к тому же весьма притягательными. Это как раз то смешанное чувство, о котором пишет Э. Берк в своем трактате «О возвышенном и прекрасном». Оттенки этих эмоций наряду с красочностью и великолепием экзотики создают полную картину нового предромантического ориентализма во всех трех эклогах.

Все три произведения, такие пышные и яркие, имеют трагический сюжет. Гайра безвозвратно теряет свою жену и детей, не в силах жить друг без друга погибают Нарва и Моред, после смерти сестры и предательства друга сам себя убивает воин Нику. Такие характерные для готики мотивы трагической смерти, мести и преследования злодеев или же темных сил присутствуют и в африканских эклогах. Во всех произведениях зло побеждает добро. Так, некогда «окрыленный любовью» («impelled by love») и смелый, а ныне одержимый мстью Гайра теряет надежду и предается воле темных сил: «Reflection maddens, to recall the hour, / The Gods had giv'n me to the Daemon's power»²¹ [9, p. 90]. В душе этого бесстрашного воина, вдруг поселяются «ужас и отчаяние» («horror and distraction»), перед лицом нового странного зла, имя которому – белый человек. Страх этот вызван неизвестностью, непониманием, как

²⁰ Let leave geographical, and topographical distinctions, then such common triumphs, to mathematical land-surveyors, and frigid criticks and us. Let us, like men, feel the soul of the poet, with all his little pardonable errors, whether they proceeded from consistent design, or from deplorable accident. Let us be eager to forgive the absurdities of a great mind, while it is eclipsed, in glory. Let it, with the extravagance of an Ariosto, remove mountains, and transfuse rivers into new regions; its fame cannot be stung to death by a swarm of antiquarians. One miracle is beyond its power; a particle of its soul, even by reflexion, will never transmigrate into the body of a critick. I care not where it makes its Tiber flow, if delightfully borne, in fancy, along its rapid stream, it carries me beyond the reach of literary wasps, and drones [10].

²¹ Воспоминания сводят с ума, лишь вспоминая я тот час, / Боги отдали меня во власть демонам.

противостоять этому злу, ведь там, где оно появляется, нарушается естественная гармония и привычные законы природы перестают работать. Гайра фактически признает свою беспомощность, когда высшие силы, а не сам он, человек, решают его судьбу. Согласно готической концепции жизнью управляет «трагический фатализм, как выражение беспомощности человека перед непостижимой мощью иррациональных сил (будь это бог или рок)» [11, с. 82]. Он четко осознает это, говоря, что «боги передали его во власть демонам» («The Gods had given me to the Daemon's power»). Переходя на сторону темных сил, он собирается беспощадно мстить так, что всегда омытое свежей кровью копье его «никогда не сможет утолить жажду мести», он «усыплет побережье могучими мертвецами», «окрасив алым их белые, как лилии, тела»: «Now judge, my Heccar, have I cause for rage? // Should aught the thunder of my arm assuage? // In ever-reeking blood this jav'lin dy'd / With vengeance shall be never satisfied; // I'll strew the beaches with the mighty dead / And tinge the lily of their features red»²² [9, p. 90]. Слова Гайры невероятно поэтичны благодаря ярким и образным метафорам, сравнениям и персонификации.

В эклоге «Нарва и Моред» танец в честь языческого идола Чалмы, исполняемый жрицей и воинами африканского племени, благодаря своей таинственности, устрашающей необычности, ритуальности является наиболее ярким воплощением готического стиля. Для того чтобы создать соответствующую атмосферу автор на лексическом уровне насыщает текст всевозможными метафорическими эпитетами такими, как «тень мистического дерева» («shadow of the mystic tree»), «темное облако» («dark cloud»), «чернеющая буря» («blackening tempest»), «летающий ужас» («flying terror»), «мрачные деревья» («gloomy trees»), «тьма сгущающаяся и мрачная» («darkness, thickening and obscure»), «замкнутый круг проклятья» («vicissitude of woe») и мистическими олицетворениями «где стоном раздаются военные песни духа вождя» («where howls the war song of the chieftain's ghost»), «жрица, возносясь, пела священную легенду, и громкий рефрен эхом разносился по долине» («The priestess rising, sings the sacred tale, And the loud chorus echoes thro' the dale.»). На звуковом уровне Чаттертон притягивает внимание читателя и интенсифицирует мрачность и трагичность истории с помощью аллитерации со звуками [k] и [m]: «Which sink in darkness, thick'ning and obscure, / Impenetrable, mystic and impure;» [9, p. 180]. Весьма устрашающим звучит призыв жрицы к языческому богу Чалме. Она взывает к идолу наградить души Нарвы и Моред в его мрачной пещере и отворить темницу их могилы: «Chalma reward them in his gloomy cave, / And open all the prisons of the grave»²³ [9, p. 182].

И вновь рефреном проходит сквозь все произведение новая философская концепция о роли человека в окружающем его мире, не только физическом, но особенно в духовном. Он более не надеется на свои собственные силы и фактически ощущает свою полную зависимость от влияния высших сил. В первую очередь это проявляется в том, с какой самоотдачей сильные и могучие воины совершают акт поклонения языческому богу. Несмотря на то, что Нарва и Моред заканчивают жизнь самоубийством, они это делают с полной уверенностью в том, что вверяют свои жизни воле богов: «Existence was a torment! O my breast! // Can I find accents to unfold the rest! // Lock'd in each other's arms, from Nyga's cave, / They plung'd relentless to a watry grave; / And falling murmur'd to the pow'rs above, / Gods! Take our lives unless we live to love»²⁴ [9, p. 182]. Поступок влюбленных и их предсмертные слова полностью отображают новое мироощущение человека эпохи предромантизма: чувство фатальности, разочарование, удары злого рока и, как следствие, капитуляция и полное подчинение высшим силам. И это больше не единый «Всевышний Справедливый Судья» и не «Источник всего доброго», а силы темные и беспощадные.

Готический мотив в эклоге «Смерть Нику», по большей части фигуральный, появляется уже в длинной вступительной части, где посреди глубокой ночи во время празднования в честь бога Чалмы появляется загадочное божество, которое устрашающим голосом сообщает о приближающейся опасности. В его послании особенно выделяется необычный образ восходящего солнца, который явно становится предвестником трагических событий: «Where in the days of old a god appear'd: / 'Twas in the dead of night at Chalma's feast, / The tribe of Alra slept around the priest. // He spoke; as evening thunder bursting near, / His horrid accents broke upon the ear; // Attend Alraddas, with your sacred priest! // This day the sun is rising in the east; // Now, now is rising in a mortal birth. //»²⁵ [9, p. 202]. Рассвет, который обычно воспринимается как

²² Теперь, мой Геккар, рассуди меня, имею ли я право ненавидеть? // Должен ли гром моего оружия смягчиться? // Вечно омытое свежей кровью мое копье / Никогда не сможет утолить жажду мести; // Усыплю я побережье могучими мертвецами, / Окрасив алым цветом их белые, как лилии, тела.

²³ Чалма наградил их в своей мрачной пещере, / И открыл им все темницы могилы.

²⁴ Существовать мне было целое мученье! О мое сердце! // Могу ли я найти слова, чтобы закончить свой рассказ! // Заклучивши друг друга в объятия, из пещеры Гайры, / Они прямоком бросились в водную могилу; / И, падая в пучину моря, прокричали, высшим силам, / Боги! Возьмите наши жизни, коль не дано нам жить любя друг друга!

²⁵ Там в стародавние времена появилось божество / И случилось это глухой ночью на праздник Чалмы, / Племя Алра мирно почивало вокруг жреца. // И молвил бог тот, как будто гром вечерний прогремел в округе, / И устрашающая речь его пронзала слух; // «Слушайте же, Алрады, вместе с вашим жрецом! // Сегодня солнце восходит на востоке; // Вот-вот оно взойдет, явив собой рождение смерти.» //

начало чего-то нового и светлого, в эклоге приобретает противоположную интерпретацию, становится зловещим предзнаменованием чего-то ужасного. Автор именует его «смертельным началом» («mortal birth»). Любопытно отметить, что внезапное появление солнца на востоке («this day the sun is rising in the east») преподносится читателю как явление аномальное и пугающее. Чаттертон как будто стремится проникнуть в сознание человека, проживающего в некоей далекой необычной стране, где все по-другому, не так, как это привыкли видеть в цивилизованной Европе. Это другой мир, имеющий свою собственную организацию и живущий по другим законам. Божество растворяется в ночном тумане так же внезапно, как оно появилось, оставляя после себя отголосок «ужаса, смятения, страха и мучений»: «He vanish'd like a vapor of the night, / And sunk away in a faint blaze of light. // Swift from the branches of the holy oak, / Horror, confusion, fear, and torment broke;»²⁶ [9, p. 203] Автор подбирает классическую лексику готической литературы, используя такие эпитеты, как «глухая ночь» («dead of night»), «ночной туман» («vapour of the night»), «смертельное рождение» («mortal birth»), «ужасающий глас» («horrid accent») и синонимические существительные «ужас, смятение, страх, мучение» («horror, confusion, fear, and torment»), создает таким образом атмосферу таинственности и страха, неотъемлемых атрибутов готической литературы.

Сам сюжет произведения тесно перекликается с сюжетами литературы «тайны и ужаса». Произведение построено на непрерывной борьбе светлых и темных сил, добрых героев, которыми являются Нарада и Нику с коварными злодеями Вичоном и его сыном. Сперва зависть и злой умысел со стороны Вичона провоцируют благородного Нараду на борьбу с этим коварным божеством. Вичон повержен и отправлен в преисподнюю, где обречен на вечные муки за свои злодеяния. Но добро не долго торжествует. Жажда мести не дает покоя Викату, сыну Вичона. Он замысливает коварный план уже против потомков убийцы своего отца. Рорест, окутанный колдовскими чарами Виката и одолеваемый безудержной страстью, похищает Нику, дочь Вичона. Красавица погибает в неволе, вдали от родных и близких. Безутешный брат мстит некогда лучшему другу, а после пронзает свое сердце кинжалом и умирает со словами, что теперь неуспокоенные души его и сестры нашли наконец свой покой: «The battle ended, with his reeking dart, / The pensive Nicou pierc'd his beating heart: // And to his mourning valiant warriors cry'd, / I and my sister's ghost are satisfy'd»²⁷ [9, p. 204]. Весь сюжет строится вокруг мотива мести, который является одним из основных в готической литературе. Кроме того, в похищении Ники Рорестом четко просматривается распространенный мотив необузданной страсти, разжигаемой в злодее некоей красавицей, становящейся его жертвой, что толкает его на совершение греховных и преступных деяний.

Интересно отметить, что как готические мотивы вплетаются в сюжеты африканских эклог, так же и элементы экзотизма порой проникают в другие произведения поэта уже из средневекового цикла. Так появляется лев в поэме «Турнир», хищный монстр из жарких стран с горящими, как пламя, глазами: «The lioncel, from sultry countries brought. // Couching beneath the shelter of the briar. // At coming din doth raise himself distraught. // He looketh with an eye of flames of Are.»²⁸ [9, p. 127]. Описание экзотических неместных животных встречается и в «Парламенте духов»: «The ramping lion, fell tiger, / The buck that skips from place to place, / The elephant and rhinocere, // Before me through the greenwood I did chase» [9, p. 231].

Также встречается необычное описание природы в любовной лирике поэта. «Красавице мисс Хойланд» («To The Beauteous Miss Hoyland») Чаттертон сочинил специально для своего друга детства мистера Бейкера, который уехал в Америку. Молодой поэт писал стихотворные любовные послания и отсылал их ему вместе с письмами, решив таким образом помочь товарищу завоевать сердце его возлюбленной из Бристоля. Тот в свою очередь пересылал их обратно в Бристоль даме своего сердца. Чаттертон и здесь не изменяет своим пристрастиям к мистификации, щедро передавая свое авторство влюбленному другу. Одно из этих лирических посланий открывает невероятный по своей красочности и необычности пейзаж, который вряд ли мог наблюдать сам Бейкер, но какой в воображении Чаттертона мог быть в далекой Америке: «Far distant from Britannia's lofty Isle, / What shall I find to make the Genius smile? // The bubbling fountains lose the power to please, / The rocky cataracts, the shady trees, / The juicy fruitage of enchanting hue, / Whose luscious virtues England never knew;»²⁹ [9, p. 13]. Подобные краски и образы наверняка не могли не удивить и восхитить юную красавицу, а следовательно и привлечь ее особое внимание к «автору».

Необычные картины экзотического пейзажа, своеобразный синтез элементов готики, мистики, мифологии и полное отсутствие аллегории принципиально отличают Чаттертона от его современников,

²⁶ И после он исчез, как сумрачный туман, / И растворился в тусклой вспышке света // И в миг с ветвей священного дуба, / Посыпались вдруг ужас, страх, смятенье и мученье.

²⁷ Битва окончена, своим пылающим копьем, / Опечаленный Нику проткнул свое бьющееся сердце: // И своим доблестным воинам он прокричал, / Теперь душа моя и дух моей сестры нашли покой.

²⁸ Лев, привезенный из знойных стран. // Спокойно возлежал в тени шиповника. // Но при шорохе любом подпрыгивал весь разъяренный. / И пристально смотрел своими полными огня глазами.

²⁹ Вдалеке от величественного острова Британии, / Что отыскать мне, чтоб порадовать свой гений? // Журчащие фонтаны уж не греют душу, / Скалистые водопады и тенистые деревья, / Причудливые фрукты соком сладким налиты, / Чьих невероятных ароматов Англия не знала никогда.

писавших в духе ориентализма. Безусловно, нельзя отрицать их влияние, особенно Коллинза, на творения молодого поэта. Во многом он черпает и идеи, и вдохновение для создания своих произведений именно из «Восточных эклог». Но, как справедливо отмечает Эдвард Мейерштейн: «Изначально вдохновение скорее всего пришло после прочтения Уильяма Коллинза, но здесь цвета гораздо более насыщенные и атмосфера гораздо более знойная, чем в изысканных "Персидских эклогах"»³⁰.

Закключение. Эклоги из африканского цикла представляют собой наивысшую степень идейно-эстетического новаторства поэта. Прежде всего это проявляется в новом способе раскрытия ориенталистской тематики и своеобразном синтезе экзотики и готики в этих произведениях. Они во многом являются основой формирования эстетики нового ориентализма, где экзотика становится синонимом всего необычного, нового, метафизического без свойственной Просвещению аллегории и нравственно-поучительной подоплеки. После Чаттертона уже наиболее широкое воплощение предромантический ориентализм найдет в готическом романе «Ватек», как в произведении более масштабном и глобальном в смысле проникновения в глубины этой тематики и ощущения всех тонкостей восточного колорита и культуры. Нужно отметить, что эта способность поэта отходить от привычного, выходить за рамки норм и правил, максимально задействовать воображение во многом определяет его как новатора в поэзии и формирует прочную базу для становления романтизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лучинина, П.Ю. Восток на ментальной карте английских эссеистов XVIII в: имагологический аспект [Электронный ресурс] / П.Ю. Лучинина. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/vostok-na-mentalnoy-karte-angliyskih-esseistov-xviii-veka-imagologicheskij-aspekt>. – Дата доступа 17.09.2017.
2. Жирмунский, В.М. У истоков европейского романтизма [Электронный ресурс] / В.М. Жирмунский, Сигал Н.А. – Л. : Изд-во «Наука», 1967. – Режим доступа: http://www.lib.ru/INOOLD/UOPOL/wallpoll0_2.txt. – Дата доступа: 14.12.2017.
3. Вершинин, И.В. Чаттертон / И.В. Вершинин. – СПб. : РГПУ, 2001. – 237 с.
4. Collins, W. Persian Eclogues / W.Collins //The Poetical Works. – London, 1866. – P. 70–90.
5. Irwin, E. Eastern Eclogues / E.Irwin. – London, 1787. – 31 p.
6. Rushton, E. West-Indian Eclogues / E. Rushton // Poems and Other Writings. – London, 1824. – P. 141–165.
7. Michaziw, K.I. Chatterton, Ossian, Africa / K.I. Michaziw // Studies in English Literature 1500–1900. – Houston, TX, 2008. – Vol. 48, number 3. – P. 633–652.
8. Russel, C.E. Thomas Chatterton the Marvelous Boy. The Story of a Strange Life 1752–1770 / C.E. Russel. – New York, 1908. – 289 p.
9. Chatterton, Th. The Poetical works of Thomas Chatterton / Th. Chatterton ; ed: W. Skeat. – London, 1872. – Vol. 1. – 378 p.
10. Stockdale, P. Lecture on Chatterton [Electronic resource] / P. Stockdale. – Mode of access: <http://spenserians.cath.vt.edu/CommentRecord.php?action=GET&cmmtid=12283>. – Date of access: 28.11.2017.
11. Соловьева, Н.А. У истоков английского романтизма / Н.А. Соловьева. – М., 1988. – 230 с.
12. Meyerstein, E.H.W. A Life of Thomas Chatterton / E.H.W. Meyerstein. – London, Ingrep and Grant, 1930. – 584 p.

Поступила 22.12.2017

SPECIFIC FEATURES OF ORIENTALISM IN THE WORKS OF THOMAS CHATTERTON

M. ANISIMOVA

The article deals with the detailed analysis of the eclogues «Heccar and Gaira», «Narva and Mored», «The Death of Nicou» by Thomas Chatterton. The historical and biographical prerequisites for the creation of the «African Eclogues» have been detected and also particular cases of orientalism in the poet's other works have been revealed. Special attention has been paid to the author's artistic technique and aesthetic innovation. The detailed stylistic analysis of the text has made it possible to determine the particular characteristic features of his eclogues within the context of all oriental poetry of this time. It should be noted, that by means of the original plot, the diversity of stylistic devices, the numerous elements of gothic, mysticism and mythology the author changes the whole idea of orientalism and shifts the emphasis towards the artistic value of the theme leaving behind the allegorical, philosophical and didactic aspects that were principal in the literature of the Enlightenment. Hence, «African Eclogues» become the basis for the development of romantic oriental tradition.

Keywords: orientalism, eclogue, Africa, exotic landscape, gothic literature, mysticism, mythology.

³⁰ The initial inspiration must have come from William Collins, but the colours are more glaring and warmth more torrid than in the exquisite Persian Eclogues [12, p. 318].

УДК 82.091+821.133.1

**ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ САРМАТОВ:
ЯН ПОТОЦКИЙ И ЛЮДВИК ПЛАТЕР¹**

*канд. филол. наук, доц. Д.А. КОНДАКОВ
(Полоцкий государственный университет)
d.kandakou@psu.by*

Рассматривается восприятие событий Французской революции двумя представителями шляхты Речи Посполитой – графом Яном Потоцким и графом Людвиком Платером. Первый из них был непосредственным очевидцем и участником культурной жизни Парижа конца 1790 года, второй – заинтересованным сторонним наблюдателем. Их впечатления отразились в переписке с родными братьями, в которой выработанные Французской революцией понятия и символические образы используются для осмысления и переживания событий, происходящих на родине. Театрализация жизненного опыта, присущая социальному поведению и Яна Потоцкого, и Людвика Платера, позволяет сделать вывод о подвижности границ между частной и общественной сферой, интимным и публичным высказыванием, социальной маской и субъективным мироощущением в условиях революционных преобразований в Речи Посполитой конца XVIII века.

Ключевые слова: *Французская революция, франкоязычная литература XVIII века, театр неоклассицизма, театрализация, частная переписка, символические образы.*

Введение. Переломные и кризисные события, всякого рода кануны и рубежи, порождают не только мистические и эсхатологические настроения – предвосхищение грядущего конца и упадка. Они, как показывают междисциплинарные гуманитарные исследования, провоцируют и усиливают культурный обмен [1]. Поэтому, обращаясь к изучению франкоязычной литературы Беларуси и Речи Посполитой XVIII–XIX столетий, важно обратить внимание на рубеж веков, отмеченный во Франции революцией 1789 года и разделами Польши 1793 и 1795 годов. Каким было влияние новых явлений в литературе и культуре Франции на Речь Посполитую? На этот вопрос мы дадим ответ на материале частной переписки двух галлофилов – Яна Потоцкого и Людвика Платера. Граф Ян Потоцкий, франкоязычный писатель, автор знаменитого романа «Рукопись, найденная в Сарагосе», политический деятель, ученый-энциклопедист в особом представлении не нуждается. Больше требуется сказать о Людвике Платере (1775–1846) – представителе известного латгальского рода, владевшего имениями в окрестностях Даугавпилса (Илукста, Ликсна, Бебрене, Шлосберг и др.). Он принимал участие в восстании 1794 года, занимал различные государственные посты в Царстве Польском. После восстания 1831 года пребывал в эмиграции в Париже, где много писал, активно занимался культурно-организаторской деятельностью, став в 1832 году инициатором, соучредителем и фактическим главой польско-литовского Литературного Товарищества в Париже [2]. Его младший брат Михал (1777–1862/1863), основатель новой ветви рода – Платер-Зибергов, в юном возрасте также был участником восстания Костюшко, после которого провел некоторое время в Варшаве. После 1796 года вернулся в родное поместье и перешел на гражданскую службу, став в 1816 году виленским гражданским вице-губернатором [3]. Значительную часть своих общественных, финансовых и родовых контактов с выдающимися людьми того времени (например, художником Яном Рустемом), а также с представителями местной элиты он поддерживал на французском языке. Даже корреспонденцию между собой супруги Платер-Зиберги (жена Изабелла также происходила из латгальской знати) в течение четырех десятилетий поддерживали по-французски и подавали пример своим детям [4]. Таким образом, можно утверждать, что интерес к французской культуре и французскому языку был отличительной чертой семейства Платеров. В этом оно не отличалось от более богатого и знатного рода Потоцких. Тем интереснее сравнить отношение к Французской революции двух молодых патриотов Речи Посполитой, не чуждых литературным трудам.

Основная часть. Ян Потоцкий и Людвик Платер, подобно многим из их современников и соотечественников, внимательно следили за событиями во Франции. В 1789–1791 гг. Национальная Ассамблея подсказывала Четырехлетнему Сейму пути и формы преобразований, а подданные Речи Посполитой заимствовали у французских революционеров образцы гражданского служения отечеству и риторичность политических высказываний. Так, в ответ на декларацию российского престола от 18 мая 1792 года, выражающую недовольство конституцией 3 мая 1791 года, сейм отвечает обращением к Екатерине II и всей

¹ Данное исследование проведено в рамках проекта № Г-15Ф-001 «Французские и франкоязычные рукописи в Беларуси (XVIII – начало XX вв.)», осуществленного при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований.

просвещенной Европе (разумеется, и Франции) за подписью Казимира Нестора Сапеги и Станислава Малаховского, маршалков конфедерации ВКЛ и королевства Польского. Речь изобилует апелляциями к «свободе и независимости Польши, двум важнейшим атрибутам ее политического существования» («la liberté et l'indépendance de la Pologne, ces deux attributs essentiels de son existence politique»), «национальным свободам» («libertés Nationales») [5, p. 1–2]. Другой документ, выпущенный в то же время и подписанный теми же людьми, – циркулярное письмо от имени короля Речи Посполитой и ее сословий к нации, заявляет, что «своей декларацией Россия открыто нарушает *права людей*²» («par sa Déclaration, la Russie viole ouvertement le droit des gens»), в то время как «*любовь к родине* волнует сердца всех и делает способной на все ради нее» («l'amour de la patrie remue tous les cœurs et rend capable de tout pour elle») [6, p. 4, 10].

Соседям Речи Посполитой такие подражания революционной риторике приходились не по вкусу. Российский престол, равно как прусский и австрийский, воспринимал французские волнения с опаской и стремился оградиться от них. Реформы Четырехлетнего Сейма Екатерина II осуждала, называя меняющуюся Польшу «якобинской» [7, с. 696–697], а в 1793 году и вовсе покончила с ними, поучаствовав в разделе соседней державы. Лишение Речи Посполитой независимости, грозившее утратой национальной идентичности, только подогревало интерес поляков и литвинов к французским примерам освобождения от тирании и воссоздания нации на новых политических началах.

Подданные польской короны и Великого Княжества Литовского смотрели на события во Франции не только издали, среди них были и очевидцы. Сколько таковых было – сказать затруднительно, ибо точных подсчетов не существует. Такой перечень вполне мог бы быть составлен парижской полицией еще в момент событий, однако надзорная деятельность этого старорежимного органа власти и контроля была нарушена революционными событиями в июле 1789 и прекратилась в конце 1791 года. В донесениях полиции в начале революции уделялось много внимания, как и в предыдущие годы, дипломатам или знатым особам и очень мало – скромным путешественникам. Так, наблюдая за переворотом в жизни парижского общества, инспектор полиции отмечает в рапорте от 30 октября 1789 года: «На этой неделе не приехал ни один чужеземец, который бы был достоин малейшего внимания. Напротив, те немногие, что были, торопятся покинуть столицу. Поляк граф Ржевуский³, долгие годы живший в Париже, отправился в путешествие по южным провинциям. По сведениям, он намерен провести зиму в Ницце, поскольку отдал распоряжение доставить ему туда мебель и прочее имущество и повелел некоторым из своих слуг прибыть к нему. Княгиня Любомирская⁴ также покинула Париж, путешествует сейчас по Провансу и проведет зиму в Ницце. Эти чужеземцы и многие другие удаляются из Парижа с сожалением. Они вернутся сюда, как только окончательно восстановится спокойствие и безмятежность» [8, f. 28r^o–29r^o].

Гости из Речи Посполитой стали возвращаться гораздо раньше, чем водворились «спокойствие и безмятежность», – кто-то из чистого любопытства и беспечности, как погибшая на эшафоте во время якобинского террора княгиня Розалия Любомирская, кто-то в поисках творческого вдохновения, как Ян Потоцкий. Проживший в Париже два года с перерывами на разъезды (с ноября 1785 по декабрь 1787), автор «Рукописи, найденной в Сарагосе» совершает второй вояж в ноябре 1790 года. Ян Потоцкий проводит в революционной столице четыре месяца и покидает ее в феврале 1791-го, чтобы вновь вернуться на шесть недель в конце 1791 года. В это время он вел дневник, до нашего времени не сохранившийся. Зато до нас дошло его письмо, адресованное брату Северину из Парижа и датированное 23 декабря 1790 года. В нем он сообщает о посещениях сеанса Национальной Ассамблеи, якобинского клуба и «Социального кружка» Клода Фоме, встречах с Мирабо и Лафайетом. Особое место отводится рассказу о постановке трагедии Вольтера «Брут» в Театре Нации. Сама обстановка в театре обращает на себя внимание. При Старом режиме публика во время спектакля, интригуя, переглядываясь и перешептываясь, вела собственную игру, никак не связанную с содержанием пьесы. Теперь же, замечает Ян Потоцкий, идейная подоплека пьесы (в случае с «Брутом» политическая) выходит на первый план и полностью меняет поведение публики, создавая эффект театра в театре: присутствующие в зале знаменитый узник Бастилии Латюд, племянница Вольтера госпожа Дени и ее супруг обращают на себя внимание не меньше, чем актеры на сцене, реплики зрителей, обращенные к ним, дополняют реплики героев трагедии [9, p. 25–26]. Наблюдения Яна Потоцкого улавливают новые формы театральной жизни и основные тенденции развития драматургии в революционном Париже [10].

Ян Потоцкий обнаруживает двойственность и в публичной парижской жизни конца 1790 года. «Общественные развлечения находятся в большом разнообразии, и все интересует меня с двух сторон: вещи сами по себе и в связи с революцией» [9, p. 26], – пишет он. Именно с нескольких противоположных ракурсов, активного участника и стороннего наблюдателя, заинтересованного политика и салонного

² Здесь и далее курсив наш – Д.К.

³ Граф Франтишек Ржевуский (1730–1800), чрезвычайный и полномочный министр Речи Посполитой в России (1765), маршалок надворный коронный (1775–1783).

⁴ Княгиня Изабелла Любомирской (1736–1816), теща Яна Потоцкого.

вертопраха, почти француза и полного чужака, он смотрит на традиционный великосветский обед. Приглашенный к герцогине Марии-Луизе д'Анвиль 23 декабря после заседания Ассамблеи, Потоцкий констатирует: «Депутаты вернулись поздно [...] Собрание было интересным. Говорили о каждом депутате: один был честен и умен, другой хорошо выступал, а иной говорил лишь глупости; один выражался ясно и четко, другой болтал бесконечно долго и невпопад. Я чувствовал себя, словно в Польше» [9, р. 26].

Проистекает ли чуткость Потоцкого к ситуации, порожденной Французской революцией, из характера самих событий либо из естественной или приобретенной склонности к лицедейству, смене масок? В пользу последнего предположения говорит постоянный интерес молодого путешественника к пограничным социальным ситуациям, бунтам и мятежам, переворачивающим привычный ход вещей. Впервые столкнувшись с общественными волнениями во время визита в Египет в сентябре 1784 года и запечатлев их в своем «Путешествии в Турцию и Египет» (*Voyage en Turquie et en Egypte fait en l'année 1784*, 1788), Потоцкий словно намеренно ищет их во время дальнейших поездок. Первое европейское турне позволяет ему стать в сентябре-октябре 1787 года свидетелем революции в Нидерландах. Туда он приезжает специально, воспользовавшись случаем и желая «еще несколько лет посещать театр важных событий и держаться так близко к сцене, как только позволено зрителю» [11, р. 67]. Через несколько месяцев, поддерживая свое намерение, он резко прерывает пребывание в Париже, услышав о подготовке выборов депутатов на сейм, возвращается в Речь Посполитую для участия в политических дебатах, а пресытившись ими, едет смотреть на революционный Париж.

Ян Потоцкий был не единственным иностранцем и отнюдь не единственным поляком, желавшим увидеть Французскую революцию собственными глазами. В «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина упоминается некий «польский князь», путешествующий в собственное удовольствие, получивший от случайных спутников прозвание «великого лжеца» и рассказывающий встречным «о Бастильском штурме, на котором будто бы прострелили ему шляпу и кафтан» [12, с. 153]. Можно думать, что авантюристов подобного рода встречалось много на дорогах Европы в августе-сентябре 1789 года. Среди русских очевидцев Французской революции стоит упомянуть того же Н.М. Карамзина, молодого графа Павла Александровича Строганова с губернатором Жильбером Роммом [13, с. 250–305], князя Бориса Владимировича Голицына, франкоязычного поэта, с его младшим братом Дмитрием [14, с. 249–271; 15]. Однако в отличие от Карамзина [16, 17], многочисленные и внимательные наблюдения за парижским театром действий не складываются у Яна Потоцкого в связное и развернутое повествование. Эти наблюдения нужны ему для других целей: наполнить художественное творчество фактурой и подкрепить эстетическую позицию. Восстание жителей Сарагосы против наполеоновских войск в 1808 году, очевидцем которого Потоцкий не мог быть, становится обрамлением для последней версии «Рукописи, найденной в Сарагосе». «Революционная» рамка одновременно подсказывает направление интерпретации повествования и определения авторской точки зрения. Все события в романе рассыпаются на фрагменты, нанизанные на нить перемещений во времени и пространстве, дробящие смысл, зовущие читателя не к их составлению в единое целое, а к пониманию, что значение – непрерывный процесс поиска, а не конечный результат. Таким образом, «Рукопись, найденная в Сарагосе» – «кочевое повествование», представленное с точки зрения вольнодумца, ставящего под вопрос основные константы культурного и социального бытия [18, р. 204–205; 19; 20, р. 119–193].

Релятивизм Яна Потоцкого носил по преимуществу эстетический характер. В политическом плане писатель довольно быстро пришел к пониманию неизбежности насильственного упорядочивания революционного хаоса и связанного с ними груза тяжелых последствий нравственного и культурного характера. 17 ноября 1794 года он с горечью пишет госпоже де Сталь: «Существование всех нас было поделено надвое революцией. Живете ли Вы в прошлом или будущем? Имеете ли Вы счастье ускользнуть от настоящего?» [9, р. 35]. Здесь Ян Потоцкий предстает перед нами человеком Старого порядка, в котором легкость и беспечность в отношении самых серьезных вещей были возможны, в котором литература могла легко снижать пафос трагических событий.

Его более молодые соотечественники, воспитывавшиеся в новых условиях и на новых примерах, исповедуют совершенно иной подход. Для Людвика Платера поэзия не может не быть патриотической и гражданской в условиях, когда родина и нация раздроблены. Для поэтического высказывания он выбирает родную речь (польский язык), но для разговора о политике ему нужен французский язык, предоставляющий понятия и обороты революционной действительности. В конце 1795 – первой половине 1796 года Людвик Платер активно переписывается с младшим братом, находящимся в Варшаве. Основная тема их писем – политические события, как европейские, так и отечественные. В конце декабря 1795 – начале января 1796 Людвик Платер знакомит Михала со стихотворением, посвященным Шарлотте Корде, убийце Марата, и, по всей вероятности, получает положительный отклик: «Корде понравилась тебе, я доволен. Я не боюсь цензуры со стороны знакомых, ибо не претендую на похвалы. Для тебя я написал ее, и твоего одобрения мне достаточно» («Corday t'a plu, je suis content. Je ne crains pas la censure des connaissances puisque je n'ambitionne pas les louanges. C'est pour toi que je l'ai fait – ton approbation me suffit») [21, л. 31–31 об].

К сожалению, стихотворение не сохранилось в семейном фонде графов Платер-Зибергов Национального исторического архива Беларуси, мы не знаем, ни на каком языке оно было написано, ни каково его содержание, ни как оно соотносится со знаменитой одой Андре Шенье «Шарлотте Корде» (1793), послужившей одной из причин ареста и казни поэта-мученика. Из контекста переписки, однако, можно сделать предположение, что братья Платеры рассматривают убийцу Марата в апологетическом ракурсе – как героиню, грозу тиранов, фигуру, ставшую после казни «более величественной, нежели Брут» [22]. В пользу такой реконструкции говорит и то, что Людвик Платер, подобно Шенье, не предназначает своего произведения для широкой публики, делает его частью интимного, семейного переживания и обсуждения.

Дальнейшая переписка братьев выдержана в восторженной, даже экзальтированной тональности. Обсуждение французских политических новостей приводит Людвика Платера к размышлениям о судьбе Речи Посполитой (он, как было принято тогда, называет ее Польшей), о собственном патриотизме и высоких гражданских чувствах, которые связывают его с братом. Его письмо к брату из имения Шлосберг от 4 апреля 1796 года, как и все прочие в этой переписке, выдержано почти целиком по-французски, кроме четверостишия, написанного по-польски. Чтобы показать это прихотливое движение языка, мысли и эмоций, позволим себе процитировать это долгое послание с некоторыми купюрами:

Благодарю тебя, мой дорогой, за политические новости. Казнь Стоффле⁵ кажется мне важной, и может быть, в конце концов, она положит конец вечной войне Вандей и шуанов и рассеет честолюбивые помыслы короля Якова⁶. Ты говоришь о мире; я не думаю, что он скоро настанет, – возможно, будет так, но Бельгия останется за Францией, Польша останется разделенной. [...] Дух Свободы, сделай тиранов моей родины несправедливыми и беспощадными, тогда я порадуюсь мимолетному несчастью своих соотечественников, тогда я испытаю надежду увидеть, как они разобьют эти подлые цепи. Нет, ты не перестала существовать, Польша; нет, мои уста не произнесут такого кощунства до тех пор, пока не застынет кровь в моих жилах. Ах, как живо ощущаю я всякий миг то, что ощущал год тому, написав эти четыре строки:

Отчизна, вот тебе святая клятва,
Что верность наша не иссякнет,
И выдержим суровые години,
Пока ярмо с себя не скинешь.

[...] О, если с честной душой и святым порывом к добродетели достаточно ненавидеть деспотов, чтобы носить имя якобинца, я буду якобинцем до своего – или их, последнего издыхания. Полагаю, что всякий поляк должен разделять ныне мои чувства. Я излил свою душу тебе, добрый друг, брат и соотечественник, как сладостно было это сделать и перед кем же? – перед братом, рядом с которым я хотел умереть, рядом с которым, по крайней мере, я исполнял свой долг⁷.

Нельзя не обратить внимания на возвышенность слога этого письма, написанного по риторическим канонам ораторского выступления, но обращенного к единственному и при этом очень близкому читателю. Письмо Людвика Платера брату Михалу представляет собой разительный контраст посланию Яна Потоцкого из Парижа брату Северину: горячая восторженность и героический энтузиазм противостоят холодной иронии и отрешенной наблюдательности. Общественные позиции молодых аристократов во время революционных событий также разнятся. Сомневаясь в своей идентичности, Ян Потоцкий ищет ее в постоянном разыгрывании антагонистических ролей – патриота и космополита, деловитого участника и стороннего наблюдателя. Людвик Платер изначально выбирает активную гражданскую позицию и следует ей постоянно. Вместе с тем в обоих текстах прослеживается общая точка зрения, в соответствии с которой французские дела помогают понять и объяснить политическую обстановку в Речи Посполитой, а «польские» гражданские переживания и проблемы выражаются посредством понятий и символических образов, созданных Французской революцией (Шарлотта Корде) либо актуализированных ею (Брут).

⁵ Жан-Никола Стоффле, лидер антиреволюционного Вандейского мятежа, казненный 25 февраля 1796 года.

⁶ Ошибка – очевидно, имеется в виду английский король Георг III, правительство которого активно поддерживало антиреволюционное восстание в Вандее.

⁷ «[...] Je te remercie mon cher pour les nouvelles politiques. L'expédition de Stofflet me paraît importante et peut-être qu'à la fin cette éternelle guerre de la Vendée et des Chouans cessera pour faire évanouir les vues ambitieuses de la cour de R. James. Tu parles de paix ; je ne crois pas qu'elle se fasse si vite – en reste cela peut-être – mais la Belge restera à la France, mais la Pologne restera demembrée... Génie de la Liberté ! – rends les Tirans de ma Patrie injustes et féroces. C'est alors que j'applaudirai au malheur passager de mes concitoyens – c'est alors que j'espérerai les voir briser ces chaînes indignes. Non, tu n'a pas cessé d'exister, Pologne ; non, ma bouche ne prononcera pas ce blasphème aussi longtemps que le sang ne sera pas glacé dans mes veines. Ah ! comme je le sens vivement à tout moment ce que j'ai senti avant un an en écrivant ces 4 vers :

Oczyżno, tobie święcie pręzekamy /
Że w nas ostatek wierności nie skonczyc /
J te najgorsze czasy wytrzymamy /
Poki się jarzmo ucisku nie stroncysz.

...Oh ! si avec un cœur honnête, un saint enthousiasme pour la vertu – il suffit de haïr les Despotés pour porter le nom de Jacobin – je serai Jacobin jusqu'à mon – ou leur dernier soupir. Je crois que tout Polonais ne peut à présent que partager mes sentiments. J'ai épanché mon cœur dans le tien, bon ami, frère et concitoyen – il est si doux de le faire et encore vis-à-vis de qui ? vis-à-vis d'un frère à côté duquel j'ai voulu mourir, à côté duquel au moins j'ai fait mon devoir» [21, л. 18–19 об].

Заключение. Мы далеки от того, чтобы настаивать на господстве этой точки зрения в среде польских, литовских и латгальских аристократов конца XVIII века. Единства по политическим вопросам среди них не было. Находилось и немало сторонников Тарговицкой конфедерации, отмены конституции 3 мая 1791 года и последующих разделов Речи Посполитой. Но при этом важно видеть за различными мнениями единый историко-культурный фон. Его отличительной чертой становится подвижность границ между частной и общественной сферой, интимным и публичным высказыванием, социальной маской и субъективным мироощущением. Драматические революционные обстоятельства способствуют культурному обмену между Францией и Речью Посполитой, поддерживают его непрерывность, в самых, казалось бы, неблагоприятных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох – типы пограничного сознания : материалы российско-французской конференции : в 2 ч. / отв. ред. Е.Е. Дмитриева, В.Б. Земсков. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – Ч. 1. – 302 с.
2. Pezda, J. Historia Biblioteki Polskiej w Paryżu w latach 1838–1893 / J. Pezda. – Kraków : Towarzystwo Wydawnicze «Historia Iagellonica», 2013. – 200 str.
3. Wereszycka, H. «Plater-Zyberk Michał» / H. Wereszycka // Polski słownik biograficzny. Т. I – ... – Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź : Wydawnictwo PAN, 1935–... – Т. XXVI (Piątkiewicz Bronisław – Pniewski Władysław). – 1981. – Str. 694–697.
4. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1503. Плятеры-Зиберги, графы. Оп. 1. Д. 179, 183, 185–186, 204, 205, 212, 216–219, 225–226, 309.
5. Réponse à la déclaration remise à S. Exc. M. Chreptowicz ministre des affaires étrangères, le 18 mai 1792 par le Ministre de S.M. l'Impératrice de Russie. – [S.l.] : Imprimerie de P. Dufour, [s.d.]. – 26 p.
6. Circulaire adressée par Sa Majesté et les Etats de la République à la Nation. – [S.l.] : Imprimerie de P. Dufour, [s.d.]. – 22 p.
7. де Мадариага, И. Россия в эпоху Екатерины Великой / И. де Мадариага ; пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. – М. : НЛЮ, 2002. – 976 с.
8. Archives du Ministère des affaires étrangères. – Fonds Contrôle des étrangers. – Vol. 75.
9. Potocki, J. Œuvres V: Correspondance. Varia / J. Potocki ; éd. F. Rosset, D. Triaire. – Louvain : Peeters, 2006. – VI-392 p.
10. Bourdin, Ph. Aux origines du théâtre patriotique / Ph. Bourdin. – Paris : CNRS-Editions, 2017. – 504 p.
11. Potocki, J. Œuvres I: Voyages: Voyage en Turquie et en Egypte; Voyage en Hollande; Voyage dans l'Empire du Maroc suivi de Voyage de Hafez; Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe / J. Potocki ; éd. F. Rosset, D. Triaire. – Louvain : Peeters, 2004. – XIV-363 p.
12. Карамзин, Н.М. Письма русского путешественника / Н.М. Карамзин ; изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. – Л. : Наука, 1984. – 717 с.
13. Чудинов, А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза / А.В. Чудинов. – М. : НЛЮ, 2010. – 344 с.
14. Гречаная, Е.П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века) / Е.П. Гречаная. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – 383 с.
15. Ржеуцкий, В.С. Русские «участники» Французской революции / В.С. Ржеуцкий, А.В. Чудинов // Французский ежегодник. – М. : Квадрига, 2010. – С. 6–45.
16. Baudin, R. Nikolai Karamzine à Strasbourg. Un écrivain voyageur dans l'Alsace révolutionnaire / R. Baudin. – Strasbourg : PUS, 2011. – 321 p.
17. Nikolai Karamzine en France. L'image de la France dans les «Lettres d'un voyageur russe», sous la direction de R. Baudin. – Paris : Institut d'études slaves, 2014. – 228 p.
18. Fraisse, L. Potocki et l'imaginaire de la création / L. Fraisse. – Paris : PUPS, 2006. – 424 p.
19. Klene, E. Les voyages de Potocki: le regard d'un libertin / E. Klene // Jean Potocki à nouveau, études réunies et présentées par E. Klene. – Amsterdam–New-York : Rodopi, 2010. – P. 101–110.
20. Haugen, M.W. Jean Potocki: esthétique et philosophie de l'errance / M.W. Haugen. – Louvain : Peeters, 2014. – VIII-488 p.
21. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1503. Плятеры-Зиберги, графы. Оп. 1. Д. 183.
22. Planté, C. Du bon usage de Charlotte Corday / C. Planté // L'Homme et la société. – Vol. 94/4. – 1989. – P. 51–60.

Поступила 22.12.2017

**FRENCH REVOLUTION THROUGH THE EYES OF SARMATIANS:
JAN POTOCKI AND LUDWIK PLATER**

D. KANDAKOU

The article deals with the reception of the French Revolution events by two nobles from the Polish-Lithuanian Commonwealth: count Jan Potocki and count Ludwik Plater. The former was the direct eye-witness and the participant of the Parisian cultural life late in 1790, while the latter was an interested offside observer. They shared their impressions with their brothers in their private correspondence. Using terms and symbolical images generated by the French Revolution Jan Potocki and Ludwik Plater interpreted and got the feel of the events in their homeland. The theatricalisation of life experience was a feature of Jan Potocki and Ludwik Plater's social behavior. This fact brings to the conclusion that by the end of the 18th century borders between privacy and publicity, personal and public opinion, social mask and subjective attitude were flexible in the public sphere of the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Keywords: French revolution, 18th century Francophone literature, neoclassical theatre, theatricalisation, private correspondence, symbolical images.

УДК 821.111 “19”

**ВЛИЯНИЕ ПОЕЗДКИ У. ВОРДСВОРТА ВО ФРАНЦИЮ (1791–1792)
НА МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПОЭТА****С.В. ГОЧАКОВ***(Полоцкий государственный университет)**s.gochakov@pdu.by*

Приведена краткая хронология основных событий во время путешествия У. Вордсворта во Францию. Проведен краткий анализ морального и духовного состояния поэта в период с 1791 по 1797 гг. Сделана попытка оценить характер и степень влияния революционных и последующих событий на жизнь и творчество поэта. Доказана важность поездки У. Вордсворта во Францию в контексте общего мировоззрения поэта.

Ключевые слова: революция, война, творческий кризис, влияние, конфликт, разум.

Введение. Наше знание о вкусах писателя или поэта, его обучении, путешествиях, его книжных предпочтениях, безусловно, играют важную роль в исследовании творчества этого писателя или поэта. Период с 1791 по 1797 гг. остается неясным в общей мозаике жизни У. Вордсворта. Сохранилось несколько писем поэта, а сестра поэта Дороти Вордсворт начнет писать свой дневник только в 1798 г. У. Вордсворт очень сдержан в своем рассказе об этих годах в своей главной философской поэме «Прелюдия» (*The Prelude, 1805*). Именно поэтому интересно проследить духовные и материальные искания поэта в указанный период. Необходимо отметить, что сама по себе данная тема требует более тщательного анализа и исследования, а данный материал является лишь попыткой прикоснуться к основным аспектам этого периода в жизни У. Вордсворта.

Основная часть. В конце ноября 1791 г. У. Вордсворт отправился во Францию, где предполагал провести зиму. Он начинает свое путешествие без компаньонов, обладая достаточно скудным знанием французского языка. Ноябрь 1791 г. – это месяц, когда законодательное собрание приступает к работе, а партия жирондистов начинает свое восхождение. Французская армия в это время выступала за конституционную монархию, а немецкая армия уже стояла на французской границе. В следующем 1792 году началась кровавая эпоха революции. Комитет общественной безопасности ударил террором по населению страны. Король был заточен в тюрьме. Сентябрьские массовые убийства, устроенные Дантоном и его сообщниками, обескуражили их противников, что привело к тому, что Париж был залит кровью. В том же году создается национальный конвент и упраздняется монархия. Влияние жирондистов стремительно уменьшается, и они за очень короткий период времени становятся жертвами той силы, что сами создали ранее [1, р. 71]. Таков совершенно краткий обзор событий, которые происходили во Франции во время пребывания У. Вордсворта.

Чувство подъема и пылкий энтузиазм не покидали У. Вордсворта в начале его путешествия. Он надеялся и ждал, что новая эра свободы и счастья наконец-то осветит весь мир. Несколько дней он проводит в Париже, слушая речи, звучавшие во время работы законодательного собрания, а также в клубе Якобинцев. Он даже «gathered up a stone as a relic from the ruins of the Bastille»¹ [2, р.73]. Из Парижа он переезжает в Орлеан, где знакомится с генералом Бопуи, которого позднее характеризует как философа, патриота и солдата, а также одного из самых благородных мужчин во Франции. Дж. Калверт в своей работе также замечает, что согласно описанию, данному У. Вордсвортом в своей философской поэме «Прелюдия» генералу Бопуи, этот человек «seems to be one of those clear, cordial men, whose moral sensibilities guide them to the right road»² [3, р. 47]. Также необходимо упомянуть о романе с французенкой Аннет Валлон, в результате которого у них родилась дочь. На данный момент западное литературоведение предлагает довольно обширный список исследований на тему отношений между Валлон и Вордсвортом, среди которых особняком стоит уже ставшая классической работа Э. Легоуис [4].

Ранней весной 1792 г. У. Вордсворт покидает Орлеан и отправляется в Блуа. Осенью 1792 года поэт прощается с берегами Луары и возвращается в Париж уже после сентябрьской резни. Несмотря на все ужасы революции, как утверждает Кр. Вордсворт: «Wordsworth was rivetted to the spot by a mysterious spell. He longed to remain at Paris. But, happily for him, circumstances obliged him to return to England. If he had remained longer in the French capital, he would, in all probability, have fallen a victim among the Brissotins, with whom he was intimately connected, and who were cut off by their rivals, the Jacobins, at the close of the

¹ «подобрал камень с руин Бастилии в качестве реликвии» [2, с. 73]. Здесь и далее перевод с английского языка наш. – С.Г.

² «казался одним из тех чистых и сердечных людей, чьи моральные качества направляют их на правильный путь» [3, с. 47].

following May. Reluctantly he tore himself from Paris; but before a few months had elapsed, he acknowledged that in so doing he had been rescued by the gracious Providence of heaven»³ [2, p. 76].

Необходимо заметить, что пребывание У. Вордсворта во Франции довольно скудно задокументировано. Одним из сохранившихся документов того времени является письмо поэта к его другу по Кембриджу У. Мэтьюсу, сыну книготорговца из Нортумберленда. Письмо было написано в Блуа 17 мая 1792 года. Темой письма являются совместные творческие планы двух молодых людей. Но уже в конце У. Вордсворт упоминает о происходящих во Франции событиях, а также о своем отношении к ним. Он пишет: «You will naturally expect that writing from a country agitated by the storms of A Revolution, my letter should not be confined merely to us, and our friends. But the truth is that in London you have perhaps a better opportunity of being informed of the general concerns of France, than in a petty provincial town in the heart of the kingdom itself. [...] The horrors excited by the relation of the events consequent upon the commencement of hostilities are general. Not but that there are men who felt a gloomy satisfaction from a measure which seemed to put the patriot army out of a possibility of success. An ignominious flight, the massacre of their general, a dance performed with savage joy round his burning body, the murder of six prisoners, are events which would have arrested the attention of the reader of the annals of Morocco, or of the most barbarous of savages. The approaching summer will undoubtedly decide the fate of France. It is almost evident that the patriot army, however numerous, will be unable to withstand the superior discipline of their enemies. But suppose that the German army is at the gates of Paris, what will be the consequence? [...] I shall return to England in the autumn or the beginning of winter»⁴ [5, p. 44]. Из этого письма нам становится понятно, что У. Вордсворт не только интересовался происходившими вокруг событиями, но и действительно беспокоился за будущее Франции. Знал он также, что его персоной вполне вероятно интересуются на родине. Успокаивая их интерес, он с легкой иронией замечает, что находится в глуши и осведомлен не более чем любой интересующийся этой темой человек в Лондоне. Так или иначе, одно письмо с короткой заметкой по поводу происходивших в то время событий – это крайне мало для более полного описания данного момента его жизни.

У. Вордсворт описывает свое путешествие в трех книгах поэмы «Прелюдия». Е. Халтрин-Халтурина во вступлении к фрагментам перевода поэмы указывает: «Поэма “Прелюдия” создавалась и шлифовалась несколько десятилетий, ткань ее повествования имеет сложный рисунок. В ней описывается, как в Англии конца XVIII – начала XIX веков менялся дух времени и менталитет. На этом фоне происходит формирование человека художественного склада мышления, который чутко воспринимает все события современности. Вордсворт показывает, какие философские модели доминировали на том или ином этапе его становления. Свое детство поэт описывает, прибегая к моделям ассоциативной философии XVIII века (Д. Гартли), юность у него проходит под знаком годвинизма, а творческое становление напрямую связано с выработкой романтической эстетики “воображения”» [6]. Влияние философа У. Годвина на У. Вордсворта было исследовано многими вордсвортоведами. Среди прочего нужно отметить, что именно условное понимание морали, анархизм и утилитаризм философии английского писателя повлияли на юного поэта наиболее ярко. В посвященных Франции частях «Прелюдии» У. Вордсворт описывает увиденные им трупы на площади Карусель, возвращается к событиям Великого террора, а также вспоминает тот момент, когда до него доходит весть о смерти Робеспьера. И все же поэма «Прелюдия» – это литературный памятник, поэтому все же приходится согласиться с одним из первых биографов У. Вордсворта Э. Гудом, который в своем труде замечает: «We cannot but feel regret, and more than regret, something of annoyance too when we recollect that one of the chief poets of the world, was in France –

³ «Вордсворт был прикован к месту загадочным заклинанием. Он очень хотел остаться в Париже. Но, к счастью для него самого, обстоятельства вынудили его вернуться в Англию. Если бы он остался во французской столице, он, по всей вероятности, стал бы жертвой, как и другие жирондисты, с которыми он был тесно связан, и которые были обезврежены их соперниками, якобинцами, в конце последующего мая. Неохотно он оторвал себя от Парижа. Но по прошествии некоторого времени он признал, что при этом он был спасен милостивым Провидением» [2, с. 76].

⁴ «Естественно, Вы можете предполагать, что письмо из страны, взволнованной бурей революции, будет доступно не только нам и нашим друзьям. Но истина состоит в том, что находясь в Лондоне Вы, скорее всего, обладаете большей возможностью быть информированным в общих проблемах Франции, нежели находясь в маленьком провинциальном городе в самом сердце королевства. [...] Ужасы, связанные с последствиями начала военных действий являются повсеместными. Не то чтобы многие, но есть люди, которые получили удовольствие от принятых мер, которые, кажется, лишили армию патриотов шанса достичь успеха. Постыдное отступление, резня, устроенная их генералом, дикий танец радости вокруг его горящего тела, убийство шести заключенных – это события, которые могут привлечь внимание читателя летописей Марокко или другой по-варварски дикой страны. Ближайшее лето, несомненно, решит судьбу Франции. Почти очевидно, что армия патриотов, насколько бы большой она ни была, не сможет противостоять своим врагам, превосходящим в дисциплине. Но предположим, что немецкая армия будет стоять под Парижем, каковы будут последствия? [...] Я вернулся в Англию осенью или в начале зимы.» [5, с. 44].

was in Paris, during those days of horror – that he mingled with the Actors in that great bloody Tragedy; and that he has left us no notes of his secret thoughts and observations at that time»⁵ [7, p.71].

Можно утверждать, что У. Вордсворт был более или менее готов поддерживать цели и основополагающие принципы грандиозного социального и политического конфликта, разыгравшегося на материке. В детстве и молодости его окружение было таковым, что ему редко приходилось общаться с людьми, которым полагалось особое внимание из-за их богатства и благородной крови. Он провел свою юность там, где эти искусственные социальные отношения слабо себя проявляли. В своем труде о поэте И.Х. Снит отмечает: «In his college career he shared in the democratic life which usually prevails in academic circles. A democracy which recognizes the members of such circles as brothers all in honour, as in one community, scholars and gentlemen, where distinction was open to all, and talents, worth, and successful industry counted for more than wealth and titles»⁶ [8, p. 55]. В своем пылом приятии революции У. Вордсворт довольно рано понял, что революционные идеи обещают много нового не только Франции, но и всему миру.

Влияние на него политических событий было достаточно сильным, ведь именно после пребывания во Франции У. Вордсворт переживает кризис на своем творческом пути. События тех времен были тесно связаны с его умственной и духовной жизнью. Именно благодаря Французской революции он особенно заинтересовался человеческой натурой. Для него, как можно теперь понять, революция была не просто местным движением. Для него она несла смысл всему человечеству. Это было движение, которое должно было освободить человечество, которое должно было оказать огромное влияние на прогресс человечества в целом. Она приносила права массам и забирала власть у высших классов. У. Вордсворт был твердо уверен, что необходимые человеку права должны были быть получены и сохранены. Вордсворт был настолько вдохновлен делом революции, что вскоре погрузился в республиканство, несмотря на присущее ему тяготение к консерватизму и форме правления страной, в которой он родился и вырос. Однако его республиканство не было слепым энтузиазмом фанатика. И.Х. Снит по этому поводу пишет: «It was not a faith without at least some rational foundation. The French Revolution had its intellectual side. Indeed, one of the things that prepared the way for this great crisis was French philosophy of the eighteenth century. Many of the most ardent revolutionists were affected by the philosophy of Rousseau and the Encyclopaedists»⁷ [8, p. 56].

Опыт пребывания во Франции в столь насыщенный яркими и ужасными событиями момент подготовил У. Вордсворта к более тонкому восприятию природы зла и добра. Он начал формально и систематически рассматривать проблемы общества и правительства. Его политические взгляды из простых рассуждений студента превратились в глубокий анализ политического и социального контекста. Свои социально-политические взгляды У. Вордсворт выразил в письме к епископу Лэндэфа от 1793 года [9, p. 1–29]. Поэт выступает за борьбу против тирании феодалов и негодует из-за того, что принятый общественный порядок заставляет простых людей нищенствовать и страдать. В Англии У. Вордсворта ожидало неприятное и, может быть, наиболее сильно повлиявшее на духовное состояние поэта событие. Он только начал анализировать причины самой революции, разбирать отдельно судьбы и несчастья, успехи и неудачи простого народа, как его собственная страна в том же 1793 г. пошла войной на Францию. Для У. Вордсворта это было большим моральным потрясением. Это серьезно повлияло на него не только потому, что он считал себя сторонником революционных идей, но и потому, что поэт являлся защитником идей всего рационального и разумного. Поэт не мог понять, как примирить решение Великобритании с собственным пониманием этики, как найти рациональное оправдание этому шагу английского правительства. Тем не менее объявление войны было реальным фактом. Этот факт разрушил уверенность У. Вордсворта в гармонии между реальным миром и миром рациональным. Как отмечает И.Х. Снит: «A feeling of pride in his own country was changed into a sense of shame; his likes and loves were directed into a new channel, and the old ones ran dry. An event which in later years would only have affected his judgment now struck deep into his emotional nature. It was a blow at his heart, the very center of his moral being»⁸ [8, p. 59].

⁵ «Мы не можем ни испытывать сожаления и даже чувство досады, когда вспоминаем, что один из главных поэтов мира был во Франции, был в Париже в те дни ужаса. Что он взаимодействовал с актерами этой великой кровавой трагедии; и что он не оставил нам никаких заметок о его тайных мыслях и наблюдениях того времени» [7, с. 71].

⁶ «В колледже он вел свободную жизнь, которая присуща академическим кругам. Эта свобода позволяла относиться к членам этого круга как к братьям по чести, как к обществу ученых и джентльменов. Каждый мог отличиться, а талант, достоинства и успех в делах ценились больше, нежели богатство и титул» [8, с. 55].

⁷ «Это была не просто вера, его позиция имела рациональную основу. Французская революция имела свой интеллектуальный базис. Действительно, одним аспектом, который расчистил путь для великого кризиса, была французская философия восемнадцатого века. Многие из самых ярких революционеров были затронуты философией Руссо и энциклопедистов» [8, с. 56].

⁸ «Чувство гордости собственной страной сменилось чувством стыда; его интересы и страсти устремились по другому направлению, а старые иссякли. Событие, которое в последующие годы немного повлияло бы на его

Этот моральный шок является значительным событием в жизни У. Вордсворта. Именно последующий за этим шоком творческий и духовный кризис являлся решающим фактором в определении будущей карьеры поэта. Духовный кризис дал силу еще большей любви ко всему человеческому и, следовательно, затронул как форму, так и содержание его поэзии.

Заключение. У. Вордсворт считал Французскую революцию закономерным расширением и развитием британских идеалов свободы и демократии. Война против Франции стала для него предательством этих идеалов, предательством самой Англии. Не менее трех раз он возвращается в поэме «Прелюдия» к потрясению, которое он испытал в 1793 г. Г. Хартман во введении к изданию избранных работ поэта утверждает: «Betrayed by their own country, the whole of the younger generation seemed threatened with a deadly skepticism vis-a-vis national ideals»⁹ [10, p. 14]. Внутреннее смятение У. Вордсворта продолжалась до 1795 года. В этом же году он несколько раз встретился с философом У. Годвином. Потеря веры в Англию лишала его возможности следовать призванию поэта. Бросить родные места значило растратить все свое прошлое, отрезать от себя источник своего вдохновения и духовных сил. Все, что осталось у поэта – это вера в силу разума и логики. Но, как известно, разум сам по себе только и может, что вечно придавать все сомнению, и поэтому сам вскоре становится объектом этого сомнения. Так и случилось в случае У. Вордсворта. Поэт вдруг понял, что сомнение во всем – это всего лишь другая разновидность человеческой страсти. Он понял, что не может так резко и ультимативно отказаться от своего прошлого и прошлого своей страны. Он совершенно осознанно и преданно вернулся к попытке приблизиться к пониманию Природы и Человека, чтобы заново выстроить свою жизненную и творческую философию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Herford, C.H. The age of Wordsworth / C.H. Herford. – London : G. Bell and sons ltd, 1960. – 315 p.
2. Wordsworth, C. Memoirs of W. Wordsworth / C. Wordsworth. – Boston : Ticknor, Reed, and Fields, 1851. – 451 p.
3. Calvert, G. Wordsworth, a biographic aesthetic study / G. Calvert. – Boston : Lee and Shepard, publishers, 1878. – 231 p.
4. Legouis, E. William Wordsworth and Annet Vallon / E. Legouis. – London : J. M. Dent and sons ltd., 1922. – 146 p.
5. Letters of the Wordsworth family from 1787 to 1855 : in 3 vol. / ed.: W. Knight. – Boston and London : Ginn and Company, publishers, 1907. – Vol. 1. – 542 p.
6. Халтрин-Халтурина, Е. Уильям Вордсворт: современник Джонсона, Байрона, Кэрролла [Электронный ресурс] / Е. Халтрин-Халтурина // Иностранная литература. – 2011. – №3. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/inostran/2011/3/vo9.html#_ftn6. – Дата доступа: 08.01.2018.
7. Hood, E.P. William Wordsworth; a biography / E.P. Hood. – London : Hodges and Smith, 1856. – 507 p.
8. Hershey Sneath, E. Wordsworth Poet of Nature and Poet of Man / E. Hershey Sneath. – Boston and London : Ginn and company, publishers, 1912. – 320 p.
9. Prose works of William Wordsworth : in 2 vol. / ed.: W. Knight. – New York : The MacMillan Co, 1896. – Vol. 1. – 322 p.
10. Hartman, G.H. Introduction / G. H. Hartman // W. Wordsworth Selected Poetry and Prose : ed. by G. H. Hartman. – New York : A Signet Classic, 1970. – 448 p.

Поступила 20.01.2018

THE INFLUENCE OF THE W. WORDSWORTH'S TRIP TO FRANCE (1791–1792) ON THE WORLD VIEW OF THE POET

S. GOCHAKOV

A brief chronology of main events during W. Wordsworth's trip to France is given. A brief analysis of moral and spiritual state of the poet between 1791 and 1797 is carried out. An attempt to evaluate the nature and extent of the influence of revolutionary and subsequent events on the life and work of the poet is made. An attempt to prove the importance of W. Wordsworth's trip to France in the context of the general outlook of the poet is made.

Keywords: *revolution, war, creative crisis, influence, conflict, reason.*

суждение о мире в целом, в тот момент глубоко затронуло его эмоциональную природу. Это был удар в самое сердце, удар по самому центру его нравственного бытия» [8, с. 59].

⁹ «Преданное своей собственной страной все молодое поколение было заражено смертельным скептицизмом по отношению к национальным идеалам и ценностям» [10, с. 14].

УДК 821(4).09

ТВОРЧЕСТВО ДЖ. ОСТЕН И СЕНТИМЕНТАЛИСТСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

А.С. КОНОНОВА

(Полоцкий государственный университет)

a.konanova@psu.by

Творчество английской романистки Дж. Остен обычно рассматривают исходя из его тесной связи с просветительской и романтической литературной традицией. Тем не менее представляется правомерным принимать во внимание и черты, характерные для литературы сентименталистского течения в искусстве, поскольку именно оно было широко распространено и популярно в то время, когда писательница начинала литературную карьеру. Влияние литературы сентиментализма на творчество Остен неоднозначно и многогранно. Отмечается, что оно одновременно способствовало созданию пародийных произведений, где автор обозначила черты, которые не принимала в литературе, и развитию глубокого психологизма в последующих произведениях писательницы.

Ключевые слова: сентиментализм, сентиментальная литература, психологизм, пародия, роман, английская литература, Джейн Остен.

Введение. При литературоведческом и культурологическом анализе произведений Дж. Остен исследователи обычно уделяют внимание нескольким литературно-эстетическим традициям, связи с которыми прослеживаются в ее творчестве. Доминантной считают литературу предшествовавшей эпохи, а именно просветительский роман и современный более позднему творчеству автора романтизм.

Основная часть. Благодаря семейному воспитанию и образованию Дж. Остен была хорошо знакома с литературой эпохи Просвещения. Согласно ее дневниковым записям и переписке, а также свидетельствам родственников, она особенно ценила творчество Г. Филдинга и С. Ричардсона. Так, в написанном братом Дж. Остен предисловии к посмертному изданию «Нортенгерского аббатства» можно встретить его замечание о том, что «способность Ричардсона создавать и сохранять целостность персонажей... привлекла ее пристальное внимание, но ее вкус помог ей избежать таких ошибок, как его (Ричардсона) многословное и скучное повествование» [1]. Отзывы о романах просветителей в личной переписке писательницы также говорят о значительном влиянии их достижений на ее творчество.

Однако ни один писатель не может избежать влияния той литературной и эстетической традиции, которая является для него современной. В то время, когда Дж. Остен начала свою творческую карьеру (период написания произведений, позднее вошедших в сборник «Ювенилия», 1787–1795 гг.), в Великобритании широкое распространение получил так называемый сентиментальный роман. Это направление возникло в 30–40 гг. XVIII в. как реакция на рационализм раннего и зрелого Просвещения. Истоки его можно увидеть уже в поэзии Дж. Томсона и Э. Юнга [2, с. 163]. Однако свое название это литературное направление получило позже, после выхода романа Л. Стерна «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» в 1768 г. [3, с. 960]. Благодаря ему термин «сентиментальный» обрел новый смысл, и после публикации данного произведения начали говорить о существовании такого явления в литературе, как «сентиментальный роман».

Дневниковые записи и переписка семьи Остен свидетельствует, что и старшее, и младшее ее поколение было скептически настроено по отношению к этому явлению. Сочинения Дж. Остен можно рассматривать как сознательное выражение этого скептицизма [4, р. 3].

Тем не менее анализировать ее произведения в отрыве от традиции сентиментальной литературы было бы неправильно, поскольку именно сентиментальный роман стал для писательницы своего рода антипримером, таким образом оказав значительное влияние на результаты ее литературной деятельности. Это влияние нельзя недооценивать, поскольку, будучи тонким и внимательным наблюдателем, она неизбежно замечала и отмечала недостатки в сочинениях представителей сентименталистской литературной традиции. В дальнейшем именно с их помощью она нашла путь к собственному стилю [5, р. 186].

Отметим, что был представитель поколения писателей эпохи сентиментализма, чье творчество Дж. Остен достаточно высоко ценила, – Л. Стерн. Основной причиной ее уважения к нему было то, что его произведения ознаменовали и подготовили переход от эстетики классицизма и просветительского реализма к новым явлениям и открытиям в области литературы последующего столетия, то есть представляют собой яркий образец новаторского, неизвестного ранее [2, с. 171].

Кроме того, многие черты сентиментализма Л. Стерна не принимал, и форма, в которую он облакал свои романы, – это лишь дань современной для него литературной моде и требованиям публики, следовательно, его произведения также в некоторой степени представляют собой пародии. Тот же прием, что и Стерн, использовала в начале своей творческой деятельности Дж. Остен.

А. Елистратова в предисловии к изданию произведений Стерна пишет, что «...если «Тристрам Шенди» был пародией на классический роман XVIII в., то «Сентиментальное путешествие» было не менее откровенной пародией на традиционный жанр путешествия – один из самых устоявшихся и почтенных жанров тогдашней литературы» [6, с. 16]. Оба произведения были известны Дж. Остен, и велика вероятность того, что пародийная форма ее юношеских произведений была отчасти заимствованием находки Стерна в данном отношении.

Однако прямые соответствия между творчеством писателей отыскать сложно, у них мало общего, кроме неприкрытой, часто язвительной иронии, которой пропитаны все ранние произведения Дж. Остен, а также многие сцены ее последующих романов. Среди примеров – рассуждения Джона Торпа о литературе в романе «Нортенгерское аббатство»; предложение мистера Коллинза Элизабет Беннет в «Гордости и предубеждении». Но даже в произведениях «Ювенилии» писательница не позволяла себе таких вольностей в обращении с романной формой, как Стерн: посвящения, пусть пародийные, всегда располагались перед романом, а не в его середине, и персонажи, в отличие от Тристрама, были взрослыми людьми.

Романы других представителей сентиментальной литературы вызывали у Дж. Остен явное неприятие, что вылилось в многочисленные пародии на их произведения, созданные в ранний период ее творчества. Эти юношеские работы принадлежат к обоим видам литературной пародии – и выстроенной на противопоставлении двух разных по стилю систем, и «преувеличивающей пародии», когда гротескно искажаются самые значимые для исходного произведения либо стили черты [7, с. 452]. Однако более продуктивным для нее оказался первый тип: отбирая наиболее типические и слабые особенности сентиментального стиля в литературе, она помещала их в совершенно чуждую для них стилистическую среду, добиваясь ощущения абсурдности за счет резкого несоответствия между формой и содержанием.

Самыми спорными чертами сентиментального романа писательница считала сразу несколько элементов: нарочитую, преувеличенную нравоучительность автора по отношению к читателям; воспитательный характер литературных текстов; повышенное внимание к эмоциям персонажей, зачастую незначительным; подчинение поведения персонажей чувствам и отрицание разума как регулятора человеческого поведения; слишком явное и намеренное разделение героев на отрицательных и положительных и идеализацию последних.

В юношеских романах писательницы (и других произведениях, вошедших в сборник «Ювенилия») пародирование обрело сразу несколько форм. Прежде всего это заимствование сюжета, характерного для сентиментального романа, когда благодаря силе своего чувства влюбленные преодолевают все препятствия на пути к счастью. У Дж. Остен такой сюжет утрачивает свой пафос за счет снижения остроты и значимости по-настоящему серьезных конфликтов героев с внешней средой и одновременного преувеличения весомости мелких, ничего не значащих событий.

Еще один пародийный прием, использованный в ранних романах, – пародия в описании персонажей. На первый взгляд писательница следует сентиментальной традиции, изображая сложные натуры, которые проходят сквозь моральные и духовные терзания. Однако это приводит не к эмоциональной действенности образов, а к их гротескной комичности, ведь они оказываются либо совершенно порочными, либо абсолютно добродетельными. При этом добродетель обычно заключается во внешней привлекательности и/или значительном состоянии: «Леди Уильямс обладала всеми возможными добродетелями. Вдова со следами былой красоты и очень недурным состоянием...»¹ [8, с. 19]. С помощью такой подмены понятий – отождествления внешней красоты и внутренней – писательница продемонстрировала поверхностность взглядов, которую часто высказывали сентименталисты в своих произведениях.

Этот же контраст сохраняется и при изложении речи персонажей. Поскольку представители сентиментального стиля в литературе обычно много внимания уделяли оттенкам, которые может придать речи выбор слов, интонация, эмоциональная окраска (ведь чувства, по их мнению, – родовая природа человека, а отследить их изменения проще всего именно в речевом поведении [9, с. 113]), то и Дж. Остен в своих пародиях детально характеризует речь персонажей.

Это приводит к тому, что «лучшие», а значит наиболее порывистые и чувствительные, герои выражаются только возвышенными, часто патетическими фразами. Контраст при этом наблюдается не только между личностью персонажа, не представляющей собой реального интереса, и его возвышенными высказываниями, но и между содержанием и формой этих высказываний. Очень типичные примеры из «Ювенилии», первый – из эпизода первого знакомства двух женских персонажей романа «Фредерик и Эльфрида», второй – из сцены в романе «Любовь и дружба», где после короткой разлуки встретились двое друзей: «Прелестная, восхитительная Ребекка! Несмотря на ваше ужасающее косоглазие, сальные космы и чудовищный горб, превосходящий всякое воображение, невозможно устоять перед обаянием

¹ «In Lady Williams every virtue met. She was a widow with a handsome Jointure and the remains of a very handsome face» [12, p. 17].

вашего ума...»² [10, с. 10]; «Душа моя! Жизнь моя!» – восклицал один. – Мой чудный ангел!» – отвечал другой. Они бросились друг другу в объятия»³ [11, с. 124].

Третий прием, который делал очевидным пародийный характер юношеских романов, – это описание поведения персонажей. Если в сентиментальном романе главный герой часто принадлежал к низшим слоям общества, а порой и к маргиналам, но при этом отличался богатой внутренней жизнью, то у Остен все обстоит наоборот. Как правило, центральными персонажами романов «Ювенилии» все же являются представители знати, пусть и не самой ее верхушки. Зато их внутренний мир беден, а поступки зачастую противоречат не только логике, но и морали, и закону. Так, многие персонажи опускаются до воровства и обмана (София в «Любви и дружбе», Кассандра в «Прекрасной Кассандре», Элиза в «Генри и Элизе» и другие), возмущаясь, если кто-то изобличает их неблагоприятное поведение. В таких ситуациях вор и мошенник притворяется жертвой, а обворованного или обманутого выставляет бесчувственным злодеем.

Незначительность и неискренность чувств персонажей подчеркивается бессмысленностью не только их речей и поступков, но и передвижений. Как правило, они постоянно находятся в пути, перемещаясь от одной географической точки к другой, и часто оказываясь там откуда начали в конце повествования. При этом физическое движение не сопровождается движением души или внутренним взрослением, оставаясь лишь сменой положения в пространстве. То есть традиционная для сентиментального романа метафора странствия не только как путешествия, но и как пути к себе, оказывается незавершенной, утрачивая содержание, но сохраняя внешнюю атрибутику.

Наконец, еще одним приемом создания пародии автор избрала пародирование формы. Сентиментальные романы часто создавались в эпистолярной форме, ее Остен выбрала сразу для нескольких своих произведений – романов «Амелия Вебстер», «Три сестры», «Любовь и дружба», «Замок Лесли» и других. Если в подлинных романах сентиментализма письма персонажей содержат изложение их эмоций, страданий и страстей, связанных с событиями их жизни, которые можно считать важными и значительными, то персонажи произведений Остен в своих посланиях обмениваются информацией нарочито приземленного, бытового содержания, облекая их в самую пышную форму. Темой могут быть наряды и экипажи, как в романе «Три сестры», или обсуждение меню и приготовления пищи, как в «Замке Лесли». Так или иначе, писательница сохраняет все тот же контраст между содержанием и формой, чтобы подчеркнуть комический эффект.

Тем не менее нельзя ограничиваться при рассмотрении влияния сентиментализма на творчество Дж. Остен только описанной выше стороной, которая представляет собой намеренное и точное пародирование всего, что писательница считала излишним и неприемлемым в литературе. Есть и вторая, не менее значимая: автор смогла обогатить свои зрелые романы некоторыми достижениями сентиментальной литературы, частично изменив их и адаптировав под собственные задачи.

Повышенное внимание к чувствам, эмоциональной стороне жизни и общения, которые привнесли в литературу представители сентиментализма, все же нашло отклик у Дж. Остен. Отказавшись от присущей сентиментальному роману формы изложения этих чувств и эмоций, она перенесла в собственные романы возможность познакомить с этими чувствами читателя.

Она добилась этого, позволив себе как автору (точнее, перепоручив эту функцию рассказчику) наблюдать и отмечать малейшие изменения чувств того или иного персонажа, передавая эти изменения читателю с помощью описания перемен в тоне голоса, внешнем виде, выборе слов, а часто – и молчания героев. Последний прием особенно ярко раскрылся в поздних ее произведениях, где молчание персонажей обязательно сопровождается кратким, однако емким и точным описанием их поведения в этот момент, а также перемен в их физическом облике и самочувствии. Это может быть молчание, которому сопутствует тяжелый вздох или вздох облегчения, вспыхнувшие щеки, отведенный от собеседника взгляд и так далее. Именно это стало поводом для того, чтобы исследователи творчества автора начали говорить об особом психологизме романов Дж. Остен как о ее собственном достижении в литературе, когда вместо персонажей, воплощающих ту или иную черту характера, ей удалось создать многогранные, психологически достоверные, эмоционально действенные образы [15, p. 92].

Заключение. Влияние традиций литературы сентиментализма на творчество Дж. Остен носит двоякий характер. С одной стороны, оно стало основой для пародийных произведений, которые на сегодняшний момент, за отсутствием других документов подобного содержания, частично можно считать программными произведениями писательницы. Важность этих ранних работ в том, что, определив объекты высмеивания, легко понять, что именно автор отвергала в литературе в частности и в искусстве вообще.

² «Lovely and too charming Fair one, notwithstanding your forbidding Squint, your greazy tresses & your swelling Back, which are more frightful than imagination can paint or pen describe, I cannot refrain from expressing my raptures, at the engaging Qualities of your Mind...» [13, p. 9].

³ ««My Life! my Soul!» (exclaimed the former) «My adorable angel!» (replied the latter) as they flew into each other's arms» [14, p. 101].

С другой стороны, достижения авторов сентиментальных романов позволили романистке по-другому, чем писатели предыдущих эпох, в частности эпохи Просвещения, взглянуть на вопрос изображения в литературном произведении чувств и эмоциональной сферы персонажей. Благодаря приемам, которые применяли сентименталисты, Дж. Остен позволила себе большую свободу в том, что касается описания переживаний героев, добившись нового качества психологизма в своих зрелых романах

ЛИТЕРАТУРА

1. Austen, H. Preface to Persuasion and Northanger Abbey [Электронный ресурс] / H. Austen. – Режим доступа: <http://www.austen.com/persuade/preface.htm>. – Дата доступа: 01.08.2011.
2. Аникин, Г.В. История английской литературы : учеб. пособие для студентов педагог., ин-тов и фак. иностр. яз. / Г.В. Аникин, Н.П. Михальская. – М. : Высш. шк., 1975. – 528 с.
3. Иванов, Д.А. Сентиментализм / Д.А. Иванов // Литературная энциклопедия терминов и понятий / сост. и ред. А.Н. Николюкин. – М. : НПК Интелвак, 2001. – Стб. 960–964.
4. Waldron, M. Jane Austen and the Fiction of Her Time / M. Waldron. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 194 p.
5. Spencer, J. Narrative Technique: Austen and Her Contemporaries / J. Spencer // A Companion to Jane Austen / ed. by C.L. Johnson, C. Tuite. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2009. – P. 185–194.
6. Елистратова, А. Вступительная статья / А. Елистратова // Стерн, Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие. – М. : Худож. лит., 1968. – С. 2.
7. Гальперина, Е. Пародия / Е. Гальперина // Литературная энциклопедия : в 11 т. / гл. ред. А.В. Луначарский. – М. : ОГИЗ РСФСР, Сов. энцикл., 1935. – Т. 8. – С. 451–457.
8. Остен, Дж. Джек и Алиса / Дж. Остен // Катарина. – М. : Астрель, 2012. – С. 18–40.
9. Волков, И.Ф. Творческие методы и художественные системы / И.Ф. Волков – М. : Искусство, 1978. – 264 с.
10. Остен, Дж. Фредерик и Эльфрида / Дж. Остен // Катарина. – М. : Астрель, 2012. – С. 7–17.
11. Остен, Дж. Любовь и дружба / Дж. Остен // Катарина. – М. : Астрель, 2012. – С. 111–155.
12. Austen, J. Jack and Alice / J. Austen // Love and Freindship and Other Youthful Writings. – London : Penguin Classics, 2014. – P. 15–30.
13. Austen, J. Frederic and Elfrida / J. Austen // Love and Freindship and Other Youthful Writings. – London : Penguin Classics, 2014. – P. 7–14.
14. Austen, J. Love and Freindship / J. Austen // Love and Freindship and Other Youthful Writings. – London : Penguin Classics, 2014. – P. 89–122.
15. Greenfield, S.C. Moving In and Out: the Property of Self in Sense and Sensibility / S.C. Greenfield // A Companion to Jane Austen / ed. by C.L. Johnson, C. Tuite. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2009. – P. 91–100.

Поступила 04.01.2018

TRADITION OF SENTIMENTALIST LITERATURE AND JANE AUSTEN'S CREATIVE WORKS

A. KONANAVA

There is a tendency to analyze Jane Austen's literary works as strongly connected with the literary traditions of the Enlightenment and romanticism. Nevertheless it is rather logical to take into account those traits which are characteristic of the sentimentalist aesthetics as well, because it was widely spread and popular in the period when the author started her creative activity. The influence of the sentimentalist literary tradition on Jane Austen's creative works is complex and ambiguous. It was the source of most of her parodying works, where the author emphasized those literary methods which she considered unacceptable, and at the same time helped her develop deep psychologism in her mature novels.

Keywords: *sentimentalism, sentimentalist literature, psychologism, parody, novel, English literature, Jane Austen.*

УДК 821.111(73)

**ІНТЕРПРЭТАЦЫЯ МАТЫВУ «СТРАЧАНАСЦІ»
Ў АМЕРЫКАНСКОЙ ЖАНОЧАЙ ПРОЗЕ ПРА ПЕРШУЮ СУСВЕТНУЮ ВАЙНУ
(НА ПРЫКЛАДЗЕ РАМАНА «АДЗІН З НАШЫХ» У. КЭЗЭР)**

*канд. філал. навук, дац. З.І. ТРАЦЦЯК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)
zoya.tretyak@rambler.ru*

Разглядаецца раман «Адзін з нашых» У. Кэзэр – кніга, што ілюструе асобныя адмысловыя набыткі амерыканскай жаночай прозы пра Першую сусветную вайну. Выяўляецца павязь твора са спадчынай празаікаў-мужчын, якія распрацоўвалі розныя праявы матыву «страчанасці». Падкрэсліваецца з’арыентаванасць аўтара на адлюстраванне псіхалагічнага стану персанажа. Вайна ў Еўропе паўстае ў прозе У. Кэзэр як падзея, што вызначала фінал асобных трансфармацый галоўнага героя, які страціў усе ілюзіі пра заходнюю цывілізацыю.

Ключавыя словы: амерыканская літаратура, Першая сусветная вайна, жаночая ваенная проза, У. Кэзэр, «амерыканская мара», матыву «страчанасці».

Уводзіны. Замежнае літаратуразнаўства назапасіла багаты вопыт вывучэння мастацтва слова, прысвечанага падзеям Першай сусветнай вайны [1–8]. Непадрабную цікавасць крытыкаў і навукоўцаў, з канца 1910-х гг., выклікалі вершы брытанскіх «акопных паэтаў» (У. Оўэна, І. Розэнберга, З. Сэсуна і інш.). На пачатковых этапах даследавання літаратурнай спадчыны пра 1914–1918 гг. перавага аддавалася творам, што месцам дзеяння мелі Заходні фронт, а тыповым персанажам паўстаў шараговы, які балюча спазнаваў сутнасць татальнага канфлікту. Як своеасаблівы празаічны «класічны канон» ужо ў сярэдзіне мінулага стагоддзя ўспрымалася спадчына Дж. Дос Пасаса, Р. Олдынтана, Э.М. Рэмарка, Э. Хемінгуэя. К. О’Брайен заўважыла, што гэты пералік таксама пашыраўся за кошт плёну А. Барбюса, Р. Даржэlesa і А. Цвэйга. Даследчыца падсумала свае назіранні думкаю пра літаратурную традыцыю, скіраваную на ўвасабленне пераважна мужчынскага свету ў час узброенага канфлікту; чытацкая ўвага акцэнтавалася на быцці менавіта вайскоўца (пераважна салдата ці малодшага афіцэра, здольнага да сама-рэфлексіі і крытыцызму) [9, р. 1].

За стагоддзе навуковая думка эвалюцыянавала ў бок грунтоўнага пашырэння аб’екта даследавання. Напрыканцы XX – на пачатку XXI стст. літаратуразнаўцы звярнуліся да некалі забытых твораў, у якіх аўтары разглядалі вайну на моры і ў паветры, засяроджваліся на вопыце разведкі, пахавальных каманд, сапёраў і жыцці ваеннапалонных, увасаблялі быццё параненых і медыцынскага персаналу ў шпіталі, падрабязна ўзнаўлялі побыт дэзерціраў ці цывільных (інвалідаў, старых, жанчын, дзяцей і падлеткаў) у тыле. Паводле Ч. Хопкінса, даследчыкі звярталіся да тых мастацкіх прац, што шмат часу знаходзіліся на перыферыі літаратуразнаўчых росшукаў, рэдка трапляючы ў поле зроку навуковай супольнасці, каб падкрэсліць іх тыпалагічную ці генетычную павязь з «класічным» пісьменствам, прысвечаным падзеям 1914–1918 гг. [10, р. 14]. Актуальным заставалася і новае прачытанне сусветнаведомых твораў: назапашанае напам’яты аўтарамі (у мастацкай форме і ў выглядзе салдацкага / афіцэрскага наратыву) дазваляла знайсці новыя ракурсы вывучэння добра вядомых кніг, нечакана акцэнтавала ўвагу на тых вобразах і прыёмах, што дагэтуль яшчэ не падлягалі пільнаму навуковаму аналізу.

У апошнія дзесяцігоддзі ў асобны перспектывы літаратуразнаўчы кірунак вылучыўся разгляд жаночай прозы, паэзіі, мемуарыстыкі, журналістыкі і эпістальнай спадчыны пра Першую сусветную. Гендарная праблематыка закранула і навуку пра мастацтва слова, якая абвергла папулярную раней гіпотэзу кшталту «жанчыны, у рэшце рэшт, *не пісалі* пра вайну. Яны там не былі. Яны не трымалі зброі ў руках, а ўсяго толькі мімаходам бачылі кроў і бруд з поля бою, седзячы ў сваім шпіталі-прыбежышчы» (*Women, after all, didn't write about the war. They weren't in it. They didn't bear arms, only glimpsed the blood and muck of the battlefields from the shelter of the hospital ...*) [11].

Аспрэчваючы такія тэндэнцыйныя выказванні, даследчыкі імкнуліся пацвердзіць, што створанае пісьменніцамі і паэткамі ўяўляла ідэйна і тэматычна багаты комплекс, што дапаўняў і пашыраў сістэму ведаў пра ваенную літаратуру. Дж. Потэр прапанавала грунтоўную класіфікацыю мастацкіх здабыткаў аўтарак. Навукоўца вылучыла прапагандысцкія творы, што публікаваліся ў разнастайных перыядычных выданнях ці выходзілі асобнымі тыражамі, раманы пра каханне, дзе так ці інакш паўставалі ваенныя падзеі (кнігі Ф. Барклай, Б. Марчант, Б. Рук), мемуары жанчын (напрыклад, Э. Багналт, П. Б’ючэмп, О. Дэнт), што былі сведкамі баявых дзеянняў, у асноўным працавалі ў медыцынскіх установах і мелі непасрэднае ўяўленне пра вынікі выкарыстання сродкаў масавага вынішчэння [12].

Асноўная частка. Разважаючы пра жаночую плынь у амерыканскай літаратуры пра Першую сусветную, варта згадаць імя У. Кэзэр. Раман пісьменніцы «Адзін з нашых» (*One of Ours*, 1922) – арыгінальная спроба распавесці пра персанажа-амерыканца, які вылучаўся на фоне іншых суайчыннікаў-прагматыкаў летуценнай натурай і непадробным жаданнем знайсці адмысловы ракурс, каб паглядзець на ЗША – краіну, што квітнела на глебе культуры, звязанай з камерцыйнай дзейнасцю – і паразумецца з настолькі спецыфічнай рэчаіснасцю. Раман працягнуў скразную для творчасці У. Кэзэр канцэпцыю: пісьменніца імкнулася «разбурыць міфалагемы роднага рэгіёна: піянерства, новага Адама, здабытага нанова раю, натуральнага жыцця на ўлонні прыроды» [13, с. 22]. Згаданыя вышэй архетыповыя вобразы-стэрэатыпы канчаткова дэфармаваліся у новых рэаліях сусветнай вайны, згубіліся ў антуражы «равучых дваццатых».

У рамане «Адзін з нашых» галоўны герой-думанік супраціўляўся той прыземленасці і апантанасці матэрыяльным, якая панавала ў яго асяродку. Гэты герой змагаўся са стэрэатыпным мысленнем, цынзізмам і фальшам хаця б ва ўласным жыцці. Дзейная асоба, акрамя таго, не магла пагадзіцца з найгоршымі праявамі пурытанскай маралі, што варожа ставілася да іншадумства і імкнення да творчага спасціжэння свету. Адзіным выйсцем з крызіснага становішча Клоду Уілеру здалася падарожжа ў Еўропу: у якасці афіцэра ён пажадаў змагацца ў Старым Швеце, каб забыцца на духоўны прыгнёт на радзіме, пазбавіцца ад прыкрых пачуццяў з нагоды няўдалай жаніцьбы. Яго пратэст-уцёкі, што выглядаў як выкананне пачэснага абавязку абароны дэмакратычных каштоўнасцей, матывуецца сувяззю з дзіцячымі гадамі Клода. У. Кэзэр падрабязна распавядала, як хлопчык пакутаваў ад жорсткіх і алагічных учынкаў бацькі: той, напрыклад, знішчыў пладовае дрэва, толькі каб жартам засведчыць бязмежную ўладу над жонкай і сынам. Абсурдны і агрэсіўны ўчынак блізкага чалавека ўспрымаўся як першы крок на крыжовым шляху Клода.

Лёс галоўнага героя падобны да «пагібелі Парсіфаля, які так і не скончыў свайго заповітнага пошуку» [14, с. 302], не высветліў таямніцы сусвету. У той жа час пісьменніца пазбавіла персанажа трагедыі вяртання на радзіму, што паступова пачынала святкаваць надыход новай эры – трагічна-бліскучага «веку джазу», апетага Ф.С. Фіцджэральдам. Дарэчы, гэты прэзаік у рамане «Вялікі Гэтсбі» (*Great Gatsby*, 1925) каларытна падаў жудасны фінал феерычнага дзесяцігоддзя, распавёў пра незайдросны лёс тых «страчаных», якія спрабавалі забыцца на мінулае і надзённыя праблемы сучаснасці ў віры свабоднага кахання, забаў, гульні, музыкі і свецкага жыцця.

Поспех твора У. Кэзэр, адзначанага Пулітцэраўскай прэміяй (1923), выклікаў хвалю водгукаў і прафесійных крытыкаў, і ўдзельнікаў вайны. Кнігу абмяркоўвалі і ў прыватным ліставанні: напрыклад, Э. Хемінгуэй у лістападзе 1923 г., звяртаючыся да Э. Вільсана, зласліва-іранічна выказаўся пра раман «Адзін з нашых»: «прэмія, вялікія продажы, людзі ўспрымаюць усё гэта ўсур’ёз. Ты ж быў на вайне? Ці не цудоўны той апошні эпізод на фронце? Не ведаеш, адкуль ён? Батальная сцэна з “*Нараджэння нацыі*”. ... Бедная жанчына, ёй прыйшлося хоць як-небудзь набываць ваенны вопыт» (*prize, big sale, people taking it seriously. You were in the war, weren't you? Wasn't that last scene in the lines wonderful? Do you know where it came from? The battle scene in Birth of a Nation. ... Poor woman, she had to get her war experience somewhere*) [15, p. 105].

Пазіцыя Э. Хемінгуэя ў дачыненні да калег па цэху (і сучаснікаў, і папярэднікаў), што займаліся распрацоўкай падобнай тэматыкі і таму ўспрымаліся як патэнцыйныя канкурэнты, была насцярожанай і іранічна-варожай, але гэта не перашкаджала будучаму лаўрэату Нобелеўскай прэміі адмыслова прыўлашчваць і перапрацоўваць здабыткі іншых. Паводле А. Вашчанка, «параўноваючы сцэны ... пагібелі Клода з адпаведнымі сцэнамі рамана “*Бывай, зброя!*”, можна лёгка заўважыць, што аўтар, верагодней за ўсё, чытаючы раман Кэзэр, атрымаў не толькі адмоўныя пачуцці, але і абмалёўку псіхалогіі параненага чалавека» [14, с. 303]. Дарэчы, тыпалагічныя перазовы ў творах абодвух мастакоў слова разгледжаны ў артыкуле С. Траўта «Антытэтычныя куміры? Уіла Кэзэр, Эрнэст Хемінгуэй і Першая сусветная вайна» [16].

На наш погляд, «Нараджэнне нацыі» – не адзіная крыніца, што жывіла аповед у рамане «Адзін з нашых». Галоўны персанаж меў прататыпа з рэальнага жыцця: Дж.П. Кэзэр – родзіч пісьменніцы, які загінуў на вайне. Каб надаць кнізе праўдзівае гучанне, аўтарка шмат часу праводзіла з ветэранамі, што вярнуліся ў ЗША з Еўропы, чытала іх нататкі, збірала матэрыялы са сродкаў масавай інфармацыі. У 1920 г. прэзаік накіравалася ў Францыю, дзе яна ўдакладніла назапашаныя звесткі, прысвечаны знаходжанню яе пратаганіста ў Старым Швеце. У. Кэзэр палічыла абавязкам наведваць некалькі мемарыялаў, што знаходзіліся на месцах былых крываваў баёў.

Абраная пісьменніцай назва твора – «Адзін з нашых» – выглядае полісемантычна, бо Клод успрымаўся суайчыннікамі чалавекам, які дабраахвотна пайшоў у армію і накіраваўся ў Еўропу, каб абараніць сусвет ад варварства здраднікаў-гунаў. Здавалася, што шараговыя амерыканцы чакалі ад Уілера (як і безлічы іншых саладат) гераізму і самаахвярнасці, марылі, што ён ператворыцца ў сапраўднага рыцара новага часу, які справядліва пакарае ворагаў. На самой справе, занятыя прыватным жыццём, яны хутка

забыліся на Клода, што «выпаў» з іх асяродку і набыў новы досвед, у якім практычна не было месца іх улюбёным адцягненым паняццям-стэрэатыпам. Письменніца не імкнулася патураць грамадскім уяўленням; яна адмаўлялася ад паказу сусветнай вайны як прыгоды «на пляцоўцы для выпрабаванняў, на “полі славы”, на якім храбрыя і цнатлівыя салдаты маглі зведаць уласны характар» (*the battle field was a testing ground, a 'field of glory', on which brave and virtuous soldiers could prove their mettle*) [17, р. 6]. Нягледзчы на ўсе недахопы батальных сцэн, адзначаныя непасрэднымі ўдзельнікамі падзей, раман ствараў негатыўны малюнак вайны, меў антымільітарскую скіраванасць.

У Старым Свеце Клод Уілер стаў «адным з нашых» – змагаром у шэрагах Антанты, асобай, якая не спужалася мілітарызму ў яго найгоршых праявах. Суайчыннікі, што выправілі хлопца на вайну, не паспелі нават зразумець, што яны мелі справу не з узорным воінам, а хутчэй з антыгероем¹, які не змог самасцвердзіцца і сфармуляваць сваё крэда. Такая трактоўка гіпатэтычна магла абразіць апалагетаў амерыканізму.

Паводле У. Кэзэр, сам Клод «сваімі» лічыў інакшых, новых сыноў Амерыкі: яны адчувалі на сабе штодзённы прыгнёт ладу жыцця і мыслення на радзіме. Дзейная асоба была адным з тых індывідуалістаў, хто не мог падпарадкавацца «амерыканскай мары», якая на пачатку ХХ ст. страціла сваю прыцягальнасць. Ён належаў да пакалення інтэлігентаў духу, большасць з якіх засталася канчаткова «невядомай, нават для саміх сябе. Яны былі залішне маладымі. Яны загінулі і пахавалі свой сакрэт разам з сабой» (*Most of the boys who fell in this war were unknown, even to themselves. They were too young. They died and took their secret with them ...*) [19, р. 394].

Клод Уілер – протастрочаны персанаж. Ён патэнцыяльна паслядоўнік эскапісцкіх і экспатрыянтскіх канцэпцый, які на момант пагібелі знаходзіўся напярэдадні асэнсавання марнасці чалавечага быцця (асабліва ў тых формах, што прапаноўваліся сучасным яму грамадствам), немагчымасці дасягнення сацыяльнай гармоніі і псіхалагічнай раўнавагі. Заўчасная смерць персанажа не дазволіла яму патрапіць у стыхію новых ведаў, актуальных філасофскіх і навуковых тэорый, што патэнцыйна збудаваў б непераадольны мур паміж героем і старым амерыканскім мікракосмам. Клод Уілер, які яшчэ ў юнацтве марна марыў пра грунтоўную адукацыю, прадчуваў, што «ўцёкі» ў Еўропу маглі задаволіць яго прагу да адмысловых інтэлектуальных заняткаў, вытанчаных размоў з людзьмі мас-тацтва, сузірання прыгожага, асалоды ад віртуознага выканання музыкі. Падсвядома Клод імкнуўся да тых «абсалютна нігілістычных ідэй, што, здавалася, знаходзілі нейкі сэнс у хаатычным свеце часоў іх дзяцінства: сюррэалізм, дадаізм, экспрэсіянізм, футурызм, фрэйдысцкі рэлігійызм» (... *stark nihilisms which seemed to make sense out of the chaotic world of their childhood: surrealism, Dadaism, expressionism, futurism, Freudian relativism*) [20, р. 250]. Здавалася, што гэтыя тэорыі луналі ў паветры Старога Свету. У тым ліку і па гэтай прычыне моладзь з ЗША так няўрымсліва шукала магчымасцей збегчы ад прыкрага, ганебнага, будзённага.

У. Кэзэр звярнулася таксама і да жаночага свету, закранутага вайной. Своеасаблівым «двайніком»² Уілера паўстала яго маці – персанаж, які найлепш разумеў натуру Клода, бо спазнаў уціск і з боку амерыканскага соцыуму, і з боку асобных прадстаўнікоў сваёй сям’і. Жанчына, што ўтаймавала ўсе свае жаданні, здавалася, адмовілася ад уласнага «я». У той жа час яна імкнулася, каб падобны лёс не напаткаў і сына. Скораная, яна сама «была старамоднай. Яна лічыла, што танчыць і гуляць у карты – небяспечнае баўленне часу ... Паводле яе разумення адукацыі, трэба было вучыцца, а не разважаць ... Розум павінен паслухмяна заставацца ў межах тэалагічнай канцэпцыі гісторыі» (*His mother was old-fashioned. She thought dancing and card-playing dangerous pastimes ... According to her conception of education, one should learn, not think ... The mind should remain obediently within the theological concept of history ...*) [19, р. 25].

Раптоўная пагібель сына абудзіла яе з летаргічнага сну духоўнага самапрыніжэння: маці Клода пачала пільна ўзірацца ў той асяродак, дзе нарадзіўся і стаў Клод. Перад ёй паўсталі сапраўдныя малюнкi амерыканскай рэчаіснасці, што «выштурхнула» яе сына са сваіх абдымкаў, а раней загубіла яе маладосць. Як асоба са спецыфічнай духоўнай арганізацыяй, яна глыбей зразумела памкненні памерлага, жахнулася ад магчымасці яго вяртання на радзіму, якая не змагла б прыняць яго. Адкрыццё не сучаснага старога, але, паводле У. Кэзэр, маці адчула адносна палёгка, бо яе сын «памёр, верачы, што яго краіна лепшая, чым яна ёсць насамрэч ... І гэта – самы прыгожы ўяўленні, з якімі ён мог сысці ў іншасвет ... Яна збаялася б абуджэння, – калі-нікалі яна нават сумнявалася, што ён наогул бы вытрымаў тое апошняе ... расчараванне» (*He died believing his own country better than it is ... And those were beautiful beliefs to die with ... She would have dreaded the awakening, – she sometimes even doubts whether he could have born at all*

¹ Антыгераізм і амерыканскі літаратурны дыскурс разгледжаны ў кнізе Х. Хатчысан «Вайна, што вычарпала словы. Амерыканскія письменнікі і еўрапейскі канфлікт, 1914–1918» [18].

² Сам прыём «двайніцтва» (у яго мадыфікацыі «жанчына (цывільны) – мужчына (салдат)») вядомы ў сусветнай прозе пра Першую сусветную вайну. Згадаем хаця б раман В. Вулф «Місіс Дэлауэй»: кніга дазваляла по-новаму разгледзець такія катэгорыі, як тыпова «жаночае» і «мужчынскае», нівіяваныя падзеямі 1914–1918 гг.

that last ... disappointment) [19, p. 458]. Сапраўды, яе здагадка мела рацыю: Клод не паспеў (не пажадаў?) нават у думках дайсці да фатальнай мяжы, канчаткова вербалізаваць сваё стаўленне да ўсяго заходняга свету.

Раман У. Кэзэр вызначаецца асаблівай увагай да вобраза немца, які напрацягу кароткага жыцця Клода ператварыўся з асобы, што «пераўзыходзіла амерыканца сваёй дабрачыннасцю – якасцю, што так захапляла апошняга» (*the German people were pre-eminent in the virtues Americans most admire*) [19, p. 166], у жудаснага і бессардэчнага ворага. Галоўны герой не мог дайсці да сэнсу раптоўнай трансфармацыі, бо, напрыклад, ахвотна кантактаў з сям’ёй этнічных немцаў, што знайшлі прытулак у ЗША. Блізкае знаёмства з культурай і ладам мыслення сяброў не магло растлумачыць, чаму асобныя прадстаўнікі нямецкай нацыі апантана верылі ў мілітарызм. Галоўны герой так і не пагадзіўся з думкай пра нянавісць у дачыненні да антаганіста: не дапамаглі ні прапаганда, ні пабачанае на фронце ў Еўропе. Клод Уілер з самага пачатку вайны заўважыў, што «эпітэты, згрупаваныя вакол імя “Атылы”, былі занадта асобаснымі, надзвычай драматычнымі, налітымі старымі знаёмымі чалавечымі прыхільнасцямі» (*the epithets grouped about the name of ‘Attila’ were too personal, too dramatic, too full of old, familiar human passions*) [19, p. 168]. Акрамя таго, персанаж падсвядома быццам бы параўноўваў сябе з немцам-цывільным і вайскоўцам і не мог вызначыць радыкальных адрозненняў, якія б назаўжды падзялілі прадстаўнікоў двух народаў. Паводле аўтаркі, яе персанаж так і застаўся ідэалістам, які марыў пра ўсталяванне гуманістычных каштоўнасцей ва ўсім свеце.

Стварэнне вобраза інтэлігента духу, што прагнуў самаразвіцця і магчымасці падпарадкоўвацца не законам масы, а ўласным жаданням, якія нараджаліся са сферы эстэтычнага, тыпалагічна яднае раман У. Кэзэр з творами «Пасвячэнне аднаго маладога чалавека – 1917» і «Тры салдаты» Дж. Дос Пасаса, ваеннай прозай Э. Хемінгуэя. Значнае іх адрозненне палягала ў форме і прыёмах адлюстравання франтавой рэчаіснасці, якая выходзіла за межы асабістага вопыту пісьменніцы.

Вынікі. Першая сусветная вайна – праблемнае поле, якое выклікала да жыцця мастацкія творы, што адмыслова трактавалі асобныя аспекты ўзброенага канфлікту. Працэс вывучэння багатай літаратурнай спадчыны пра 1914–1918 гг. прайшоў некалькі значных этапаў. Напрыканцы ХХ ст. аб’ект даследавання ўзбагаціўся за кошт твораў, якія раней не трапілі ў поле зроку навукоўцаў. Актыўна разглядаліся кнігі, напісаныя мастацкамі слова: гendarная спецыфіка спрыяла выяўленню выбітных тэм і вобразаў, што ўзбудзілі ці дэталізавалі літаратурныя малюнкi той навалы.

Асобна ва ўсім шэрагу паўстае раман «Адзін з нашых» У. Кэзэр. Твор падае глыбокі аналіз псіхалогіі персанажа, які ўсё жыццё адчуваў сябе «чужым» на радзіме. Лёс героя абумоўлены непрыняццем яго летуценнай натуры ў ЗША. Постаць Клода Уілера тыпалагічна нагадвае персанажаў, што пакутавалі ад пачуцця «страчанасці». Іх галоўнае адрозненне палягае ў тым, што кэзераўскі пратаганіст не зведаў горычы па вятанні дадому, бо загінуў раней. Пісьменніца ўводзіць у аповедаваную тканку персанажа-двайніка – маці галоўнага героя. Яе не зусім удалае жыццё прадказвала гіпатэтычную будучыню Клода.

Першая сусветная паўстае ў рамане як надзвычайная падзея, што не толькі руйнавала матэрыяльныя каштоўнасці, чалавечыя жыцці і ідэалы, але і адкрывала перад асобай іншыя далягяды. Падзронасць і не абгрунтаваная нянавісць амерыканцаў да этнічных немцаў вымусіла Уілера глыбей угледзецца ў сутнасць вайны, прапаганды і стрэатыпаў, якія кіравалі быццём амерыканцаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Cole, S. *Modernism, Male Friendship, and the First World War* / S. Cole. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 307 p.
2. Cooperman, S. *World War I and the American Novel* / S. Cooperman. – Baltimore : The Johns Hopkins Press, 1969. – 271 p.
3. Dawes, J. *The Language of War. Literature and Culture in the U.S. from the Civil War through World War II* / J. Dawes. – Cambridge Massachusetts, London England : Harvard University Press, 2002. – 308 p.
4. Fussell, P. *The Great War and Modern Memory* / P. Fussell. – New York, London : Oxford University Press, 1989. – 363 p.
5. Haytock, J. *At Home, at War. Domesticity and World War I in American Literature* / J. Haytock. – Ohio : The Ohio State University Press, 2003. – 145 p.
6. Minter, D. *The Great War and the Fate of Writing* / D. Minter // *The Cambridge History of American Literature* / General Editor S. Bercovitch. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – Vol. 6. Prose Writing. 1910 – 1950. – P. 89–101.
7. Sherry, V. *The Great War and the Language of Modernism* / V. Sherry. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 395 p.
8. *The Literature of the Great War Reconsidered. Beyond Modern Memory* / ed. by P.J. Quinn and S. Trout. – London, New York : Palgrave Publishers, 2001. – 245 p.

9. O'Brien, C. Women's Fictional Responses to the First World War. A Comparative Study of Selected Texts by French and German Writers / C. O'Brien. – Washington D.C., Baltimore : Pete Lang, 1997. – 204 p.
10. Hopkins, Ch. Beyond Fiction? The Examples of Winged Warfare (1918) / Ch. Hopkins // The Literature of the Great War Reconsidered. Beyond Modern Memory / ed. by P.J. Quinn and S. Trout. – London, New York : Palgrave Publishers, 2001. – P. 9–23.
11. Ouditt, Sh. Women Writers of the First World War. An Annotated Bibliography / Sh. Ouditt. – London, New York : Routledge, 2002. – 230 p.
12. Potter, J. Boys in Khaki, Girls in Print. Women's Literary Responses to the Great War 1914–1918 / J. Potter. – Oxford : Clarendon Press, Oxford University Press, 2005. – 257 p.
13. Стеценко, Е. Американская литература начала XX в. / Е. Стеценко // История литературы США. Литература начала XX в. / редкол.: Я. Засурский (гл. ред.) [и др.]. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – Т. V. – С. 10–29.
14. Ващенко, А. Уилла Кэзер / А. Ващенко // История литературы США. Литература начала XX в. / редкол.: Я. Засурский (гл. ред.) [и др.]. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – Т. V. – С. 286–325.
15. Ernest Hemingway. Selected Letters. 1917–1961 / ed. by C. Baker. – The Ernest Hemingway Foundation, 1981. – 948 p.
16. Trout, S. Antithetical Icons? Willa Cather, Ernest Hemingway, and the First World War / S. Trout // Cather Studies. Willa Cather as Cultural Icon. Lincoln and London : University of Nebraska Press, 2007. – Vol. 7. – P. 269–278.
17. Watchell, C. War No More. The Antiwar Impulse in American Literature, 1861 – 1914 / C. Watchell. – Baton Rouge : Louisiana State University Press, 2010. – 233 p.
18. Hutchinson, H. The War that Used up Words. American Writers in a European Conflict, 1914 – 1918 / H. Hutchinson. – New York, London : Yale University Press, 2015. – 292 p.
19. Cather, W. One of Ours / W. Cather. – New York : Alfred A. Knopf, 1922. – 459 p.
20. Howe, N. Strauss, W. Lost Generation / N. Howe, W. Strauss // Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. – New York, William Morrow & Company, 1991. – P. 247–260.

Пасмуніў 14.12.2017

**INTERPRETATION OF THE 'LOST GENERATION' MOTIVE
IN AMERICAN WOMEN PROSE ABOUT THE FIRST WORLD WAR
(ON THE EXAMPLE OF 'ONE OF OURS' BY W. CATHER)**

Z. TRATSIAK

The article is devoted to the novel 'One of ours' by W. Cather. This is a book that illustrates some special achievements of the American women prose about the First World War. There is the evident link which unites these works with the legacy of male writers who developed the various manifestations of the 'lost generation' motive. The author's reflection of the psychological state of the character is highlighted. The war in Europe is presented in W. Cather's prose as an event which determined the final personal transformation of the protagonist, who has lost all illusions about Western civilization.

Keywords: American literature, World War I, war prose by women, W. Cather, 'American dream', lost generation

УДК 821.111(73)

ОБРАЗ ОДИССЕЯ В СТИХОТВОРЕНИИ Э.Л. МАСТЕРСА «ОДИССЕЙ»

канд. филол. наук, доц. Н.В. НЕСТЕР
(Полоцкий государственный университет)
n.nester@psu.by

Рассматривается образ Одиссея в стихотворении «Улисс» (*Ulysses*) американского поэта, прозаика, драматурга, автора литературных биографий Эдгара Ли Мастерса (*Edgar Lee Masters*, 1869–1950). Произведение Э.Л. Мастерса «Улисс» вошло в сборник «Открытое море» (*The open sea*, 1921) и посвящено Одиссею. Царь Итаки, супруг Пенелопы и отец Телемаха – человек, который на протяжении долгих двадцати лет своего отсутствия на родине не утратил привязанности к своим родным и близким, стремления вернуться домой. Э.Л. Мастерс предлагает собственную версию прочтения причины возвращения Одиссея домой.

Ключевые слова: образ, Одиссей, Телемах, диалог, интерпретация.

Введение. Эдгар Ли Мастерс достаточно поздно начал творческий путь, не получив при этом систематического образования. В 1890-е гг. Мастерс занимался адвокатской практикой, совмещая ее с литературной деятельностью, в это же время он начинает писать стихотворения, подражая викторианским романтикам. А.М. Зверев отмечает, что «Мастерс начинал как прилежный ученик Шелли. Чтение Уитмена перевернуло его представление о поэзии» [1, с. 540]; «Хорошо изучил изнанку жизни большого города, но этот опыт не нашел отражения в первых поэтических книгах Мастерса, заполненных бесцветными подражаниями П.Б. Шелли и Э. По» [2, с. 326]. В конце XIX – начале XX вв. на личные средства поэт издал десять сборников, оставшихся незамеченными читателями и критиками, однако подлинный успех и признание пришли к Мастерсу после публикации его «Антологии Спун-Ривер» [3, 4].

Как поэт Э.Л. Мастерс пользовался широкой известностью в годы «Поэтического Возрождения». С. Джимбинов отмечает, что «одной из самых ярких фигур «поэтического Ренессанса» по праву считается Эдгар Ли Мастерс. Однажды кто-то из друзей дал Мастерсу почитать «Греческую антологию», где среди прочего была большая подборка античных стихотворных надгробных надписей. Мастерс вспомнил городок Льюистон, штат Иллинойс, где прошло его детство, и подумал: а что если сделать книгу надгробных надписей американского провинциального кладбища, пусть умершие сами расскажут о себе и своей жизни. Так – через смерть – можно будет изобразить жизнь целого города. Пусть город будет называться Спун-Ривер. И вот в 1915 году вышла книга под названием – Антология Спун-Ривер» [5, с. 31]. А. Сергеев отмечает, что «главная книга его жизни диалогия «Спун-Ривер» стала классикой XX века» [6, с. 187].

При этом ни одна из сорока опубликованных впоследствии Э.Л. Мастерсом книг, среди которых поэтические сборники, роман-памфлет о Линкольне (*Lincoln, the man*, 1931), написанный в полемике с многотомной биографией К. Сэндберга, роман «Брачный полет» (*The Nuptial Flight*, 1923), биография поэта В. Линдсея (*Vachel Lindsay: A Poet in America*, 1935), М. Твена (*Mark Twain: A Portrait*, 1938), книга воспоминаний «По улицам Спун-Ривера» (*Across Spoon River*, 1936), несколько томов публицистики, не была так популярна среди читателей, как «Антология Спун-Ривер». Поэт был удостоен ряда национальных наград за литературные произведения, в том числе Серебряной медали Марка Твена (1936), медали Общества поэтов США, премии Академии американских поэтов (1942) и премии Шелли (1944).

Основная часть. Стихотворение Э.Л. Мастерса «Улисс» (*Ulysses*) входит в сборник «Открытое море»¹. Стихотворение состоит из тридцати семи строф и построено в форме диалога между Одиссеем и его сыном Телемахом. Разговор между сыном и отцом совершается после возвращения Одиссея на Итаку. Беседа происходит вечером, когда на землю опускаются сумерки, участники диалога не видят друг друга, а только слышат, они становятся откровеннее и готовы искреннему разговору. Глаза собеседников едва различимы в нависшем мраке, а слух становится их единственным судьей. Разговор между отцом и сыном происходит на пороге дома – проходом между двумя мирами – внешним и внутренним, вхождением в новый мир: «Settled to evenings before the doorway / With Telemachus, who sat at his knee» [10, р. 225]. Уста Телемаха адресуют вопрос отцу – самому близкому человеку на земле, которого ему так не хватало, ведь детство и юность Телемаха прошли без его участия: «Why did you stay so long from Ithaca, / Leaving my mother Penelope?» [10, р. 225]. Вопрос начинается словом «why» и звучит как упрек отцу, оставившему Итаку на целых двадцать лет. Затянувшееся возвращение Одиссея домой сравнялось

¹ Перевод стихотворения на русский язык был опубликован в книге «Поэты Америки. XX век» [7, с. 132–136].

по времени с десятилетней Троянской войной, участником которой был Одиссей. Прежде всего Телемах обвиняет отца в том, что он оставил свою супругу и его мать Пенелопу на такой продолжительный период, ведь она в течение долгих двадцати лет ждала его возвращения, ни на минуту не теряя надежды.

Вопрос, заданный Телемахом, вызывает у Одиссея воспоминания, которые поглощают все его мысли: о морском чудовище Сцилле и Сицилии: «The eyes of the hero rolled and wandered, / Thinking of Scylla and Sicily» [10, p. 225]. Называя вопрос Телемаха трудным, Одиссей говорит сыну о том, что гораздо сложнее будет ответить на него: «That's a hard question', answered Ulysses, / «Harder, if answered, for you to see» [10, p. 225]. Одиссей начинает перечислять все увиденное им после Троянской войны по дороге домой. Он вспоминает ослепленного им циклопа Полифема, царя Эола, от которого получил в спутники благоприятный ветер Зефир, беседу с душой фиванского прорицателя Тиресия в Аиде, волшебницу Цирцею, убийство спутниками быков бога солнца Гелиоса, нимфу Калипсо, на острове которой он жил в течение семи лет. При этом приключения царя Итаки Э.Л. Мастерс сводит до одной строфы – четырех строк, в которых упоминаются только ключевые маркеры странствий Одиссея: циклоп, Эол, сирены, Аид, быки Аполлона, Цирцея и Огигия: «There was the Cyclops, there was Aeolus, / There were the Sirens, and Hades for me; / Apollo's oxen, Hades' horrors, / Circe, and then Ogygia» [10, p. 225].

О Троянской войне Одиссей не говорит ни слова и сам пытается разобраться в происходящем после военных событий: «All these after the war, Telemachus – / Too long a tale, as you will agree» [10, p. 225]. О своих странствиях отец Телемаха не хочет вспоминать, т.к. не считает события прошлого ключом к разгадке собственных скитаний, надеясь на то, что его странствия послужат вдохновением для певцов, а понять его Телемах сможет, лишь достигнув седин: «The bards must write it, when you are older / Read till the gray hairs give you the key» [10, p. 225]. Таким образом, Одиссей хочет подчеркнуть, что Телемах сможет понять его только тогда, когда достигнет зрелого возраста. Тем не менее Одиссей осознает собственную значимость и уникальность по сравнению с другими людьми и говорит о том, что такую яркую и насыщенную жизнь удалось прожить только ему одному, человеку, который воевал и так долго возвращался домой: «Of the wonder and richness that were your father's / Life in the war, the long way home. / No man has lived, as I, Telemachus, / None ever will live in the days to come» [10, p. 225].

Одиссей говорит о том, что исходил извилистые тропы земли от края до края, был игральщиком ветра и моря, его не смогли обольстить лживой надеждой ни страсти, ни грезы, что только мудрость сберегла его и привела обратно домой. Одиссей делится со своим сыном частью своей мудрости, которую он приобрел в течение долгих лет скитаний. Обращаясь к сыну, Одиссей говорит только о двух важных вещах в мире – это мужчина и женщина: «One thing is men, the other women, / And after the two of them nothing is» [10, p. 226]. При этом Одиссей говорит с сыном, как с мужчиной, который может понять, что заставляло его преодолевать тысячи километров, прежде чем достичь родной земли, где ждала его Пенелопа. Несмотря на то, что Одиссей вступил в любовные отношения с Калипсо и Цирцеей, эти женщины не смогли занять ту самую нишу, которую занимала в его сердце Пенелопа. Такая далекая, так как она находится на далеком острове, и такая близкая, так как ее образ живет в его сердце и заставляет его двигаться дальше. Одиссей говорит о том, что познал людей как царь, как воин, как вассал, но они не были для него ни пищей, ни вином. Эти люди не были для него зерном для созревания, т.е. их познание не принесло ему пользы, в отличие от звезд и солнца, сопровождавших Одиссея на протяжении всего периода возвращения.

Поскольку Телемах не совсем понимает, о чем говорит его отец, он прерывает нить его рассуждений вопросом «What do you mean?» [10, p. 226] и настаивает его новым вопросом, почему из-за слез Калипсо он провел вдали от Итаки, него и матери целых семь лет. В этом случае Э.Л. Мастерс снова передает состояние Одиссея повтором той же самой строки, что и в начале стихотворения: «The eyes of the hero rolled and wandered» [10, p. 226], пытаясь изобразить состояние Одиссея при вопросе, который вызывает у него состояние смятения, несмотря на это, отец обещает сыну, что он узнает всю правду: «I'll try to tell you perhaps you'll get it / In spite of your filial love and your youth» [10, p. 226]. Однако Одиссей выражает сомнение в том, что любовь к отцу и юность не помешают Телемаху в раскрытии мотивов отца.

И снова Одиссей напоминает Телемаху о том, что в мире есть только две вещи – «One is women, the other men» [10, p. 227]. Пытаясь все объяснить Телемаху, Одиссей разделяет время на до и после Троянской войны. Ведь именно Троянская война дала ему возможность сравнить и сопоставить мирную жизнь, которую он провел со своими родными и близкими, и жизнь, которая изменила его мировоззрение за годы войны и послевоенные годы. По мнению Одиссея, от общения с мужчинами он приобрел «Secrets of cunning / Cruelty, strength...» [10, p. 227] и многое другое, что можно использовать в сражении с ними. В свою очередь женщина является для него матерью и музой. Одиссей пытается объяснить Телемаху, что ведет к жизни, пытается объяснить ему, что следует остерегаться мудрых слов молодых людей, захватывающих его в плен. Слепо слушая, глядя на вещи, невозможно понять, что есть что, для чего необходимо прикоснуться и познать, что имя (название вещи) – это только раковина, в которой сокрыта вещь. И опять Телемах останавливает отца вопросом «What do you mean?» [10, p. 227], на который Одис-

сей отвечает «What do I mean?» [11, p. 227] и просит сына выслушать историю острова, именуемого «Огигия». Одиссей углубляется в воспоминания и пытается понять, почему женщина и вино, являющиеся по существу благом, обратили его спутников в свиней: «Women are good, and good is wine. / Yet how to tell the wine and women / That turn her adorers into swine» [10, p. 227].

Чтобы избежать всего этого, необходимо обладать определенными качествами – быть одновременно сильным и нежным, чтобы покориться и в то же время сохранить себя, свое сердце: «You must have aid of Hermes, swiftness / Of spirit and sense to tell them apart» [10, p. 228]. Одиссей рассказывает Телемаху о том, что ему легко было обмануть Цирцею, ускользнуть от сирен, он направлялся к Итаке, к сыну и жене, от острова к острову, до тех пор, пока не увидел Калипсо. Одиссей говорит о том, что если бы Телемах оказался на его месте, он бы оставался с Калипсо до сих пор. Необходима некая сила, которая вынудила бы мужчину оставить Калипсо, забыть ее лицо и голос, настолько сильной оказывается привязанность к ней. И опять Телемах прерывает рассказ отца вопросом «What do you mean?» [10, p. 228], на который Одиссей реагирует констатацией факта, непреложной истиной: «Live and learn» [10, p. 228], призывая сына набираться опыта, учась на ошибках других. Приоткрывая завесу тайны, Одиссей рассказывает Телемаху об обещании Калипсо – вечная молодость взамен на согласие Одиссея быть ее супругом. Однако Телемах не понимает, почему Одиссей отказался от такого выгодного для себя предложения – обретение вечной молодости, лишь исполняя роль супруга Калипсо. Однако Одиссей останавливает сына и пытается ему объяснить, что есть нечто большее, чем оставаться вечно молодым.

В связи с этим Одиссей вспоминает, что он делал на острове Огигия: «We dined in grottoes of blooming ivy; / We supped in halls of cedar and gold; / We slept on balconies, sapphire tented» [10, p. 229], однако даже все это изменялось и старилось на его глазах. Одиссей описывает красоту Калипсо, озаренную светом звезд и солнцем, отраженным в море, ее волосы, источающие благовония Гиметта, ее голос, однако даже красота Калипсо менялась на его глазах: «But even I found this growing old» [10, p. 229]. Э.Л. Мастерс четырежды повторяет последнюю строку, подводя определенный итог перечислениям всех прелестей Калипсо, тем самым усиливая эффект восприятия процесса старения. Калипсо обещала Одиссею свою красоту и молодость до тех пор, пока вращаются солнце и планеты, однако он знал, что есть и такие подарки, которые она не сможет ему даровать: «I knew they were gifts she could not give me, / Empty promises too grow old» [10, p. 229]. Как бы подводя итог всему сказанному выше, Одиссей констатирует факт, что ему недостаточно только одной любви: «But what is love? It is only love» [10, p. 229].

Воспоминания о доме, возможность сидеть, надевать любые одежды, разговаривать с людьми, улыбаться, гулять с его матерью и работать вокруг дома – все это заставило его собраться в дорогу и оставить Калипсо: «And you must not forget, Telemachus, / In order to have immortality / It had to be with Calypso – therefore / I came to you and Penelope» [10, p. 230]. Таким образом, Одиссей хочет подчеркнуть, что вопреки бессмертию он предпочел быть с сыном и женой. Тем не менее возвращение Одиссея домой затянулось на десять лет, за это время его сын Телемах вырос и вскоре покинет отчий дом, так как наступило время для перемен и в его жизни. В свою очередь Одиссей считает свой дом тем местом, в котором хочет находиться: «I find this doorway good, Telemachus, / As a place to dream and a place to rest» [10, p. 230].

Несмотря на убежденные доводы отца, Телемах все равно сомневается в обоснованном возвращении отца на родину, на родную Итаку – за эти долгие годы его отсутствия (целых двадцать лет) постарела его супруга Пенелопа, его отец Лаэрт, повзрослел и сам Телемах, не изменилась только одна Калипсо. Однако ни вечная юность, ни вечная жизнь не привлекают Одиссея, так как он твердо уверен в том, что поступил правильно и не изменил бы своего решения вернуться на Итаку, даже если бы ему представилась подобная возможность. Непонимание сына он связывает с его юным возрастом и неспособностью анализировать его решения и поступки с точки зрения зрелого человека, каковым он сам и является. Обосновывая свое видение смысла собственного существования, Одиссей не стремится к вечности, ему важен быстрое течение человеческого существования, радость земного бытия, возможность ощутить счастье от каждого мгновения, проведенного с близкими ему людьми, которые надеялись на его возвращение. Э.Л. Мастерс, заканчивая стихотворение строками «You are a boy yet. When is supper? / Go ask your mother Penelope» [10, p. 231], хочет подчеркнуть тот факт, что Одиссей – обычный человек, которого привлекают в жизни обыденные вещи.

Заключение. Стихотворение Э.Л. Мастерса посвящено Одиссею, царю Итаки, супругу Пенелопы и отцу Телемаха, человеку, который на протяжении долгих двадцати лет своего отсутствия на родине, не утратил привязанности к своим родным и близким, стремления вернуться домой, на родную Итаку. Жить вдали от родной земли, на которой родился и вырос, он не представлял возможным, она влекла его вне зависимости от того, где бы он ни находился.

Э.Л. Мастерс, не искажая историю Одиссея, стремится обнажить душу своего героя, вызывая его на откровенный разговор с сыном Телемахом, который задает вопросы собственному отцу. Телемах стремится дойти до самой сути, так как не понимает, что все-таки руководило Одиссеем во время его

скитаний и возвращения на родину, почему он отказывается от предложения Калипсо и настойчиво хочет вернуться домой. По всей видимости, Одиссей и сам не задавался этим вопросом, поскольку при разговоре с Телемахом он погружается в пучину воспоминаний и дает ответ зрелого человека, которого вряд ли сможет понять его слишком юный сын. Рассматривая ситуацию изнутри, глазами самого Одиссея и ставя себя на его место, Э.Л. Мастерс объясняет причину возвращения на Итаку тем, что для него быстротечное мгновение жизни важнее вечности бытия, которое предлагала Одиссею Калипсо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зверев, А.М. Поэтический ренессанс / А.М. Зверев // История всемирной литературы. – М. : Наука, 1994. – Т. 8. – С. 533–544.
2. Антология Спун-Ривер; Новый Спун-Ривер / пер. с англ и предисл. А. Сергеева ; коммент. О. Алякринского. – М. : Худ. лит-ра, 1990. – 415 с.
3. Мастерс, Э.Л. Стихи / Э.Л. Мастерс // Слышу поэт Америка: Поэты США. – М. : Иностранная лит-ра, 1960. – 174 с.
4. Американская поэзия в русских переводах. XIX – XX вв. / сост. С.Б. Джимбинов, на англ. яз. с параллельным русск. текстом. – М. : Радуга, 1983. – 672 с.
5. Засурский, Я. Писатели США: краткие творческие биографии / Я. Засурский. – М. : Радуга, 1990. – 624 с.
6. Мастерс, Э.Л. Из книги «Новый Спун-Ривер» : стихи / Э.Л. Мастерс // Иностранная литература, 1989. – № 5. – С. 186–193.
7. Зенкевич, М. Поэты Америки. XX век / М. Зенкевич, И. Кашкин. – М. : ГИХЛ, 1939. – С. 132–136.
8. Гомер, Одиссея / Гомер ; пер. с древнегреч. В. Жуковского. – М. : Дюна, 1993. – 320 с.
9. Лосев, А.Ф. Одиссей / А.Ф. Лосев // Мифология. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – 4-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 411–412.
10. Masters, Edgar Lee. The Open Sea / Edgar Lee Masters. – New York : The Macmillan Company, 1921. – 320 p.

Поступила 20.12.2017

**THE IMAGE OF THE ULYSSES
IN THE POEM «ULYSSES» BY EDGAR LEE MASTERS**

N. NESTSER

The article deals with the image of Ulysses in the poem «Ulysses» by American poet, novelist, playwright, author of the literary biographies Edgar Lee Masters (1869 – 1950). The work of E.L. Masters «Ulysses» was included in the collection «The Open Sea» (1921) and is dedicated to Ulysses. King of Ithaca, the husband of Penelope and the father of Telemachus is a man who, during the long twenty years of his absence at home, has not lost his affection for his family and friends, his desire to return home. E.L. Masters offers his own version of the reading of the reason for the return of Ulysses home.

Keywords: *image, Ulysses, Telemachus, dialogue, interpretation.*

УДК 821.161.3

МЕТАНАРАТЫЎНА АКЦЭНТАВАНАЯ НАРАТЫЎНАЯ СТРАТЭГІЯ Ў РАМАНЕ КУЗЬМЫ ЧОРНАГА «ПОШУКІ БУДУЧЫНІ»

І. Ч. ЧАСНОК

(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)

hm90@tut.by

Разглядаецца наратыўная стратэгія ў рамане «Пошукі будучыні» Кузьмы Чорнага. Даследуецца роля наратара і спецыфіка выяўлення мастацкага часу, вылучаюцца катэгорыя падзейнасці і пункты гледжання ў творы. Вызначаюцца такія асаблівасці наратыўнай будовы, якія садзейнічаюць стварэнню метанаратыўнасці: выступ наратара з «мы»-пазіцыі; частае замяшчэнне выяўленчага інфарматыўным; пабудова гісторыі на цікавым спалучэнні падзейнасці і псеўдападзейнасці; супадзенне пунктаў гледжання станоўчых персанажаў з аўтарскім.

Ключавыя словы: наратыўная стратэгія, метанаратыўнасць, наратар, гісторыя, мастацкі час, падзейнасць, пункты гледжання.

Уводзіны. «Пошукі будучыні» (1943–1944) – адзін з апошніх класічных раманаў Кузьмы Чорнага, у якім, на думку многіх айчынных літаратуразнаўцаў, пісьменніцкі талент выявіўся напоўніцу. Ужо неаднаразова заўважалася, што ў рамане выкарыстоўваюцца прыёмы і спосабы стварэння тэксту, напрацаваныя Чорным у папярэдніх творах.

Нашу ўвагу прыцягнула наратыўная стратэгія (сукупнасць наратыўных працэдур, якія вытрымліваюцца, або наратыўных сродкаў, якія выкарыстоўваюцца для дасягнення пэўнай мэты ў рэпрэзентацыі наратыву [1, с. 79]) у рамане. Менавіта ад стратэгіі ў многім залежыць наратыўная арганізацыя твора: выяўленне ў ім асноўных нараталагічных катэгорый, выкарыстанне пэўных прыёмаў.

Метанаратыўнасць. Кузьма Чорны працаваў на стварэнне савецкага ваеннага метанаратыву (пад метанарацыяй маем на ўвазе феномен існавання канцэпцый, якія прэтэндуюць на ўніверсальнасць, дамінаванне ў культуры, «легітымуюць» пэўны лад мыслення [2, с. 459]). І гэтага ад яго патрабаваў сам час. Ішла вайна. Трэба было падтрымліваць баявы дух людзей. Неабходна было верыць у бездакорную рацыю сваіх, каб перамагчы.

Імператывам часу і галоўнай тэндэнцыяй усёй культурнай сітуацыі 1940-х гг., калі ствараліся «Пошукі будучыні», зрабілася метанаратыўнае мастацкае маўленне: з інтэнцыямі агульнанасці, супольнасці, выразнай акцэнтаванасці ўсіх мастацкіх сэнсаў.

Разам з тым метанаратыўнасць у дадзеным выпадку не перашкодзіла выяўленню нацыянальнага і агульнафіласофскага. Як заўважыла Л. Сінькова, «у рамане “Пошукі будучыні” К. Чорны знайшоў такі маштаб мастакоўскага погляду на лёс беларуса, пры якім канкрэтыка падсавецкага жыцця «згубілася» сярод найвялікшых, неабвержных трагедый ХХ стагоддзя, трагедый у лёсе тутэйшага чалавека» [3, с. 113].

Наратар і мастацкі час. У спецыфіцы хранатопу таксама трэба падкрэсліць маштабнасць, апэрыраванне цэлымі эпохамі як прыкмету метанаратыўнасці, сродак падкрэслівання пэўнай людской агульнанасці, паяднанасці гэтым часам, прасторай, гісторыяй (супольна перажытымі падзеямі). У рамане К. Чорнага «Пошукі будучыні» наратар вызначаецца суб'ектнасцю. У тэксце апавядач (наратар ад першай асобы) даволі часта падкрэслівае сваю прысутнасць і сваё «я» (часам «мы»). Тым не менш ён не бярэ прамога ўдзелу ў асноўных падзеях, а застаецца своеасаблівым сведкам-назіральнікам.

Аднак наратар самапрэзентуе сябе як аднавяскоўца Волечкі Нявады. На яе пытанне, паводле тэксту, «адказалі мы ўсе хорам» [4, с. 29]. Апавядач у адным з эпизодаў быццам нясе рыдлёўкі з іншымі героямі па просьбе Кастуся Лукашэвіча і канстатуе, што яны, дзеці, былі ўжо гаспадарамі.

Сама гісторыя, якая гучыць у творы, аддалена ад часу расповеду. Раман пачынаецца з наўмыснага падкрэслівання часовай дыстанцыі наратара і апавяду: «І даўно гэта было. Час быў такі, што нашы бацькі былі на вайне. Ішла вайна з немцамі 1914-1918 гадоў. Усе мы былі або малыя, або самыя зялёныя падросці. [...] Мы былі ў полі» [4, с. 27].

Гэта веданне наратарам «наперад» садзейнічае таму, што ў творы часам сустракаюцца праспекцыі – «апярэджванні» ланцужковага ходу падзей, падказкі наконт будучага:

– *Чаго глядзець, – сказала Волечка і рухава сабралася рушыць дадому. Я вельмі добра аж дагэтуль памятаю твая яе словы: хіба яна магла тады падумаць, што гэта едзе на растрэсенай фурманцы яе лёс?* [4, с. 28] (вылучана намі – І. Ч.);

«*Яны або не належалі да таго пакалення, якое не ведала сапраўднага маленства. Але затое перад імі стаяла ўжо іхняя маладосць. А каб хто ім сказаў, што другое пасля іх пакаленне (іх дзеці) ужо і маладосці мець не будуць, што іх маладосць з'есць чужы прышэлец?»* [4, с. 62]

Разам з тым падобныя прыклады, выкладзеная наперад інфармацыя – хутчэй выключэнне ў тэксце, а не правіла. Наадварот, наратар імкнецца заінтрыгаваць чытача. Адзін з распаўсюджаных прыёмаў у творах Кузьмы Чорнага – убачыць «нейкага чалавека» і далей паступова яго разглядаць і раскрываць. Пазней жа «нейкія» людзі абавязкова распазнаюцца як свае або чужыя.

Часта наратар ведае думкі герояў, але не заўсёды: «*Не ведаю, ці прыйшла немцу ў галаву думка, што калі ён так жвава ўзяўся за паперу, а не ляжыць з паблеклым тварам, то ён перамог ужо сваю хваробу*» [4, с. 36]; «*Можжа ўжо і многа часу прайшло, як Нявада сачыў за падарожнымі*» [4, с. 100].

М. Тычына, вядомы даследчык творчасці К. Чорнага, пісаў: «Пакуль ён асабіста апавядае аб тым, што асабіста вядома яму, яго асоба раствараецца сярод эпічнага «мы», «нас» або прарываецца ў лірычным «я» («Я вельмі добра аж дагэтуль памятаю...»), як ён толькі пераходзіць да апавядання аб тым, што створана ў яго творчым уяўленні, яго асоба знікае па-за яшчэ больш эпічным «яны», «людзі», «некаторыя»» [5, с. 106]. Відавочна, што ў гэтым выпадку літаратуразнаўца атаясамлівае «я» з асобай самага пісьменніка. На наш погляд, гэта наратарскае выяўленне хутчэй сведчыць пра імкненне падкрэсліць у творы агульнасць з людзьмі, калектыўнасць мыслення. Але сустракаюцца і сказы, дзе «я» з «мы» стаяць побач.

Калектыўнае наратарскае «мы» ў тэксце сустракаецца не радзей за «я». Возьмем хоць бы самы пачатак: «*кожны з нас*» [4, с. 27], «*наша мястэчка*» [4, с. 28], «*нам дзіўна было*» [4, с. 28], «*у нашых душах*» [4, с. 28], «*адказалі мы ўсе хорам*» [4, с. 29]; «*Добра было слухаць чужую каманду, але як яе адразу паслухаць? Мы ж былі гаспадары! Нашы ж бацькі былі на вайне! [...] Перашкаджаючы адзін аднаму, мы каналі вялікім гуртам магілу невядомаму нам чалавеку. Пасля мы патурбавалі немца. [...] Цяжка было нам апусціць труну ў яму, але нас быў вялікі гурт. [...] Мы ішлі за возам. Хлапчук сказаў да Волечкі...*» [4, с. 30].

Калі ідзе гаворка пра Волечку Няваду, то і тут для наратара важна падкрэсліць характэрную для таго часу тэндэнцыю да агульнасці людзей: «*Усе бачылі, як Волечка стаяла тварам на захад. [...] Усе заўважылі [...] Неўзабаве мы бачылі*» [4, с. 28] (вылучана намі – І.Ч.). Прыналежнасць антрапаморфнага наратара да калектывісцкай культуры выяўляецца і ў зваротах да чытачоў: «*Браткі мае, што гэта быў за тон!*» [4, с. 44]

Прыём абмежавання чытацкага ведання часта выкарыстоўваецца з мэтай стварэння інтрыгі. Напрыклад, не ведае многага наратар тады, калі распавядаецца загадка пра Паліводскага.

Часта наратар ведае не больш за астатніх вясцоўцаў з Сумліч, каб падкрэсліць агульнасць з імі. Напрыклад, так гаворыцца пра Сымона Ракуцьку: «*Падазравалі, што з ім нешта здарылася ў жыцці непрыемнае і, можа, нават цяжкае. Можжа на яго ўпала была якая цяжкая навала, і ён ратаваўся, бараніўся, як мог, і, напэўна, усімі спосабамі даводзіў, што ён справядлівы чалавек і што пакутаваць не павінен*» [4, с. 78]. Пасля яшчэ раз пацвярджаецца выказаная намі думка пра пазіцыянаванне наратара як сведку-аднавяскоўца: «*Вось гэта гісторыя, як яе чулі і ведалі ўсе*» [4, с. 79].

Суб'ектны наратар быццам знікае і дае персанажам існаваць самастойна ў дыялогах, з экспліцытнага перыядычна становіцца імпліцытным. Аднак усё роўна ў апаведзе яскрава выяўляюцца адносіны да герояў – напрыклад, шкадаванне да Волечкі: «*Волечка, малая гаспадыня гэтай хаты*» [4, с. 38]. Паводле В. Шміда, наратар можа валодаць рысамі індывідуальнай асобы [6, с. 39]. Эмоцыі наратара выяўляюцца і ў наступным прыкладзе: «*Каб хто чуў, як пасля гэтага рагатала Волечка!*» [4, с. 45] (калі Кастусь Лукашэвіч дапамагаў ёй). Праз вобразы малой Волечкі і Кастуся, згодна з А. Адамовічам, пісьменнік «апаэтызаваў само званне чалавека» [7, с. 393]. Літаратуразнаўца слухна адзначае, што ў пэўныя моманты, апрача аўтарскага сур'эзнага роздуму, адчуваецца і ціхая аўтарская ўсмішка [7, с. 393].

Зноў у тэксце спецыяльна падкрэсліваецца прысутнасць наратара падчас былых падзей у краіне, ён выступае ўдзельнікам той эпохі: «*Тады не было яшчэ ні пагранічнікаў, ні пагранічных заставаў і можа нават і цвёрда вызначанай дзяржаўнымі планами зсылкі шпіёнаў. Хто ведае з нас, простых людзей...* (імкненне паказаць сябе часткай калектыва цэлага – І.Ч.) *Можжа тады аб гэтым толькі пачыналі думаць у міністэрскіх кабінетах. А ўрэшце – за факты не паручыся, чаго не ведаю, таго не скажу*» [4, с. 64].

Наратар у пэўны момант адкрыта гаворыць пра час цяперашні (калі непасрэдна разгортваўся апавед пра мінулыя падзеі): «*Скажу прасцей: ад год той, першай за нашу памяць вайны з немцамі і да дзён нашых, сённяшніх, калі ўжо вырысоўваецца як бы канец і Вялікай Айчыннай вайне, за ўсю гэту жорсткую эпоху, на мільёнах дзіцячых ілбоў мы бачылі і бачым маршчыну старасці*» [4, с. 81]. Зноў адзначае выступ ад «я» і адначасовае атаясамліванне сябе з астатнімі, з пакаленнем – «мы».

У тэксце ёсць і іншыя часавыя маркеры, асабліва калі ўсё паказваецца ў гістарычным зрэзе: «*Іх думкі не пакідалі аж да сямнаццаціга верасня трыццаць дзявятага года*» [4, с. 97]; «*Канчаўся ўжо трэці тыдзень вайны, калі Лізавета падышла да бацькавай хаты*» [4, с. 165].

Калі ў пачатку твора наратар сам незаўважна апырэдджаў ход падзей і мог выпадкова прагаварыцца, што чакае чытача ў тэксце далей, то пазней такія прадчуванні ўжо ўкладаюцца ў думкі персанажаў. Напрыклад, падаецца прадчуванне новай вайны тады, калі Нявада сустракае на скрыжаванні невядомага чалавека: «*Можжа ўвесь свет такі дзікі, што чалавеку не можна гаварыць праўду і баяцца другога чалавека. І можжа ўжо скоро пачнецца тая зноў навала? Можжа ўжо зноў тут блізка ходзіць той вялікі злодзей, што ўкраў у яго Волеччына маленства?*»

У «Пошуках будучыні» наратар першасны; недыегетычны [6, с. 47], нягледзячы на аповед ад першай асобы і пазіцыянаванне сябе аднавяскоўцам Волечкі, наратар фігуруе ў аповедзе, а ў гісторыі няма ніякай яго ролі. Асабовы наратар быццам сведка падзей. Такая форма выкарыстоўваецца хутчэй для доказнасці і пераканаўчасці тэксту. Абмежаваны хранікёр у творы чаргуецца з усёведаючым. Экспліцытны наратар чаргуецца з імпліцытным, дыегетычны з недыегетычным. Відавочна, што наратар асабовы, антрапаморфны.

Усе гэтыя характарыстыкі наратара і выступ апаведача з «мы»-пазіцыі з'яўляюцца прыёмамі-сродкамі метанаратыўна акцэнтаванай наратыўнай стратэгіі.

Збыткоўнасць інфармацыі ў рэпліках герояў. Спецыфічны стыль Кузьмы Чорнага выяўляецца і ў тым, што часта ў рамане вялікая колькасць інфармацыі абрушваецца на чытача праз другаснага наратара-персанажа, які распавядае пэўную ўстаўную міні-гісторыю. Напрыклад, пра немца многае мы даведваемся са слоў фельчара:

– Ага, – зразумеў нарэшце фельчар, – ты рад, ты шчаслівы, што ачуняў і ўжо здаровы? А ты думаў, што памрэш, адзін сярод чужых людзей? ... аж ты ўбачыў, што гэтыя людзі цябе ратавалі і наставілі на ногі? Ты кажаш, што ў цябе ёсць дом, сын, якому цяпер ужо дзесяць год? Ён таксама, як і ты, завецца Густаў Шрэдэр? Тое, што ён ёсць на свеце і што ты ачуняў, радуе цябе? Ага, ты хочаш чым-небудзь аддзякаваць нас усіх і найбольш гэтую малую? Ну дык яна завецца Волька [4, с. 41].

Такія доўгія рэплікі, у якіх змяшчаецца ўжо і адказ таго, з кім гавораць, адносна сярэдне-статыстычнай нормы падаюцца празмернымі. Калі фельчар другі раз распавядае пра немца хворай Волечцы і Кастусю, яго рэпліка займае каля трох старонак.

Пра лёс польскага афіцэра Паліводскага даведваемся ад персанажа, які выступае ў ролі другаснага наратара, – ад карчмара. Цікава, што расповед не індывідуалізаваны. Ён выконвае найперш інфарматыўную функцыю, як і ў выпадку з фельчарам, што распавядаў гісторыю жыцця немца Густава.

Са слоў Волечкі даведваемся пра ўсё, што адбывалася ў апошні час у Сумлічах. Гэта празмерна для аднаго выказвання персанажа. Тут знаходзім не аналітычныя развагі, а менавіта інфармацыйны выклад, занадта грувацкі для таго, каб персанаж выдаваў яго запар.

Падаецца збыткоўнай і рэпліка Гертруды, калі яна распавядае і пра тое, што Густаў добраахвотна пайшоў першы раз на вайну, і пра дарма аддадзенае золата, пра праклёны Густава з-за душэўнага парывання, пра змаганне сына за ўвесь свет для Германіі.

Аднак падобная збыткоўнасць інфармацыі ў рэпліках таксама з'яўляецца своеасаблівым індывідуальным катарам метанаратыўна акцэнтаванай стратэгіі. Відавочна, што на першым месцы ў рамане стаіць данясенне ідэалагічнага зместу. Нездарма знаўца творчасці К. Чорнага А. Адамовіч адзначаў, што пісьменнік у сваіх ваенных творах «нянавісцю ўзбройвае чытача» [7, с. 388].

Падзейнасць і пункты гледжання. Згодна з тэорыяй В. Шміда, паўнаважасная падзейнасць (адна з асноўных катэгорый наратыву) вызначаецца рэlevantнасцю (значнасцю) у межах мастацкага свету, непрадказальнасцю, кансекутыўнасцю (уплывае на далейшы ход), незваротнасцю (змены не павінны анулявацца), непаўтаральнасцю [6, с. 12–13].

Унутраная (псеўда)падзея – прасвятленне, якое адбываецца з адмоўным персанажам-немцам – аказваецца зваротнай, а таму несапраўднай. Густаву, на вачах якога ляжала пячаць вялікай праўды, падавалася, што рэчы яго душаць. Ён аддаў іх малой выратавальніцы з думкай, што «усё золата, якое толькі ёсць на свеце, – нікчэмная драбязя і непатрэбчына перад самім жыццём» [4, с. 42].

Аднак і ў пачатку рамана не ствараецца ілюзія, што немец становіцца героям. Пасля сцэны яго душэўнага парыву адразу ж фельчар канстатуе, што аддадзены скарб – рэчы, знятыя немцам з мёртвых або параненых афіцэраў. Пры гэтым фельчар дае яскравую характарыстыку ворагу і пасля прачытання яго ліста да родных, калі прыехаў лячыць хворую Волечку: «Вы чуеце, як яго ўжо точыць чарвяк, што ён так ірвануўся душой? От бо нямецкая душа! Ніякіх там парываў, а ўсё павінна быць вылічана: колькі арышын радасці, колькі ўдзячнасці, колькі сяброўства і колькі дабра другому, каб не перадаць лішне» [4, с. 56].

Падзеяй завершанай у творы становіцца менавіта змена погляду Кастуся Лукашэвіча, які ўжо ні пры якіх умовах не шкадуе больш ворага, гатовага пасля зробленага яму дабра зноў прыходзіць на чужую зямлю з мячом. Хоць у «Пошуках будучыні» і так з самага пачатку сустракаем словы хлопчыка: «Табе добра, у цябе немец, чорт яго бяры, яны з гармат смалілі па нашай вёсцы і нас у свет выгналі, а ў мяне хворы бацька ўчора памёр на дарозе, хворы і з дому выехаў, і маці памерла на тым тыдні, пры дарозе пахована, і сястра памерла» [4, с. 29]. А, напрыклад, у іншым рамане Кузьмы Чорнага «Млечны Шлях» амаль да фіналу не гучаў адкрыты пункт гледжання з абвінавачваннем немцаў.

У «Пошуках будучыні» ў пачатку рамана мы даведваемся і пра тое, што немец абрабаваў мёртвых савецкіх афіцэраў, таму меў золата. Нарабаваны Шрэдэрам скарб нават быццам душыць Кастуся – наратар гэтым падкрэслівае кантраст паміж беспрынцыпнасцю ворагаў і прынцыповасцю сваіх.

У вусны Сымона Ракуцькі, які выратаваў Паліводскага, укладзены словы – выяўленне аўтарскай пазіцыі: – Які ты к чорту граф, калі ты ў крыві і няшчасны. І князь, і цар, і міністар, кожны той, хто камандуе людзьмі, хто мае права ў руках, каб саджаць іх у турмы і там рабіць з імі што сам захоча, кожны, хто стаіць над людзьмі, толькі датуль граф, пакуль у яго з парэбрынь кроў не ідзе [4, с. 68].

І часта падобнае назіраем у іншых выпадках. Адразу бачна, чый пункт гледжання супадае з аўтарскім.

Такім чынам, раман будуюцца на псеўдападзеінасці і падзеінасці. Тое, што спачатку выглядала як падзея, аказваецца незавешаным або паўтараецца (Нявада глядзіць на Лізу і думае, што і яна такая не па гадах стала; Волечка зноў пакутуе ў хаце, у якой пакутавалі ў маленстве). Гэта важны прыём пабудовы сюжэту ў «Пошуках будучыні».

З вуснаў Люцыяна Акаловіча гучыць асобны міні-наратыў – гісторыя яго жыцця і жыцця яго сям’і; яго бацькі, які марыў пра Польшчу ад мора да мора, смяўся са слова «Беларусь» і ненавідзеў усё, што не з’яўлялася польскім. Распавядае персанаж і пра Паліводскага, які вербаваў людзей службыць Германіі і, такім чынам, Польшчы. Маці яго спалілі, бацьку павесілі, а сам персанаж як вораг сутыкнуўся з Нявадам і быў пабіты на скрыжаванні дарог: «*За плячыма ў мяне ганьба, а перад вачыма пустэча*» [4, с. 139]. Тут мы бачым яскравы падзел герояў на добрых і дрэнных і празрысты аўтарскі пункт гледжання. «*Ужо няма ні Чырвонай Арміі, ні Сталіна, ні ўлады, і ўжо немцы ідуць і ідуць наперад*», – агучвае адмоўны Акаловіч. У словы персанажа ўкладзены думкі, якія аўтар аспрэчвае праз асуджэнне Акаловіча іншымі, станоўчымі героямі.

Усе немцы паказваюцца ў творы вельмі адназначна. Як тыя, хто па сваёй волі прыходзяць ваяваць з мэтай разбагацець. Такія і Шрэдэры старэйшыя, і Шрэдэр малодшы. У дачыненні ж да сваіх наратар выкарыстоўвае перабольшванні пры адборы падзей. Ліза Ракуцька непраўдападобна перакусіла шыю немцу ў танку, а таксама кінула гранату ў другога ворага.

«Агітацыйная» публіцыстычнасць у рамане часта ўзнікае там, дзе ёсць эпічнасць: «*Горкая практыка паказала, што ваяўнічае геройства народа нараджаецца і выпрацоўваецца не ад заміланасці да рэк крыві на полі вайны, а ад неабходнасці сцэрці з твару зямлі такую погань, якая ў нашы дні ў вобразе Гітлера заявіла, што нармальны стан мужчыны вечна быць у вайне*» [4, с. 64].

Заклучэнне. Наратыўная будова «Пошукаў будучыні» вызначаецца наступнымі асаблівасцямі: наратар часта выступае з «мы»-пазіцыі, перыядычна выяўляецца ў тэксце як экспліцытны; у рамане інфарматыўнае нярэдка замяшчае выяўленчае (шмат празмернага выкладу інфармацыі адным героем); асноўная гісторыя будуюцца на цікавым спалучэнні падзейнасці і псеўдападзеінасці; пункты гледжання станоўчых персанажаў супадаюць з аўтарскім. Усе пералічаныя прыёмы садзейнічаюць раскрыццю асноўнай, метанаратыўна акцэнтаванай наратыўнай стратэгіі ў творы.

Аднак, нягледзячы на апраўданыя ваенным часам агітацыйныя мэты, метанаратыў у творы забяспечвае найперш выяўленне беларускай нацыі як асобнай, вельмі характэрнай і моцнай, са сваёй уласнай гісторыяй. Метанаратыўная стратэгія ў дадзеным выпадку прывяла не да безумоўнай адпаведнасці савецкаму сацрэалізму, а да стварэння сапраўднага нацыянальна-філасофскага рамана.

ЛІТАРАТУРА

1. Ткачук, О.М. Нараталогічны слоўнік / О.М. Ткачук. – Тернопіль : Астон, 2002. – 173 с.
2. Коротченко, Е.П. Метанарратив // Постмодернизм. Энциклопедия / под ред. А. А. Грицанова, М.А. Можейко. – Минск : Интерпрес Сервис, 2001. – С. 459–461.
3. Корань, Л. Кузьма Чорны / Л. Корань // Цукровы пеўнік: літ.-крытыч. арт. – Мінск : Маст. літ., 1996. – С. 65–114.
4. Чорны, К. Пошукі будучыні / К. Чорны // Выбраныя творы / уклад. і прадм. М. Тычыны ; камент. М. Тычына, Я. Янушкевіч. – Мінск : “Беллітфонд”, 2000. – С. 27–178.
5. Тычына, М.А. Кузьма Чорны: Эвалюцыя мастацкага мыслення / М.А. Тычына ; навук. рэд. В.Ул. Івашын. – Мінск : Бел. навука, 2004. – 168 с.
6. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
7. Адамовіч, А. Класік беларускай прозы / А. Адамовіч // Кузьма Чорны. Чалавек – гэта цэлы свет : успаміны, эсэ, артыкулы, інтэрв’ю, дакументы. – Мінск : Маст. літ., 2016. – С. 375–394.

Паступіў 13.01.2018

METANARRATIVELY ACCENTUATED DESCRIPTIVE STRATEGY IN KUZMA CHORNY’S NOVEL «THE SEARCH OF THE FUTURE»

I. CHASNOK

The article takes up the issue of narrative strategy in Kuzma Chorny’s novel «The Search of the Future». It deals with the role of the narrator and the specificity of fictional time expression, picks out the category of eventness and points of view in the book. The article determines peculiarities of narrative structure contributing to the metanarrativity of the novel: narrator’s appearance from «we»-position; frequent substitution of decorative by informative; arrangement of the plot on the curious combination of eventness and pseudo-eventness; coincidence of author’s and protagonists’ points of view.

Keywords: *narrative strategy, metanarrative, narrator, history, fictional time, eventness, points of view.*

УДК 821.161.3.09-311.6«1960/1965»

**ДЫНАМІКА ВАЕННАГА РАМАНА Ё БЕЛАРУСКАЙ ПРОЗЕ 1960–1965-х ГАДОЎ
(ПРАБЛЕМА-ТЭМАТЫЧНАЯ І ЖАНРАВА-СТЫЛЁВАЯ АДМЕТНАСЦЬ)**

*канд. філал. навук, дац. Г.В. НАВАСЕЛЬЦАВА
(Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)
Novoseltseva.anna@mail.ru*

У беларускай прозе першай паловы 60-х гадоў ХХ стагоддзя адбываецца працэс фарміравання новага эстэтычнага ўзору рамана. У прыватнасці, у творчасці Івана Навуменкі, Алеся Адамовіча, Янкі Брыля назіраецца вопыт стварэння аднагеройнага рамана, скіраванага на інтэрпрэтацыйны паказ рэчаіснасці, псіхалагічна паглыбленае адлюстраванне асобы. Прасочваецца наватарская эстэтычная тэндэнцыя да пашырэння тэматыкі, ускладнення праблематыкі, раскрыцця ваеннай тэмы ў маральна-этычных каардынатах.

Ключавыя словы: беларуская літаратура, раман, эстэтычная традыцыя, творчая індывідуальнасць, лірычная проза.

Уводзіны. Ваенная тэма, выключна запатрабаваная ў беларускай літаратуры першага пасляваеннага дзесяцігоддзя, не губляе сваёй актуальнасці і ў першай палове 60-х гадоў, калі назіраецца актыўная дынаміка раманага жанру, якая шмат у чым была абумоўлена фактарамі грамадскай дзейнасці. У беларускім рамане яскрава выяўляецца эстэтычная тэндэнцыя, слухна акрэсленая В.А. Каваленкам: «У рэчышчы агульналітаратурнага развіцця проза пра вайну імкнецца да праўдзівасці вобраза, нават да яго дакументальнай дакладнасці. Паступова ападае рамантычная прыўзнятасць, якая нярэдка пачала межаваць з прыхарошваннем і прамалінейным узвелічэннем. У мастацкія творы шырэй уваходзіць цяжкі вопыт народа. Праўда правяраецца перш за ўсё зместам факта» [1, с. 107]. Даследчык акцэнтуюе ўвагу на тым, што пачынаецца рашучы паварот да асабовасці, пісьменнікі сталі цікавіцца ўнутраным светам героя вайны, паказваць тыповыя праз адзінкавае, павышаецца мастацкая значнасць аналітычнага псіхалагізму, канкрэтнай дакладнасці мастацкага малюнка. Думаецца, гэта абумовіла выпрацоўку новага жанравага ўзору беларускага рамана, які шмат у чым палемізаваў з той мастацкай формай, якая замацавалася ў літаратуры 50-х гадоў.

Асноўная частка. Раман Алеся Асіпенкі «Вогненны азімут» (1965) створаны ў рэчышчы эстэтычнай традыцыі беларускага рамана першага пасляваеннага дзесяцігоддзя пра Вялікую Айчынную вайну: шматгеройнае мастацкае палатно выяўляе аўтарскае імкненне да шырокага ахопу рэчаіснасці, паказвае значную колькасць не раскрытых фонавых вобразаў, пісьменніка цікавіць не столькі ўнутранае жыццё герояў, колькі непасрэдны ход падзей. Аўтара традыцыйна называюць адным з яркіх прадстаўнікоў літаратуры сацыялістычнага рэалізму. Агульнавядома, што «гэта была нарматыўная эстэтыка, але яе нельга разумець спрошчана: у пасляваенныя гады пісьменнікі шмат эксперыментавалі ў галіне формы» [2, с. 165], шукалі новыя тэматычныя аспекты. Як слухназначае Н.Е. Пашкевіч, у той час, калі ствараўся раман, узраслі крытэрыі мастацкай праўды, якімі вывяралася літаратура пра вайну: «Асіпенка аказаўся на вышыні гэтых крытэрыяў, што добра відаць па агульнай канцэпцыі падзей, пазбаўленай і ценю павярхоўнага аптымізму, па складаным малюнку ўзаемаадносін паміж людзьмі» [3, с. 164]. Нельга аспрэчваць, што значную ролю адыграў і ўласны вопыт удзельніка партызанскага руху, напрыклад, вобраз Міхася Ланкевіча не пазбаўлены аўтабіяграфічных рыс. А. Асіпенка звяртаецца да таго тэматычнага аспекту, які неаднаразова будзе прыцягваць увагу пісьменнікаў і ў пазнейшы час, – пачатковы перыяд вайны, трагічны і складаны для мастацкага асэнсавання. Аўтар прадстаўляе інтэрпрэтацыю працэсу арганізацыі падпольнага і партызанскага руху на нядаўна акупаванай тэрыторыі, што асэнсоўвае і на ўзроўні філасофскай канцэпцыі твора. Так, для людзей, якія імкнуліся нешта зрабіць у надзвычайных умовах і якіх цяжка назваць прафесійнымі разведчыкамі, важна было знайсці нейкі арыенцір. Як шматзначна кажа адзін з герояў, мы «па азімуту пайдзем, будзь спакоен – не заблудзімся. Чуеш, як фронт гручка. А ўночы зарыва свеціць. У нас цяпер верны азімут, вогненны» [4, с. 394].

Як вядома, пры адступленні Чырвонай Арміі для разгортвання хуткай барацьбы па загадзе засталіся партыйныя кіраўнікі розных узроўняў. У прыватнасці, аўтар паказвае загадчыка Падзвінскага раёна Івана Тышкевіча, які пакутліва разважае над тым, хто вінаваты ў той трагічнай сітуацыі, у якой апынулася краіна. Начальнік раённага аддзялення міліцыі Віктар Валенда найперш перажывае, што сам патрапіў у небяспечную сітуацыю, не ведае, што рабіць, каб палепшыць сваё становішча. Гаворыць і думае лозунгамі Вера Прусава, якая не ўпускае мажлівасці абвінаваціць таварышаў у панікёрстве. Вылучаны для падпольнай дзейнасці і іншыя камуністы, якіх добра ведаюць у раёне, што ставіць пад пытанне самую мажлівасць такой дзейнасці.

Вобраз Тышкевіча ў значнай меры ідэалізуецца: аўтар паказвае ўдумлівага, разважлівага, здольнага да канспірацыі героя, які становіцца сапраўдным арганізатарам і кіраўніком. Спрабуе знайсці шлях да актыўнай барацьбы і Міхась Ланкевіч, вучань Тышкевіча, малады настаўнік. Напачатку Міхасю падабаецца быць далучаным да «разбуральнай сілы», як сам сабе прызнаецца герой, трэба разбурыць да асновы ўвесь свет, каб пасля пабудаваць новы. Так, дзеля размяшчэння аэрадрома быў зруйнаваны хутар, але пастаўленыя макеты самалётаў не ўвялі ворага ў зман, і герою робіцца балюча і крыўдна. Ён вельмі хутка называе ўсё ранейшае забаўкай, прагне сур'ёзнай справы, мае намер пайсці добраахвотнікам у армію, аднак і гэта няпроста: свет стаў «цесным і няўтульным», ніхто не скажа, дзе свой, а дзе чужы, і што трэба рабіць. Письменнік раскрывае, што герой пераадоўвае пачуццё разгубленасці, калі далучаецца да падпольнай барацьбы. З названымі персанажамі кантрастуе вобраз Прусавай: як паказвае практыка, Вера не можа стрымаць сябе, выказвае ўсё, што думае, пакрыўджанаму савецкай уладай Архіпу Сысою, выпадкова забівае немца, з-за чаго была знішчана разам з жыхарамі вёска Рассека. Прусавы марыць знайсці «такіх людзей, думкі якіх, уся сіла нянавісці звернуты толькі ў адным кірунку – на барацьбу з немцамі» [4, с. 265], ёй здаецца, што той, да каго яна звернецца, «адразу ж загарыцца яе палымянай ідэяй, сам прапануе свае паслугі, бяспрашна пачне ствараць падпольныя групы» [4, с. 265]. Героіня праходзіць пэўны шлях да разумення таго, што падпольная дзейнасць не патрабуе гарачых прамоў. Выяўляе аўтарскую сімпатыю гаспадарлівы, практычны старшыня калгаса Каршукоў, які імкнецца ўвайсці ў давер да немцаў, хоць тыя і ведаюць, што ён – камуніст. Патрапіўшы ў гестапаўскія засценкі, ён і там імкнецца падмануць ворагаў, яго адпускаюць, пакінуўшы побач з ім правакатара. Аўтар такім чынам перадае атмасферу ўсеагульнага недаверу і няпэўнасці: таварыш па рабоце Тышкевіч думае пра Каршукова як пра здрадніка.

Мастацкі аповед паслядоўна раскрывае, што першыя партызанскія атрады арганізуюцца стыхійна, найперш з акружэнцаў. Так, сапраўдным героем паказваецца танкіст Баталаў, які становіцца пасляховым партызанскім камандзірам, цяжка перажывае няўдачы, шчыра радуецца поспехам. Аўтар імкнецца асэнсаваць яго чалавечыя якасці, што выяўляецца некалькі спрошчана праз прызнанне самога Баталава: «З танка людзі здаюцца несапраўднымі. Імчыш, а яны хто куды кідаюцца, паўзуць у акопы, ну – і страляеш. Бачыш, што чалавек упаў, а здаецца, не ты яго падстрэліў, а ён сам спатыкнуўся, упаў і не хоча падымацца. <...> А сёння я чалавека прыкладам забіў. І от цяпер не магу забыцца. Страшна... Не, агідна» [4, с. 167–168]. Неадназначна ўспрымаецца вобраз Людмілы, маладой дзяўчыны, якая становіцца пасляховай разведчыцай, дзеля чаго ідзе на працу да немцаў: «Людміла старалася знайсці прыклад з кнігі або з кінафільмаў, які памог бы ёй апраўдаць сваё паступленне да немцаў на работу. Напружаная памяць, аднак, падсоўвала іншых герояў, іншыя ўчынкі, смелыя, незалежныя, якія не стасаваліся да яе будучай работы. Ёй давядзецца хлусіць, прыкідвацца, хаваць свае сапраўдныя думкі. Гэта было падобна на здраду сабе, сваім пачуццям, усяму святому, чым яна ганарылася» [4, с. 24]. Псіхалагічна супярэчлівы і вобраз Ота Віцінга, які прызначаны галоўным камісарам Падзвінскай акругі: як салдат і член нацыянальна-сацыялістычнай партыі, ён ні хвіліны не сумняваўся, што вайна прынясе перамогу, «і ўсё ж было страшна перад гэтай таямнічай, вялізнай, як акіян, чырвонай Расіяй» [4, с. 25]. Такім чынам, аўтар увабляе не столькі індывідуальна-адметныя вобразы, колькі чалавечыя тыпы, пазбаўленыя глыбокіх псіхалагічных характарыстак, у выніку чаго не атрымліваецца пераканаўчага паказу.

Звяртаецца да асэнсавання пачатковага перыяду Вялікай Айчыннай вайны, разгортвання партызанскага і падпольнага руху на акупаванай тэрыторыі Іван Навуменка, які ў раманнай серыі «Сасна пры дарозе» (1962), «Вецер у соснах» (1967), «Сорак трэці» (1973) актыўна выкарыстоўвае прыныцы мастацкага аўтабіяграфізму. Як слушна даводзіць П.В. Васючэнка, «задуманая аўтарам як твор пра акупцыю, гэтая трылогія не толькі ўвабрала і ранейшыя навілістычны досвед прэзаіка, прыняла ў сябе і іх настраёнасць, рамантычную афарбоўку некаторых вобразаў – але напоўнілася новымі сюжэтнымі лініямі, ракурсамі, разгарнулася як размытая эпічная плынь» [5, с. 696]. Дыскусійным бачыцца пытанне пра галоўных герояў раманаў І. Навуменкі. Калі ў першым з твораў відавочна вылучаецца асоба Міці Птаха, дамінуе прыныцы суб'ектыўнага раскрыцця рэчаіснасці, то раманы «Вецер у соснах», «Сорак трэці» шматгеройныя, скіраваныя на шырокі ахоп падзей. Зыходзячы з прыныцы шматпланавасці Г.Дз. Сіненка называе трылогію эпапеяй аб партызанскай барацьбе беларускага народа, з чым, думаецца, цалкам нельга пагадзіцца. Паводле азначэння самога даследчыка, «рамкі падзей сюжэтна строга абмежаваныя месцам і часам. Гэта – 1941–1943 гады, палескі край, лясістыя раёны Гомельшчыны» [6, с. 147], а як вядома, эпапея патрабуе большага і прасторавага, і часовага мастацкага ахопу. Як далей працягвае даследчык, «своеасаблівае зместу эпапеі заключаецца ў паказе вялікага праз малое, а гэта ў сваю чаргу вызначыла эпіка-навілістычную структуру аўтарскага апавядання» [6, с. 149]. Сумніўным выглядае сцвярдэнне, што ў эпапеі ў якасці аднаго з дамінантных выкарыстоўваецца навілістычны аповед, аднак нельга і адмаўляць таго, што І. Навуменка творча працягнуў эстэтычную традыцыю шматгеройнага падзейнага рамана першага пасляваеннага дзесяцігоддзя пра Вялікую Айчынную вайну, прыўнёс мастацкі псіхалагізм, паглыбленае раскрыццё характару, аксіялагічнае разуменне такіх складаных паняццяў,

як подзвіг і гераізм, што асэнсоўваюцца не столькі праз учынкi вайскоўцаў, колькі звычайных людзей, у тым ліку падлеткаў. У творчай манеры аўтара выяўляюцца дзве кантрастыўныя тэндэнцыі, у прыватнасці, «знешне творчы прынцып аўтабіяграфізму здаецца вельмі выйгрышным, бо ён сам па сабе абяцае жыццёвую дакладнасць адлюстраваных падзей і непаўторнасць чалавечага лёсу, у якім заўсёды ёсць рэальны вопыт перажывання, прынамсі, адной асобы – самога аўтара. <...> Аднак раскрыццё адзінкавага лёсу ў сувязі з лёсам народным ставіць перад пісьменнікамі і вялікія цяжкасці. <...> Уласнае бачанне ў нечым і скоўвае творчы размах абагульняючай думкі» [1, с. 132].

Як і ў рамане А. Асіпенкі, у першым творы з трылогіі І. Навуменкі паказваецца, што для падпольнай работы былі пакінуты людзі, мала да яе прыдатныя. Кіраўніцтва пяцёркай падпольшчыкаў даручана Шэлегу, загадчыку раённага камунгаса, які не лічыць для гэтага дастатковым той вопыт, які набыты ў васьмянацатым годзе. Тым не менш Шэлег выдатна разумее, што не здольны нешта зрабіць дэрэктар ільнозавода Цярэшчанка, інжынера лесакультур Дзянісаву герой характарызуе як «прамую, бескампамісную натуру. Такой у падполлі цяжка. Пакажы ёй ворага – будзе страляць, стаяць да апошняга, але хітраваць, выкручвацца не ўмее» [7, с. 113]. Пісьменнікі звяртаюцца да асэнсавання першых няўдалых спроб арганізацыі партызанскіх атрадаў, што больш паслядоўна прасочвае І. Навуменка. Знішчальны батальён, утвораны з першых дзён акупацыі, распушчаны галоўным чынам з-за таго, што ў ролі закладнікаў апынуліся сем'і. Як у хвіліну шчырасці прызнаецца Аўсянік, іх адпусцілі разгортваць у мястэчку падпольную работу, што немажліва было рабіць, паколькі за кожным крокам сачыла паліцыя: «Памылка была дапушчана ў самым пачатку. Чыя галава так звярнула – аставіць тут сем'і?.. Ты не баец, калі ведаеш, што сям'я ў пастцы...» [7, с. 319]. Аўтар выказвае сваю ацэнку праз адносіны Міці Птаха, які спачатку бачыць Аўсяніка звычайным прыстасаванцам, той прыйшоў з лесу, здаў вінтоўку, баяўся што-небудзь рабіць, а пазней разумее, што толькі герой можа ахвяраваць сваёй сям'ёй, Аўсянік жа звычайны чалавек, як і Міцеў бацька, для якога першым клопам быў клопат пра сям'ю. І. Навуменка такім чынам паказвае несапраўднасць рамантычнага, наіўна-спрошчанага ўяўлення пра барацьбу, па-мастацку палемізуе з афіцыйна прынятым разуменнем здрадраніцтва, выяўляе гуманістычнае бачанне асобы. Пісьменнікам зноў і зноў падкрэсліваецца, што лёс тых людзей, якія вымушаны былі падпарадкавацца абставінам, склаўся трагічна. Уваходзіць у мікраасроддзе рамана вобраз Сяргея Амельчанкі, які адцяняе духоўныя памкненні галоўнага героя. Сяргей, які вярнуўся са знішчальнага батальёна, сапраўды спрабуе наладзіць падпольную дзейнасць, за падазроныя паводзіны ён арыштаваны і расстраляны.

Як вядома, У. Карпаў высока ацэньваў раман «Сасна пры дарозе»: «Кранаюць яго чалавечыя інтанацыі, любоўнае стаўленне пісьменніка да людзей, шчырасць і задушэўнасць. Своеасаблівым адкрыццём для беларускай прозы з'яўляецца, скажам, вобраз Крамера. Многа добрага можна сказаць пра вобраз Міці» [8, с. 157], хоць герой і не праяўляе вялікай актыўнасці. Разам з тым крытык нагадвае пра тое, што раман у цэлым патрабуе вялікай, усеабдымнай праўды, а ў творы І. Навуменкі дамінуе найперш праўда лакальная. Як вядома, эстэтычным узорам у літаратуры, ідэалам, да якога павінен імкнуцца пісьменнік, па-ранейшаму заставаўся раман з эпічным ахопам падзей, што і абумоўліва некааторую прадурзятасць стаўлення да твораў, якія эпічнымі палотнымі не з'яўляліся. Пісьменнік звярнуўся да праблемна-тэматычнага аспекту, які з'яўляўся наватарскім у беларускай літаратуры таго часу і патрабаваў найперш асэнсавання з суб'ектыўнай пазіцыі індывідуальнага героя. Слушна гаворыць В.А. Каваленка, што «Міця Птах мабілізацыі не падляў і мог бы застацца ў баку ад барацьбы, спакойна перачакаць цяжкі час, і ніхто не меў бы права напракнуць яго за гэта. Тым не менш Міця, як і яго сябры-аднакласнікі, адчувае глыбока ўнутраную, асаблівую неабходнасць далучыцца да барацьбы з ворагам, бо ўжо ведае, адчувае, будучы ўжо духоўна падрыхтаваным, дзе, на чым баку праўда чалавецтва і высокія ідэалы гуманізму. Ён не прымае акупацыйныя парадкі па душэўнаму перакананню, кіруючыся выхаваным у школе і праз кнігі прынцыпам вернасці спрадвечным каштоўнасцям добра і справядлівасці. Гэта была значная ідэя, найбольш мэтанакіраваная і глыбока распрацаваная менавіта ў раманах І. Навуменкі» [1, с. 132]. Міця, як і яго сябры, што далучаюцца да складанай, небяспечнай барацьбы, не з'яўляюцца прафесійнымі падпольшчыкамі. Калі хлопцы распаўсюдзілі невялікую самаробную лістоўку, і быў арыштаваны настаўнік, які не меў дачынення да гэтай справы, то маладыя змагары адчуваюць сябе вінаватымі.

У айчынным літаратуразнаўстве шмат звярталася ўвагі на тое, што Міця і яго сябры выпрацоўваюць сваю ўласную стратэгію паводзін, якая б дазволіла не толькі выжываць, але і дзейнічаць у небяспечных умовах. І. Навуменка асэнсоўвае працэс вынаходніцтва неабходнай стратэгіі, разам з тым паказвае трагічныя і непрадказальныя здарэнні як звычайныя ў падпольнай дзейнасці. Узрываецца міна ў руках Міколы, Шура ўцякае ў партызаны, палюхаецца складаных абставінаў Базыль і, каб збегчы ад іх, добраахвотна едзе на працу ў Германію. У другім і трэцім раманах трылогіі прасочваецца, што Міця і яго сябры паступова прафесійна сталюць, асабліва калі працуюць з маскоўскай разведгрупай. Хлопцы падлічваюць тэхніку, якую правозяць праз чыгуначную станцыю, а праз нейкі час савецкія самалёты бамбяць Гомель. Адзін з самалётаў скідае бомбу побач з хатай Васіля Шарамета, і аўтар выказвае думку, што вось так «бывае на вайне – Міця, Васіль, памагатыя невядомага лётчыка, маглі ад яго бомбы

загінуць» [9, с. 140]. Набыты вопыт дазваляе выбраць найбольш аптымальную стратэгію дзеянняў, пра што сведчыць выпадак з арыштам Грымака. Зразумеўшы, што адбылася правакацыя, Міця дзейнічае абдуманна і арганізавана: «План у Міці такі. Немцы хопяцца, хто-небудзь з паліцэйскіх ім лістоўку прынясе. Запіскі, адрасаваныя Гвазду і Зыскевічу-Будзілоўскаму, трэба проста падкінуць немцам. <...> Разлік просты. Калі Адамчук пасылае запіску Гвазду, то шпik не такі чысты. Яго данос на Міцю можна ўспрыняць як паклёп» [9, с. 238]. Такім чынам, лінія паводзін галоўнага героя першага рамана лагічна развіваецца ў наступных творах трылогіі, дзе Міця выступае толькі адным з персанажаў.

«У другой і трэцяй частцы трылогіі пісьменнік прасочвае нарастанне руху супраціўлення, зліццё падпольнай і партызанскай барацьбы. Мастацкае даследаванне адбываецца праз асабістыя лёсы персанажаў, не толькі юнакоў, але і дарослых, сталых людзей» [5, с. 699]. Аўтар адлюстроўвае значны шэраг падзей і пры гэтым звяртаецца да мастацкай рэканструкцыі адметнага ўнутранага свету многіх сваіх герояў. У раманах «Вечер у соснах» і «Сорак трэці» цяжка вылучыць галоўнага персанажа, навелістычны прынцып аповеду дазваляе стварыць псіхалагічны партрэт капітана Бондара, акружэнца, паспяховага арганізатара і партызанскага камандзіра, побач з ім паказаны Бальшакоў, Хмялеўскі, уцёкшы з-пад расстрэлу, дзейнічае ў лесе Шэлег, створаны каларытныя вобразы Батуры, Драгуна, Эрны Турбіной, якая выяўляе сябе паспяхова падпольшчыцай, сувязнога Тапаркова. Аўтар раскрывае партызанскае жыццё найперш праз успрыманне Шуры Гарнака, які ўдзельнічае ў сур'ёзнай аперацыі – падрыў моста на Пічы, што мае важнае значэнне для дапамогі Сталінграду: «Пачуцці ў Шуры абвостраны. Да шэрай аграмадзіны моста падбіраецца цэлая лясная армія, нябачная, нечуваная раней. Мост як бы арганізаваў яе, прыцягвае да сябе. <...> Падхоплены шматгалосай пругкай хваляй, Шура бег да насыпу, крычучы, страляючы, як і ўсе. Супраціўлення немцы або не аказвалі, або яно было вельмі слабым, бо, калі ён, задыханы, ускочыў на насып, станцыя, мост, былі ў партызанскіх руках» [10, с. 233]. Пісьменнік раскрывае значную для партызан падзею праз суб'ектыўнае ўспрыманне нядаўняга школьніка, выкарыстоўвае прыём «плыні свядомасці», які рэпрэзентуе не столькі знешнюю падзейнасць, колькі ўнутранае жыццё героя, што ўласціва лірычнай прозе. На ідэйна-мастацкім узроўні лірызм рамана выяўляецца праз алегарычны малюнак сасновага бору, бо ў цякае надвор'е няма больш спакойнага лесу, але пры непагодзе нібы ўздыхае сама зямля, «вечер у соснах нагадвае чымсьці хваляванае мора» [10, с. 194].

І. Навуменка па-мастацку даследуе прыроду гераічнага, пры гэтым рашуча адмаўляе героіку дзеяння як норму паводзін чалавека ў надзвычайных умовах. Пісьменнік паказвае, што на мосце Шура мог недарэчна загінуць, пазней герой даведваецца, што славакаў, якія перайшлі на бок партызан, «ледзьве не перастралялі». У рамане як эпізодычны паказаны момант гібелі дэсантнай групы, пасланай з-за лініі фронту і высачанай паліцаямі. Думаецца, трапна выказаўся пра такога роду мастацкія дэталі В.А. Каваленка, які падкрэсліваў, што «ўся беларуская проза на тэму Вялікай Айчыннай вайны вызначаецца схільнасцю да філасофіі нібыта нязначнага факта, у якім хаваецца на самай справе шмат сацыяльнага сэнсу, важнага для характарыстыкі і паказу народнай барацьбы» [1, с. 114], хочацца дадаць, барацьбы ў цэлым, у якой трагічная выпадковасць магла лёгка здарыцца і з прафесійнымі вайскоўцамі. Уплыў эстэтычнай традыцыі беларускага рамана першага пасляваеннага дзесяцігоддзя выявіўся ў тым, што аўтар відавочна ўзвышае асобу Бондара, надзяляе камандзіра выключна станоўчымі як чалавечымі, так і прафесійнымі якасцямі. Пры гэтым пісьменнік па-наватарску раскрывае праз унутраны маналог лірычнае самаадчуванне героя: «Іншы раз здаецца, што ў яго жыцці не было лепшага часу, чым мінулае зіма, шэрае сутонне вечароў, кожны з якіх быў запоўнены сустрэчамі, шчымліва-радаснымі навінамі аб тым, што ўсё болей людзей прылучаюцца да іх, перабольшанымі, часта фантастычнымі чуткамі аб перамогах на фронце.

Там, у Гарбылях, прыйшла ўпэўненасць, што немцаў можна біць, што глеба для гэтага – хваля незадаволенасці, якая дзень за днём расце, пашыраецца. Немцаў пабачылі на ўласных вочы, зблізку і нічога асаблівага не ўбачылі...» [10, с. 158]. Значным творчым дасягненнем І. Навуменкі стала тое, што пісьменнік адмаўляецца ад карыкатурна-шаржыраванага паказу вобразаў ворагаў, раскрывае іх псіхалагічна пераканаўча. Напрыклад, штурмфюрэр Вілі Сташынскі, які займае ў эсэсаўскім палку пасаду «культурніка-арганізатара», не верыць у гістарычную місію Германіі, не адмаўляе, што і ў ім ёсць славянская кроў, асабіста «не мае злосці на палякаў, сербаў, рускіх, якіх дывізія за паўтара года знішчыла незлічонае мноства» [9, с. 190]. Герой імкнецца знайсці ціхі востраў «у суцэльным акіяне крыві і шаленства», любіць піць малако, філасофствуе, прыходзіць да думкі, што ва ўсе эпохі моцны перамагаў і знішчаў слабага. Па загадзе, якому зусім не рады, Вілі прымае ўдзел у карнай аперацыі, у момант небяспекі моліць Бога пра літасць і справядлівасць, шчыра прызнаецца, што чужой смерці не хацеў, ніколі не страляў. Аўтар паслядоўна прасочвае, які прысуд будзе вынесены герою: «Вілі выбіраецца з канавы. Ён цяпер зусім спакойны і, разумеючы, што настала апошняя хвіліна яго жыцця, адчувае няёмкасць за тое, што брудны, запэцканы ў грязь, зусім не падобны на салдата.

– Быў там? – хлопец паказвае рукой на сяло, ад якога яшчэ падымаюцца слупы шызага дыму.

Вілі ківае галавой» [9, с. 201]. Такім чынам пісьменнік вывучае ўнутраны свет асобы і звяртаецца да маральна-этычнага абгрунтавання партызанскай барацьбы. Гэта наватарская рыса ў параўнанні з раманам першага пасляваеннага дзесяцігоддзя, дзе забойства ворага нязменна асэнсоўвалася як варты ўхвалы подзвіг.

У маральна-этычным рэчышчы распрацоўваецца ваенная тэма і ў дылогіі раманаў Алеся Адамовіча «Вайна пад стрэхамі» (1960), «Сыны ідуць у бой» (1963), якая шмат у чым стала наватарскай для беларускай прозы таго часу. У раманах раскрываецца ваенная рэчаіснасць на акупаванай тэрыторыі, падпольная і партызанская барацьба праз прызму ўспрымання і асэнсавання аднаго героя, суб'ектыўнае пісьмо выступае дамінантным мастацкім прынцыпам, у якім спалучаны біяграфізм і псіхалагізм, аўтарская рэканструкцыя грамадскай атмасферы часу. Як справядліва зазначае В.А. Каваленка, «у некаторых творах на партызанскую тэму і да з'яўлення рамана А. Адамовіча раскрывалася псіхалогія радавога байца. Заслуга аўтара дылогіі «Партызаны» ў тым, што ён пайшоў далей, развіўшы гэтую заваёву папярэдняй літаратуры. У яго ўся партызанская барацьба паказана праз успрыняцце радавога яе ўдзельніка – падлетка Толі. І калі раней радавы баец быў толькі аб'ектам паказу, то ў А. Адамовіча герой сам ацэньвае навакольнае жыццё. Раней нідзе не паказвалася, каб радавы партызан з дыстанцыі часу абмяркоўваў дзеянні камандзіра. Камандзіры выступаюць у арэале непагрэшнасці і велічы. Герой жа А. Адамовіча маральна кантралюе не толькі сябе, але і іншых людзей, камандзіраў таксама» [11, с. 36]. Пісьменнік этанакіравана выкарыстоўвае псіхалагічнае пісьмо, асацятывыя сувязі, выяўляе адметнасць часу: «І если бы в это время, когда звучал тревожно-торжественный голос диктора, кто-либо сказал бригадному завкомовцу Пуговицыну, солидно застывшему у приёмника, что через два месяца он добровольно станет полицаем, он искренне оскорбился бы. Пожалуй, не поверили бы в такое же превращение и братья Леоновичи, тощие и хохлатые, как удода, сидящие рядышком на крыльце радиоузла» [12, с. 16].

Аўтар надзвычай уважлівы да працэсу духоўнага сталення свайго галоўнага героя, якое адбываецца паскорана з-за надзвычайных умоў, і тым больш выразна выяўляецца высакароднае і подлае, прыгожае і агіднае, добрае і злое ў навакольным свеце, убачаным вачамі падлетка. У рамана «Вайна пад стрэхамі» раскрываецца рамантычна-ўзнёслае захапленне партызанамі, у прыватнасці, трыма «Толікамі»: «Сами того не сознавая, парни эти, так беззаботно живущие на виду у немецкой армии, обнаруживали и демонстрировали людям слабину врага. Ведь на глазах у жителей гибли организованные воинские части, многим могло казаться: до тебя, только пошевелись, немцы дотянутся мигом. А тут открыто расхаживают трое вооруженных красноармейцев и, похоже, не чувствуют себя обреченными. <...> “Толіки”, видно, и не подозревают, что их четверо, что их всегда сопровождает скромный, но смелый парень – тоже Толік» [12, с. 71]. Увасабленне героя ў ваеннай прозе, як падкрэслівае П.К. Дзюбайла, не пазбаўлена пэўнай эстэтычнай тэндэнцыі: мастакі слова, паказваючы прадстаўнікоў старэйшага пакалення, найчасцей раскрываюць характар статычным, нязменным у складаных ваенных абставінах, тады як маладыя людзі развіваюцца, фарміруюць светапогляд і жыццёвае крэда [13]. А. Адамовіч прасочвае не толькі эвалюцыю характару, пісьменнік выяўляе кантрастыўныя рысы, якія ўсведамляе найперш сам галоўны герой, параўноўваючы сябе ранейшага і сябе партызана, які ўжо набыў уласны вопыт. Так, у рамана «Сыны ідуць у бой» Толя здзіўляецца, як гэта ён мог раней спакойна спаць ноччу, а днём ненавідзец немцаў, партызан жа заўсёды некуды ідзе, а ноччу «пост. Это теперь такое же обычное и обязательное занятие, как спать или есть. И совсем не странное. Неужели было или будет время, когда жизнь (свою и друзей) не надо будет стеречь, как стережет недоверчивая баба на вокзале свои узлы? Лег спать и спи, зная, что завтра проснешься» [12, с. 492].

У рамана аб Вялікай Айчыннай вайне, як пераканаўча сцвярджае П.К. Дзюбайла, магістаральную сюжэтную лінію вызначае канфлікт у рэчышчы ваенна-гістарычнай калізій. Неад'емнай якасцю быў і застаецца патрыятычны пафас, а гераізацыя вобразаў выступае неабходным элементам ваеннай прозы. Цікава, што Іван Навуменка вызначае асноўны канфлікт рамана «Вайна пад стрэхамі» як «духоўны паядынак Ганны Міхайлаўны, маці немалой сям'і, яе “карміцелькі” і галавы, з ворагамі, фашыстамі, з аднаго боку, і такімі нікчэмнымі прыстасаванцамі, як Казік Жыгоцкі, – з другога» [14, с. 195]. Як сцвярджае далей пісьменнік і даследчык, вобраз маці ў рамана самы абаяльны, жыццёва пераканаўчы, а лінія паводзін гераіні драматычная, псіхалагічна апраўданая. Думаецца, гэты вобраз не толькі ўваходзіць у мікраасяроддзе рамана, у значнай меры раскрывае духоўны свет галоўнага героя, але і выяўляе матывацыю яго ўчынкаў, выступае выключна значным для аўтарскай ідэі. Упершыню ў беларускай літаратуры паказаны не толькі гераічны характар, трагізм і веліч барацьбы, калі зыходзіць толькі з гэтых мастацкіх характарыстак, твор нельга было б адносіць да ваеннай прозы. Пісьменнікам найперш даследуюцца першапрычыны, маральна-этычныя вытокі, што падштурхнулі да складанай і небяспечнай справы Толеву маці – Ганну Міхайлаўну Корзун, для якой найпершым быў клопат пра сям'ю. Больш таго, гераіня, якую нельга назваць прафесійнай падпольшчыцай, «навязвае ворагам сваю стратэгію. Яна ведае, колькі выпадковасцей чакае яе, і з усяе сілы намагаецца трымаць у руках пачаткі і канцы ўсяго, што

адбываецца, улічыць свае магчымасці і вераломства немцаў, дурноту паліцаяў і выкшталцаваную хітрасць Казіка Жыгоцкага, які прыкідваецца сваім, днюе і начуе ў доме Корзунаў, спалучыць усё і ўсіх у сваім розуме» [15, с. 276].

Алесь Адамовіч выразна акрэслівае раманную сітуацыю, супрацьпастаўляе героя і антыгероя. Апошнім выступае не толькі Казік Жыгоцкі, намеры і памкненні якога адцяняюць учынкi Корзунаў, кантрастуюць з той шчырасцю і адданасцю справе, якой жыве Толя і яго маці. Не меней удалы і важны ў ідэйна-мастацкіх адносінах вобраз Мохара, пра гэтага персанажа трапна зазначалася, што «Мохар не ўмее і не хоча зразумець асобу чалавека, а таму і не паважае яе. <...> Мохар расстрэльвае Бакеншчыкава, даведаўшыся, што той некалі быў аб'яўлены “ворагам народа”, не прымаючы пад увагу яго баявыя заслугі ў партызанах. Мохар не хоча асэнсоўваць гэты нечаканы для яго лёс чалавека, бо гэты лёс не ўкладваецца ў ягоны надзвычай спрошчаны расклад людскіх паводзін. І аб'ектыўна Мохар становіцца ворагам той справы, за якую змагаўся народ» [11, с. 41]. Маральнае сталенне галоўнага героя патрабуе развянчання рамантычнага вобраза партызана, Толя прыходзіць да важнай высновы пра тое, што партызаны – гэта звычайныя людзі, а галоўныя чалавечыя якасці ва ўмовах партызанскай вайны – падзяліць небяспеку з тым, хто побач, не пакінуць у бядзе. Мохар становіцца маральна-этычным апанентам Ганны Міхайлаўны, бо не вытрымлівае галоўнай праверкі, абавязковай для кожнага партызана: у момант небяспекі кідае іншага, якім аказаўся Толя, а пасля патрабуе для яго расстрэлу. Невыпадкова, што гэта чалавек, які прагне ўлады над іншымі, які нагадвае камандзірам, што не з'яўляецца іх падначаленым, што іх саміх трэба правесці.

Нельга не пагадзіцца з тым, што паміж такімі героямі, як Міця Птах і Толя Корзун, шмат агульнага. Пісьменнікі стварылі пераканаўчыя, шмат у чым біяграфічныя партрэты маладых людзей, адлюстравалі працэс іх духоўнага росту ў надзвычайных ваенных умовах. І. Навуменка напрыканцы раманнай серыі паказвае свайго героя духоўна сталым, які здолеў вытрымаць няпросты шлях да сваёй даросласці, стаць у нейкай меры роўным героям сярэдняга веку. У сваю чаргу А. Адамовіч напрыканцы дылогіі паказвае Толю, які нечым нагадвае сябе даваеннага. Разгублены з-за таго, што не ўзялі ў войска, ён вагаецца, не ведае, што рабіць, урэшце згаджаецца ісці праз лінію фронту, найперш дзеля таго, каб вярнуцца да маці. Безумоўна, як партызан Толя змагаўся на роўных з дарослымі, але матывацыя яго апошняга ўчынку выяўляе ў ім падлетка.

Такім чынам, калі А. Асіпенка паказвае маладога героя ў шэрагу іншых персанажаў і пры гэтым не выяўляе яго ўзраставай адметнасці, то І. Навуменка і А. Адамовіч адлюстроўваюць ваенную рэчаіснасць праз яе ўспрыманне маладой асобай, аўтары таксама звярнуліся да суб'ектыўнага пісьма, выявілі ўласныя адносіны да мінулага з адлегласці часу. Вопыт Алесь Адамовіч, Івана Навуменкі паказаў, што аднагеройны раман патрабуе акрэсленай раманнай сітуацыі, выразна выяўленага канфлікту, што асабліва паслядоўна адлюстравана ў дылогіі «Партызаны». У цэлым мастацкія слова ілюструюць наватарскую эстэтычную тэндэнцыю да пашырэння тэматыкі, ускладнення праблематыкі, раскрываюць ваенную тэму ў маральна-этычных каардынатах, што ўжо не адпавядае традыцыйнаму азначэнню ваеннага рамана. Пісьменнікі актыўна прыўносілі ў літаратуру мастацкі псіхалагізм, які выступае дамінантным эстэтычным прынцыпам у аднагеройным лірычным рамане, выдатны прыклад якога прадстаўлены ў творчасці Янкі Брыля.

Як характарызуе літаратурную атмасферу падчас напісання твора Янкі Брыля «Птушкі і гнёзды» У.А. Калеснік, тады заходнебеларуская і нават ваенная тэма паступова гублялі сваю ідэалагічную актуальнасць. Працэс «адроджэння ленінскіх норм і традыцый на літаратурнай арэне пачаўся з развенчвання тэорыі бесканфліктнасці, потым – ілюстрацыйнасці, а ўрэшце на месцы абсцэяных панацэяў вылез новы атожылак – фетыш сучаснасці» [16, с. 197]. Літаратурная сітуацыя ўскладнялася шматлікімі дыскусіямі, у прыватнасці, прыхільнікаў «лірычнай» прозы з так званымі «традыцыяналістамі». Як слушна акрэсліваў сутнасць дыскусіі П.К. Дзюбайла, «прыхільнікі “лірычнай” прозы часам забываюцца, што размова ідзе аб элементах лірычнага ў праявічым творы, па сутнасці аб новых суадносінах, новым сінтэзе эпічнага, лірычнага і драматычнага (творы О. Бергольц, К. Паустоўскага, У. Салаўхіна, Ю. Смуула, Я. Брыля і некаторых іншых праявікаў). Самае важнае – даследаваць, чым выклікана “лірызацыя” прозы (новая грамадская і творчая атмасфера, узмацненне актыўнасці асобы пісьменніка і героя, іх паглыбленае адчуванне рэчаіснасці і г.д.), у чым яе мастацкая спецыфіка (своасаблівы характар рытмікі, згушчэнне вобразнага сэнсу, незвычайная канцэнтрацыя паэтычнага зместу і суб'ектыўнага настрою і г.д.), наколькі гэты працэс з'яўляецца плённым» [17, с. 81]. У рэчышчы лірычнай прозы паступова вылучаецца так званы «суб'ектыўны» раман, які раскрывае не столькі падзейны сюжэтны рух, колькі псіхалагічнае напаўненне вобразаў. Як справядліва зазначае А.П. Матрунёнак, у беларускай літаратуры і ў 30-я гады, і ў пасляваеннае дзесяцігоддзе было мала твораў, якія б даследавалі псіхалогію характараў праз рэфлексію і самааналіз [18]. Такого тыпу раманы працягвае даследчык, толькі ў 60-х гадах зноў афармляецца ў самастойную плынь, ля вытокаў якой – аповесці Янкі Брыля, што знайшлі свой працяг і лагічнае завяршэнне ў рамане «Птушкі і гнёзды» (1964).

Пра лірычную прозу і прыроду таленту слухна разважае В.Б. Нікіфарава, у прыватнасці, даследчыца аргументавана даводзіць, што «лірычны талент» пісьменніка перш за ўсё выяўляе сябе ў адпаведным ладзе мыслення – у лірычнай канцэпцыі чалавека і свету, якая раўнапраўная з эпічнай і не павінна ёй іерархічна падпарадкоўвацца. Лірычная канцэпцыя прадвызначае спецыфіку інтэрпрэтацыі рэчаіснасці ў творы і ўплывае не толькі на стыль, але і на жанр [19].

Гэты твор пісьменніка некаторыя даследчыкі называюць кнігай, ідучы ўслед за аўтарскім азначэннем «кніга адной маладосці», некаторыя называюць раманам, але з пэўнымі ўмоўнасцямі: аўтарскі вымысел абмежаваны, «апавяданне ідзе па гатоваму рэчышчу, таму і “раманічнасць” яго слабая» [20, с. 110]. Як вядома, факты з біяграфіі аўтара вызначаюць асноўны напрамак мастацкага дзеяння, «але “Птушкі і гнёзды” і не дакументальны твор, таму параўноўваць яго з мемуарамі таксама нельга. Па жанру гэта нешта сярэдняе паміж мемуарамі і раманам» [20, с. 110], сцвярджае В.А. Каваленка. У айчынным літаратуразнаўстве найчасцей «Птушкі і гнёзды» разглядаюць як раман, у прыватнасці, антыфашысцкі, які «змясціў у сабе да таго часу невядомы ні беларускай, ні савецкай літаратуры ўвогуле жыццёва-гістарычны матэрыял – фашызм і немцы да нападу на Савецкі Саюз, жыццё фашысцкай Германіі 1939–1941 гадоў, убачанае вачыма маладога палоннага-беларуса і асэнсаванае праз шмат год сталым савецкім пісьменнікам. Менш пісалі пра “Птушкі і гнёзды” як раман выпрабаванняў і выхавання» [21, с. 223–224], даводзіць Ю.М. Канэ, якая аналізуе твор менавіта як раман выпрабаванняў і выхавання, прасочваючы рух ад маленства да даросласці галоўнага героя, ад самаадчування да самасвядомасці чалавека-грамадзяніна. Адназначнае жанравае вызначэнне ўскладняе і тое, што для напісання твора аўтарам былі выкарыстаны аповесці 1942–1944 гадоў «Сонца праз хмары», «Жывое і гніль».

Такім чынам, нельга не пагадзіцца, што «Птушкі і гнёзды» – гэта «рэч шматпланавая, багатая на падзеі і на змену месца падзей, яна ўбірае ў сябе і рэтраспекцыю, і ўстаўныя эпізоды, але яе дзеянне, дый твор увогуле, вельмі мэтанакіраваныя» [21, с. 227], пры гэтым лірычнае самавыяўленне характару застаецца эстэтычна дамінантным, паколькі жыццёвы і духоўны вопыт героя надзвычай блізка аўтару. Як слухна сцвярджае П.К. Дзюбайла, аўтару «няцяжка пераўвасабляцца, час ад часу станавіцца на месца свайго героя або рабіць яго сваім павераным у ацэнцы іншых герояў, падзей, у выказванні сваіх поглядаў на сутнасць жыцця, гістарычнага працэсу» [17, с. 86]. Сказанае вышэй дазваляе вызначыць «Птушкі і гнёзды» як аднагеройны лірычны раман, што адметны ў шэрагу шматгеройных мастацкіх палотнаў, арыентаваных на эпічнае адлюстраванне рэчаіснасці, якія і з’яўляліся агульнапрынятым эстэтычным узорам рамана таго часу.

Як справядліва пагаджаюцца даследчыкі літаратуры, у рамане Брыля не ўзнікае праблемы выбару галоўнага героя, паколькі пісьменнік «грунтоўна і ўсебакова распрацоўвае толькі характар Руневіча. Усе астатнія героі: бацька, маці, браты, сястра, камуніст Крушына, камсамалец Мазалёк, батрак Бутрым і мноства іншых сяброў, знаёмых, таварышаў па палону, землякоў, не кажучы пра шматлікіх вахманаў, баўраў, нямецкіх рабочых, з якімі Руневіч сутыкаецца ў час палону, уцёкаў на радзіму і свайго партызанства, – гэта персанажы другога і трэцяга планаў» [18, с. 104]. Нельга аспрэчыць і таго, што галоўны герой знаходзіцца не толькі ў цэнтры сюжэта, але і ў цэнтры мастацкага свету твора, праз яго раскрываюцца асноўныя канфлікты, выяўляецца праблематыка рамана [21].

Як вядома, твор у цэлым быў прыхільна сустрэты крытыкай, але многія даследчыкі ацэньвалі мастацкія вартасці рамана, зыходзячы з патрабаванняў эстэтыкі і паэтыкі рамана, які скіраваны на эпічнае адлюстраванне рэчаіснасці. Так, у прыватнасці, Уладзімір Карпаў зазначае: «Наўрад ці каго не задаволіць там большасць сагрэтых сэрцам і па-майстэрску выпісаных эпизодаў, калі браць іх самі па сабе. Асабліва тых, дзе Я. Брыль проста і хораша раскажае пра свайго героя і навакольнае. Гэтыя эпизоды яркія, з падтэкстам, поўныя на тую хвіліну шчырага жадання сказаць сваю праўду аб перажытым і бачаным. А агульная карціна? А гістарычная канцэпцыя рамана? А логіка і выбар падзей? А месца героя ў іх? А суадносіны паміж галоўным і другародным? Не, там дзе пачынаюцца найбольш важныя для раманиста праблемы, вопыт навеліста мала памог Брылю» [8, с. 157–158]. Не задавальняе крытыка і ўва-собленая пісьменнікам гістарычная канцэпцыя, якая падаецца занадта суб’ектыўнай і ў паказе вытокаў фашызму, супраціўлення ваеннапалонных і ў адлюстраванні партызанскай барацьбы. Да ацэнкі лірычнага рамана, першага ў пасляваеннай беларускай літаратуры, у якой пэўны час не працягвалася чорнаўская традыцыя псіхалагічнага раскрыцця героя, падыходзілі з пазіцыі шматгеройнага твора. Напрыклад, У.М. Юрэвіч зазначае, што «залішняя замілаванасць аўтара сваім героем, якую даволі часта адчуваеш на старонках рамана, ставіць у няроўнае становішча па яскравасці адлюстравання іншыя персанажы, у прыватнасці тыя, з кім Алесь сябруе, хто з ім жыве побач» [22, с. 58]. Крытык называе Я. Брыля пісьменнікам ярка выяўленага лірычнага складу і папракае, што залішняя ўвага да маральнага абгрунтавання кожнага кроку героя не заўсёды натуральна спалучаецца з жыццёва праўдзівым адлюстраваннем яго ўчынкаў.

Высока ацэньваючы паглыблены псіхалагізм рамана, А.П. Матрунёнак, тым не менш, звяртае ўвагу, што пісьменнік далёка не паслядоўны ў выяўленні «патоку свядомасці», уласцівага

«суб’ектыўнай» прозе. У прыватнасці, унутраны маналог галоўнага героя найчасцей пазбаўлены асацыятыўнага руху думак, фрагментарнасці, лагічнай непаслядоўнасці і г.д., а вызначаецца, наадварот, лагічнасцю, паслядоўнасцю, выразнасцю. Слушна вытлумачвае гэты дыскусійны момант У.А. Калеснік, які сцвярджае, што «Я. Брыль адчуваў сябе пасланцом ідэі – такое звычайна бывае з мастакамі народнага адраджэння – і займаў пазіцыю падзвіжніцкую, місіянерскую, асветніцкую, таму патрабаваць ад яго чыстага псіхааналітызму з вытрыманым узроўнем бражэння свядомасці – значыць патрабаваць чужога» [16, с. 207]. Станоўчы герой пісьменніка, працягвае даследчык, – чалавек, унутранай патрэбай якога выступае размова, дыскусія, пошук ісціны, навучанне праўдзе і справядлівасці.

У айчынным літаратуразнаўстве паступова карэктавалася ацэнка галоўнага героя рамана «Птушкі і гнёзды». Першапачаткова да героя лірычнага рамана крытыкі ставіліся зыходзячы з нормаў рамана падзейнага, у выніку чаго і аўтара, і яго героя папракалі ў бяздзейнасці, імкнуліся апраўдаць тым, што Алесь Руневіч вяртаецца на Радзіму менавіта дзеля барацьбы і змагання. У сучасным літаратуразнаўстве справядліва звяртаецца ўвага на паглыблены філасофскі змест твора, характар галоўнага героя разглядаецца як адметны нацыянальны тып: «Ды і сам Руневіч вылучаецца сярод іншых высакародствам і самастойнасцю, непрымманнем усяго, што прыніжае чалавечую годнасць» [15, с. 264]. Падкрэсліваецца, што прыроджанае пачуццё гумару высвечвае ў ім самае чалавечнае, светлае, прыгожае. Трэба сказаць, што дадзеная характарыстыка арганічна вынікае з жанравай спецыфікі лірычнага рамана.

Не будзе перабольшваннем сцвярджаць, што ў творы «Птушкі і гнёзды» адметная раманная сітуацыя. Безумоўна, значная ўвага аўтара аддадзена галоўнаму герою, раскрываецца яго ўнутраны свет, прасочваецца асобны рост, варта зазначыць, што пісьменнік, увасабляючы характар, не адмаўляецца і ад тыпізацыі. Разам з тым увагу аўтара прыцягвае і шырокае грамадскае асяроддзе, грамадская атмасфера таго часу, якая падаецца праз успрыманне Алеся Руневіча, і з-за гэтага не губляе, а ўзмацняе сваю мастацкую значнасць. Думаецца, паказальным выступае эпізод, калі «чыбаты, даволі-такі сімпатычны з твару» Курт, гаворыць Алексу, што хоча навучыцца стрыгчы, і таму абстрыжэ яго, бо «ты ж гефангенэр, табе гэта ўсё роўна». Як паведамляе пісьменнік напачатку, «ідэі нацыскай звышчалавечнасці ўбіваліся ва ўсе мазгі да металічнай нудоты настойліва. І вынікі былі» [23, с. 85], што здараецца неўзабаве пасля падпісання трагічнага для Францыі перамір’я. Мастацкая ўвага пісьменніка пераносіцца на вобраз Курта, які выразна кантрастуе з галоўным героем. Так, «дух часу загаварыў у Курце больш энергічна», калі ён як мог сурова загадаў палоннаму пачысціць боты. Тады «на Курце былі ўжо не тэніска і нармальныя штаны, а форма гітлерюгенда. Не поўная, праўда, без шапкі і ботаў, але ж галоўным – са свастыкай на павязцы» [23, с. 86]. Невыпадкова Руневіч успамінае афіцэра-эсэсаўца на турэмным двары, які быў мала старэйшы за Курта, і задае сам сабе рытарычнае пытанне, якое гучыць маральным прысудам: ці тузаў бы Курт палоннага за акрываўлены бінт, ці толькі б яшчэ смяяўся. Эпізод сэнсава паглыбляецца са з’яўленнем «поўнай, мілавіднай мутэр», якая не можа зразумець, чаму Алекс не паслухаў Курта. Асабліва пачварным бачыцца ўплыў фашысцкай ідэалогіі на Оскара і Крыстэль, хоць знаходзіць паразуменне з дзецьмі «ўсё-такі было лягчэй». Выяўляе грамадскую атмасферу першы эпізод з «Гнёздаў за дымам», у якім не прымае ўдзел галоўны герой, але сэнсава паказальна раскрыты вобразы Ота і Анны Шмітке. Іх дачку Марыхен забралі з бацькоўскага дому на працу, і гэта абурае Ота: «Спачатку Вальгара забралі, цяпер мяне. Марыхен так добра памагала табе. Ды гэта, бачыш, нічога, <...> бо я – не нацы, і дзяўчынка мая – не!..» [23, с. 165]. Пісьменнік паказвае індывідуальныя характары, якія не пазбаўлены тыповых рыс прадстаўнікоў розных сацыяльных груп таго часу.

Заклучэнне. Янка Брыль стварыў аднагеройны раман з узмоцненым лірычным пачаткам, які кантраставаў з характэрнымі для таго літаратурнага перыяду падзейнымі шматгеройнымі раманами, выяўляў непаўторнасць аўтарскай манеры. Пісьменнік увасобіў унікальны характар галоўнага героя, пры гэтым не адмовіўся ад асэнсавання грамадскай атмасферы часу, звярнуўся да мастацкай рэпрэзентацыі яе паказальных рысаў. Адметнасць рамана «Птушкі і гнёзды» заключаецца ў сінтэзе мастацкага біяграфізму і мастацкага псіхалагізму, паказальнага для развіцця беларускай лірычнай прозы.

Раманы «Вогненны азімут» Алеся Асіпенкі, «Вецер у соснах», «Сорак трэці» Івана Навуменкі шматгеройныя, у іх найперш адлюстроўваюцца ваенныя падзеі, раманы «Сасна пры дарозе» Івана Навуменкі, «Вайна пад стрэхамі», «Сыны ідуць у бой» Алеся Адамовіча ўжо варта акрэсліць як аднагеройныя, скіраваныя на паказ індывідуальнага бачання рэчаіснасці, псіхалагічнае раскрыццё асобы. Раманная сітуацыя шматгеройнага або аднагеройнага мастацкага палатна абумоўлівае спецыфічную суб’ектную будову: у аднагеройным рамানে за асобай галоўнага героя выступае аўтар, у шматгеройным рамানে аўтар аддалены ад сваіх персанажаў некаторай дыстанцыяй. У аднагеройным рамানে, які прадстаўлены ў творчасці Івана Навуменкі, Алеся Адамовіча, Янкі Брыля, раскрываецца складаны працэс духоўнага развіцця асобы, яе сталення і выхавання, а праз гэта выяўляецца філасофскае разуменне чалавека і свету. Вопыт

стварэння аднагеройнага рамана ў беларускай літаратуры спрыяў замацаванню новага эстэтычнага ўзору, які аказаўся плённым у айчынай раманістыцы.

ЛІТАРАТУРА

1. Каваленка, В.А. Покліч жыцця : літаратурная крытыка / В.А. Каваленка. – Мінск : Маст. літ., 1987. – 230 с.
2. Марук, А. Алесь Асіпенка / А. Марук // Польша. – 2006. – № 10. – С. 164–166.
3. Пашкевич, Н. По азимуту долга и совести / Н. Пашкевич // Нёман. – 1979. – №9. – С. 161–165.
4. Асіпенка, А. Вогенны азимут / А. Асіпенка. – Мінск : Беларусь, 1966. – 408 с.
5. Васючэнка, П.В. Иван Навуменка / П.В. Васючэнка // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; навук. рэд. У.В. Гніламедаў, В.П. Жураўлёў. – Мінск, Беларус. навука, 2001. – Т. 3. – С. 689–713.
6. Сіненка, Г.Дз. Иван Навуменка : нарыс творчасці / Г.Дз. Сіненка. – Мінск : Маст. літ., 1981. – 207 с.
7. Навуменка, І. Сасна пры дарозе / І. Навуменка. – Мінск : Юнацтва, 1991. – 333 с.
8. Карпаў, У. Позірк назад. Думкі аб прозе і крытыцы / У. Карпаў // Польша. – 1966. – № 3. – С. 146–161.
9. Навуменка, І. Сорак трэці / І. Навуменка. – Мінск : Маст. літ., 1976. – 376 с.
10. Навуменка, І. Вецер у соснах / І. Навуменка. – Мінск : Юнацтва, 1993. – 319 с.
11. Каваленка, В. Партызаны – людзі звычайныя / В. Каваленка // Веліч праўды : выбранае. – Мінск, 1989. – С. 31–49.
12. Адамовіч, А. Партизаны : роман-диалогія / А. Адамовіч. – М. : ДОСААФ, 1987. – 590 с.
13. Дзюбайла, П.К. Беларускі раман аб Вялікай Айчынай вайне / П.К. Дзюбайла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1964. – 159 с.
14. Навуменка, І. Вайна пад роднымі стрэхамі / І. Навуменка // Кніга адкрывае свет : літаратурна-крытычныя артыкулы. – Мінск, 1978. – С. 192–199.
15. Тычына, М.А. Народ і вайна / М.А. Тычына. – Мінск : Беларус. навука, 2015. – 433 с.
16. Калеснік, У.А. Янка Брыль : нарыс жыцця і творчасці / У.А. Калеснік. – Мінск : Нар. асвета, 1990. – 256 с.
17. Дзюбайла, П.К. Шматграннасць літаратуры і аднабаковасць крытыкі / П.К. Дзюбайла // У вялікай дарозе : літаратурна-крытычныя артыкулы. – Мінск, 1981. – С. 78–87.
18. Матрунёнак, А.П. Псіхалагічны аналіз у сучасным беларускім рамане / А.П. Матрунёнак. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 224 с.
19. Нікіфарова, В.Б. Раман Янкі Брыля «Птушкі і гнёзды» ў жанрава-стыльвай сістэме беларускага рамана 60-х гг. XX стагоддзя : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.01 / В.Б. Нікіфарова ; НАН Беларусі, Ордэна Дружбы народаў Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы. – Мінск, 1998. – 20 с.
20. Каваленка, В. Абавязак перад часам / В. Каваленка // На высокай хвалі : літаратурна-крытычныя артыкулы / пад рэд. Д.Я. Бугаёва [і інш.]. – Мінск, 1968. – С. 87–117.
21. Канэ, Ю.М. Як паветра і хлеб : жыццёвы і творчы шлях Янкі Брыля / Ю.М. Канэ. – Мінск : Маст. літ., 1988. – 320 с.
22. Юрэвіч, У.М. Шматгалоссе жыцця : літаратурная крытыка / У.М. Юрэвіч. – Мінск : Беларусь, 1965. – 164 с.
23. Брыль, Я. Птушкі і гнёзды : кніга адной маладосці : раман / Я. Брыль. – Мінск : Маст. літ., 1989. – 352 с.

Паступіў 28.12.2017

THE DYNAMICS OF WAR NOVEL IN BELARUSIAN PROSE OF THE 1960–1965s (PROBLEM-THEMATIC AND GENRE-STYLISTIC PECULIARITIES)

H. NAVASELTSAVA

Novels with new aesthetics principles are formed in Belarusian prose of the first half of the 1960s. Particularly, Ales Adamovich's, Yanka Kupala's, Yanka Bryl's works are accumulated the experience of creating the one character novel. This type of novel reveals the interpretative representation of reality and profound of individual psychology. Special attention is drawn to the innovative aesthetic tendency to complicate the problem of war theme in ethical coordinates.

Keywords: *Belarusian literature, novel, aesthetic tradition, creative individuality, lyrical prose.*

УДК 82-145

**ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XX ВЕКА**

д-р филол. наук, проф. Т. АБДУЛГАСАНЛЫ, С. ГАДЖИЕВА
(Азербайджанский государственный экономический университет, Баку)
sesiya@rambler.ru

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме человеческой личности. Рассматриваются некоторые философские аспекты человеческой личности в современной поэзии. Человек, его размышления, взгляд на окружающий мир в целом становятся ведущей темой азербайджанской поэзии рубежа XX–XXI веков. Анализируются различные жанры поэзии, одним из которых являются баяты. Представляются образцы, созданные в жанре баяты. В них воспеваются мысли и чувства человека, привязанность к родине, любовь и красота. Значительное внимание уделяется роли поэзии в формировании человека как личности.

Ключевые слова: азербайджанская поэзия, философская лирика, баяты, лирический герой.

Введение. Путь, пройденный азербайджанской поэзией в XX веке, является продолжением богатого поэтического опыта, накопленного на протяжении столетий. Азербайджанская поэзия развивалась и совершенствовалась не только идейно, но и по форме и средствам выражения, мастерству и стилистике.

Среди поэтических примеров, возникших в поэзии 1991–2005 годов, больше всего внимания привлекают баяты, гошма, герайлы, теджнис, дейишме, агы, охшама, колыбельная, песня и другие стихотворные формы. К жанру баяты обращались разные поэты. Образцы, созданные в жанре баяты, встречаются в творчестве поэтов как старшего, так и среднего литературного поколения, а также молодых поэтов. «В баяты, относящихся к лирическому жанру, воспеваются мысли и чувства о жизни и обществе, привязанность к родине, любовь и красота. Для этого жанра очень характерны такие мотивы, как краткое философское обобщение, всеобщая печаль, любовные страдания, предательство соперника» [1, с. 24–25].

В современной поэзии к жанру баяты в своем творчестве обращались Бахтияр Вахабзаде, Халил Рза Улутюрк, Мамед Араз, Фикрет Садыг, Габиль, Мамед Исмаил, Мамед Аслан, Нусрет Кесеменли, Кемаль Агаева и другие. Конечно, здесь из-за невозможности наблюдения за творчеством всех поэтов, представляется более правомерным обращение к характерным особенностям жанра. В стихах Фикрета Садыга, создающего интересные образцы баяты, нашли свое художественное воплощение дух и ритм нашего времени. Баяты, написанные в последние годы Кемалей Агаевой, открыто демонстрируют новые по своему содержанию оттенки этого жанра.

Отдельные баяты, возникшие в современной поэзии, служат усилению идейного содержания поэтических образцов, написанных в других жанрах. Например, стихотворение Нусрата Кесеменли «Ходжалы», посвященное разрушенному городу Ходжалы, стихи Бахтияра Вахабзаде, Сабира Рустамханлы о событиях 20 января 1990 года, Карабахской войне.

Основная часть. Современная жизнь, многие важные проблемы сегодняшнего дня, человеческая индивидуальность, наряду с нашим историческим прошлым, являются темами, к которым обращаются поэты. Несомненно, что под понятием поэтического восприятия современного мира в поэзии может подразумеваться многое. Мы же свои изыскания, акцентирующие внимание на проблемах борьбы за человека, беспокойства за судьбу мира, войны и мира, природы и экологии, которые считаем наиболее важными, вели в данном аспекте. Для ясности следовало бы отметить, что названные проблемы могут быть рассмотрены как с лирического, так и философского аспектов. В настоящей статье эти вопросы исследуются в контексте возможностей современной поэзии.

Человек, его духовный мир, чувства и раздумья всегда были главной темой искусства, поэзии, самые большие произведения, шедевры искусства рождены именно благодаря попыткам взглянуть на человеческие войны в свете их художественного осмысления.

Известно и то, что эта первичная и вечная тема искусства чуть было не была забыта и даже отошла на второй план в первые десятилетия формирования советской литературы, в условиях становления эстетики социалистического реализма. Как известно, учение марксизма, на которое опиралась теория социалистического реализма, не воспринимало понятие «человека» универсальным, а лишь признавало человека как явление социальное, как «совокупность конкретных общественно-политических отношений». При этом вполне естественно, что личность, ее неповторимый внутренний мир, ценность каждого человека отбрасывались в сторону, и в целом человек оставался вне поля зрения. И здесь появлялась нехватка типов литературных героев. Если в первые годы пролетарской диктатуры ведущим типом художественного героя являлись большевики-революционеры, или же политическая лирика воспевала достижения

революционных большевиков, то в последующие годы становятся актуальными вопросы колхозного строительства и индустриализации страны. А в годы войны ведущим художественным героем является образ бойца, сражающегося с врагом. Безусловно, подобное определение ведущего художественного героя эпохи было вполне естественным и закономерным. Однако самый большой недостаток заключался в том, что эти герои в большинстве случаев представлялись не как живые и реальные люди, а как некая общественная сущность. Больше всего места отводилось патетике, сухому пафосу и риторике, в поэзии политико-идеологические призывы преобладали над естественными чувствами и размышлениями. Поэзия превратилась в своего рода рупор агитации и пропаганды.

Оба приема, обе формы в освещении человеческих проблем в творчестве Расула Рзы первоначально использовались бок о бок. Единственно неизменным во всех случаях оказался всегда существующий в творчестве поэта человеческий фактор. Как справедливо отметил один из исследователей, «соотношение и связь между неизбежностью существующих в мире противоречий и необходимостью человеческой борьбы выступает в лирике Расула Рзы как основная философская проблема». Не случайно литературоведы процесс обновления в азербайджанской поэзии, борьбу за человека почти единогласно связывают с новаторским творчеством Р. Рзы.

Глобальный взгляд на человека, на дитя человечества нашел своеобразное поэтическое выражение в творчестве Али Керима, являющегося одним из талантливых представителей современной азербайджанской поэзии. В стихотворении поэта «Человек не одинок» воспевается идея единства человечества, его неделимости.

Поэзия возвеличивает человека, но в то же время четко отражает его как реальное и живое существо. Сколько бы ни было изъянов и недостатков у человека, как бы ни был он далек от истинного совершенства, поэзия вовсе не забывает, что создание, именуемое «человеком», является венцом природы, объединяет в своем внутреннем мире все созданное, одухотворяет их. Человек – в азербайджанской лирике чаще всего начальный критерий, первичное мерило всего существующего. Точно как в стихотворении «Я – человек» лирического поэта Алиага Кюрчайлы:

Коль сорвут зимою, стану букетом цветов,
Летом увидят во мне снега.
Сердце, воплотившее в себе все времена года,
Знает, что я – все то, что есть на белом свете,
Я – чувства, желания и мечты [2, с. 191].

Человек, возвышающийся над всем существующим, освещающий, оживляющий и одухотворяющий весь мир и всю природу, является главным героем чувствительной и бурной лирики А. Кюрчайлы, как и многих других наших поэтов.

В.Г. Белинский говорил, что «искусство нашего времени – это выявление и проявление в художественных образах современных понятий и мыслей о смысле и цели жизни, путях человечества, вечных истинах бытия» [3, с. 11]. Со всей уверенностью можно сказать, что цель и назначение искусства, поэзии со времен великого критика вовсе не изменились, наоборот, эти цели и задачи в наше время приобретают еще большую значимость и важность.

Фикрет Годжа дает философско-поэтическое описание человеку как существу, ответственному за Мир, Природу и Жизнь:

...Ты – человек,
Под ногами Земля.
Ты – человек, живешь
В ответе за жизнь,
Судьбу мира
Будешь на плечах носить! [4, с. 11]

Как видно, образное «приближение» Земного шара к ногам человека свидетельствует не об обычных раздумьях обычного человека. Здесь снова, как и в мире поэзии Р. Рзы, оживает монументальный образ человека, то есть человек представляется не только как частица, неразделимая крупинка Вселенной, Земли, человечества (например, как у Али Керима), он помещается в ядро космоса, бытия, и все, что происходит, а также все, что произойдет, тесным образом связывается с ним. Это своего рода возвышение до самых вершин, возвеличивание человека; но это вовсе не воспевание человека, вызванное обычным восхищением его силой, умом и способностями, а поэтическое возвеличивание, подпитываемое верой в ценность человека как сути человечества:

Путями человека станет Вселенная,
Человек заставит заговорить немое небо.
Руки человека, растягиваясь как мосты,
Сколько звезд соединят воедино [4, с. 17].

Поэт, утверждающий о том, что «человек – чудо света», старается понять и осознать то, как тяжело и ответственно «быть путником пути человеческого». Его лирический герой считает, что именно становление человеком является мерилем всего на свете. По его мнению, красота мира утверждается только присутствием и диктовкой человека. Поэтому в поэтическом мире Ф. Годжи быть Человеком (настоящим человеком) – это и есть вершина прекрасного, начало, корень и вечное условие всего сущего.

Поэт эту философскую парадигму точно так же применяет в сфере человеческих отношений и этим определяет ряд нравственно-этических тенденций, масштаб ценностей.

Если обратить внимание, то заметим, что человек, являющийся лирическим героем Ф. Годжи, все не остается в плену альтруистических настроений и желаний, а ищет и старается выявить свое предназначение в своей же природе, в своей сущности. Не зря его лирический герой восклицает: «Если я на земле не могу жить как человек, / Возложи на мои плечи Земной шар». Он неустанно напоминает о большой ответственности человека, о его ответственности перед жизнью.

Обратив внимание, можно заметить, что человеческий и мировой контексты, постепенно выходя за пределы общего плана, конкретизируются в лице индивидуума, обогащаются еще более богатым художественно-поэтическим содержанием. Известный ученый-литературовед и критик Яшар Гараев, изучая эту эволюционную линию в азербайджанской поэзии, так обобщает свои наблюдения: «Чувство гражданства, ответственности стихотворение конкретизирует как моральную ответственность перед каждым человеком, каждым индивидом. Конкретизация и индивидуализация происходит и в самом содержании лирического «я»: теперь стихотворение о самых общих, общественных проблемах также еще чаще начинает говорить не от имени «всех», от «нашего» имени, а непосредственно от имени собственного «я», от «своего» имени». Вместе с тем критик предупреждает, что это не должно быть воспринято как сужение объемов художественно-философского аспекта в поэзии: «Наоборот. Лирическое «я» в поисках конкретной индивидуальности и национальности, нравственной целостности и завершенности прежде всего старается расширить границы своих связей с миром, где живет, границы общения со временем и историей» [5, с. 32].

Нам представляется, что вышеуказанные предположения Я. Гараева очень верно отражают тенденцию развития в азербайджанском стихосложении темы человека. Эта тенденция последовательно наблюдается и постоянно усиливается в творчестве поэтов, начиная от Б. Вахабаде, Ф. Годжи и заканчивая современными молодыми поэтами.

Вполне естественные боль и переживания, связанные с мимолетностью человеческой жизни, в творчестве Н. Хазри (и в азербайджанской поэзии в целом) не могли рождаться лет 30–35 тому назад – в эпоху властвования доктрины социалистического реализма; потому что эта доктрина требовала совершенно противоположную тональность в стихосложении. Так, стихотворения, собранные в книге «Я здесь, о Боже» оригинального, совершенно своеобразного поэта Вагифа Самедоглу, по своему трагическому настрою противоречили ложному оптимизму времени.

В поэзии В. Самедоглу человек является существом, приговоренным не только к трагическому существованию, здесь появляются совершенно другие точки зрения на человека. В отличие от существовавшей до него поэзии В. Самедоглу старается дать оценку человеку в противопоставлениях «Человек и Мир (весь остальной мир)», «Человек и природа», занимая «внутреннюю позицию» второго. Например:

Никто из людских сыновей
Не будет крепче той скалы.
Никто не исчезнет своевременно, своевременно не появится
Как тень того старого дуба.
Человек, как то облако на небе,
Не разделится и не родится просто так,
Человек не родится, не будет жить
В ожидаемое, в желаемое время,
Как тополь, растущий
Во дворе сумасшедшего дома... [6, с. 189]

В поэзии В. Самедоглу, наравне с человеком и на одном и том же уровне преобразующей мир, придающей природе незаменимую ценность, а значит своего рода «очеловечивающей» ее, как подчеркивает Я. Гараев, важной особенностью является воссоединение лирического «я» со всем человечеством. Даже в своих «беседах» с Богом он представляется как единственный наследник сына Адама:

... Кто есть у тебя, о Боже,
Кроме меня на этом свете?
Кто есть у меня,
Кроме тебя на этом свете?
Ты один, я один,
О Боже? [6, с. 196]

Подобные медиативные обращения человека к Богу в целом характерны для творчества поэта. Однако поэт, с первого взгляда обращающий внимание читателя на глобальные экзистенциальные проблемы, словно живет обычной человеческой жизнью. Но это обманчиво: наоборот, все его стихотворения являются продуктом определенного конкретного настроения. Настроения, рождаемого определенной жизненной ситуацией. Если в этих стихотворениях в большинстве случаев сталкиваемся с настроением одиночества, значит, отчуждение между людьми в современном обществе поэт воспринимает в качестве более серьезной нравственной проблемы. В этом смысле то или иное настроение в стихотворениях В. Самедоглу (в том числе и настроение, связанное с краткостью человеческой жизни) тесно связано с внутренним миром нашего нравственно страдающего современника, заблудившегося в сложности и противоречиях современного мира.

В настоящее время современная азербайджанская поэзия успешно продолжает процесс, начатый в конце прошлого столетия.

Заключение. Начиная с 60-х годов прошлого века азербайджанская поэзия приняла направление, отличное от прежних лет. В поэзии на передний план вышел человеческий фактор. Размышления современного человека, прожитая им жизнь становятся основными темами. Традиционные темы изображались с новым отношением, новым мышлением. Глобальный взгляд на человека нашел своеобразное поэтическое выражение в творчестве Расула Рзы, Бахтияра Вахабзаде, Наби Хазри, Халила Рза Улутурка, Мамеда Араза, Али Керима и других поэтов, обогативших азербайджанскую поэзию оригинальными произведениями.

В творчестве этих поэтов лирический герой вовсе не остается в плену альтруистических настроений и желаний, а ищет и старается выяснить свое предназначение в своей же природе, в своей сущности. Человеческий и мировой контексты, постепенно выходя за пределы общего плана, конкретизируются в лице индивидуума, обогащаются еще более богатым художественно-поэтическим содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литературоведение. Энциклопедический словарь. – Баку : Азербайджанская энциклопедия, 1998.
2. Кюрчайлы, А. Избранные сочинения / А. Кюрчайлы. – Баку : Язычы, 1978.
3. Белинский, В.Г. Избранные сочинения / В.Г. Белинский. – Баку : Азернешр, 1988.
4. Годжа, Ф. Избранные сочинения / Ф. Годжа. – Баку : Азернешр, 1988.
5. Гараев, Я. Поэтические горизонты / Я. Гараев. – Баку : Гянджлик, 1985.
6. Самедоглу, В. Я здесь, о Боже / В. Самедоглу. – Баку : Гянджлик, 1996.

Поступила 25.12.2017

PHILOSOPHICAL ISSUES IN THE LATE 20th CENTURY AZERBAIJAN POETRY

T. ABDULGASANLY, S. GADGIEVA

*The article is devoted to the nowadays topical problem: the human identity. The authors consider some philosophical aspects of the human identity in modern poetry. The human being, his thinking, his views of the world as a whole, becomes the leading topic of the Azerbaijan poetry. Various genres of poetry are analyzed, one of which is *beit* (*bayati*). The authors present the samples created in the genre of *beit*. The thoughts and feelings of a person, the affection to the native land, love and beauty are praised. The considerable attention is paid in the article to the role of poetry in the formation of man as a personality.*

Keywords: Azerbaijan poetry, lyric-philosophical poetry, *bayati*, lyric hero.

УДК 81'1

ПЕРФОРМАТИВЫ ОБЕЩАНИЯ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)
m.poutrova@psu.by

Исследуются перформативные действия обещания на материале записей подлинного говорения в четырех культурах: белорусской, русской, американской и английской. Уточняются и дополняются их базовые категориальные характеристики, интерпретируются количественные показатели их встречаемости, эксплицируются некоторые типичные особенности языкового воплощения обещаний в зависимости от гендерной идентичности говорящего субъекта.

Ключевые слова: обещание, гендерная идентичность, перформатив, информатив, диминутивизация.

Введение. Язык представляет собой чрезвычайно сложную систему означивания и может быть определен с самых разных точек зрения. Одной из весьма плодотворных и глубоких представляется та, которая восходит к интерпретации языка Гумбольдтом и трактует его как деятельность [1, с. 80]. Данный подход не опровергает ставшее уже достаточно традиционным видение языка как явления социальной семиотики, представляющее собой сложную развивающуюся систему единиц разного уровня и правил их организации, позволяющую осуществлять означивание или объективацию содержания как индивидуального сознания, так и культурной традиции [2, с. 2–3; 3, с. 604; 4, с. 1250; 5, с. 3–4].

Трактовка языка как деятельности не отвергает подобное понимание языка, однако она существенным образом уточняет его, делая акцент на значимости именно деятельностных параметров в языке. При таком видении языка он понимается как наиболее массовая и самая всеохватывающая из всех известных нам видов деятельности, гигантская и анонимная подсознательная работа многих поколений [6, с. 194].

Представляется важным отметить, что при представленном подходе к интерпретации языка важнейшей единицей его описания оказывается не фонема, морфема, слово или предложение, а то языковое действие, которое всякий раз совершает говорящий или пишущий субъект, когда он объективирует в конкретной ситуации общения важные для него и его собеседника смыслы.

Наиболее всесторонне названная единица, то есть речевое действие или речевой акт, в другом, получившем широкое распространение терминологическом обозначении, рассматривается в рамках теории речевых действий. Данная теория представляется весьма перспективной в исследованиях языковой репрезентации гендера. Ценность ее состоит в том, что она убедительно показывает регулируемость вербального поведения, все разнообразие которого сводится к определенному относительно небольшому перечню речевых действий. Среди них выделяется группа так называемых перформативов, то есть действий, в результате осуществления которых наблюдаются изменения в реальном мире.

Один из основоположников теории речевых действий Дж. Серль блестяще иллюстрирует расхождение в направленности соответствия между словами и миром в случае констатаций или утверждений, повествований, описаний, информативов или информирующих действий и перформативных высказываний. Он справедливо отмечает, что констатации и описания *отражают* мир, который они *описывают*. Ключевыми словами в аргументации Дж. Серля являются «отражают» и «описывают». Благодаря названному отражению (причем данное отражение видится автору зеркальным, ибо он употребляет глагол *to mirror*), благодаря названному свойству констатации проявляют такую направленность соответствия, при которой *слова отражают мир*. В случае же с перформативами слова могут формировать мир, вносить в него изменения. Направление соответствия или соотносительности начинается со слов, вернее со смысла речевых действий, и устремляется к *измененному миру*. Дж. Серль заявляет буквально следующее: «Некоторые высказывания заставляют слова (более точно, их пропозициональные значения) *соответствовать миру*, другие вынуждают *мир соответствовать словам*» [7, с. 31–32]. Как правило, в качестве примеров перформативов приводятся действия по наименованию, действия распоряжения или заявления высоко уполномоченных особ, пари и т.п.

В настоящем исследовании рассмотрению подлежат обещания, то есть действия, результатом которых, как правило, являются радикальные перемены как в частной, приватной сфере, так и в общественной, профессиональной.

Новизна работы состоит в рассмотрении обещаний в неизученном ранее ракурсе, описании их характеристик в реальных актах общения с учетом гендерной идентичности породивших их субъектов.

Актуальность работы вытекает из значимости знаний о языке как деятельности вообще и о его важнейшей единице – речевом действии обещания в частности, причем весьма глубоких знаний, показывающих значимость гендерной переменной в реализации обещаний.

Мы разделяем точку зрения основоположников теории речевых действий о том, что обещание обязывает говорящего к совершению определенных действий. Вместе с тем мы полагаем, что комиссивная или обязывающая составляющая обещания не исчерпывает его структуру. Помимо обязательств говорящего, обещание предполагает определенное взаимодействие, способное вызвать максимальное доверие и на этом основании позволяющее говорящему субъекту строить отношения с другим собеседником.

Наша гипотеза состоит в том, что осуществление действий обещания может иметь гендерно специфические черты.

Основная часть. В нашем эксперименте анализу было подвергнуто пять массивов записей подлинного говорения на четырех языках: британском английском, американском английском, русском, белорусском и на так называемой «трасянке». Каждый из данных массивов состоял из приблизительно 40 000 слов текста.

Целью эксперимента было выявление в массиве записей действий обещания и сопоставительный анализ их функционирования в аспекте гендера.

Кроме того, к анализу привлекались данные, полученные в ходе другого эксперимента, направленного на выяснение афористических высказываний или утверждений, которые современные языковые личности, мужчины и женщины, считают отражающими их жизненную позицию или которые они находят полезными для организации своего поведения. Мы просили участников эксперимента представить свой жизненный девиз в максимально аутентичной форме, то есть так, как они формулируют его для себя.

Всего было опрошено 120 мужчин и 120 женщин. Оказалось, что в 17,5% случаев испытуемые приводили высказывания, эксплицитно или имплицитно, косвенно, указывающие на значимость обещаний, например:

1. Ничего не проси и ничего не обещай.
2. Не обещай, а пообещав, выполни.
3. Черешни не обещать. (Видимо, сокращенный вариант белорусской поговорки “абяцаць чарэшні на вярбе”).
4. Как Борис сказал, так Борис и сделал.
5. Сказано, сделано.
6. Будь своему слову хозяйкой/хозяином.
7. Слово не воробей.
8. Слово аукнется.
9. Без лишних слов.
10. Сонечка, отсекай лишнее: вес, вещи и слова.
11. Обещанное три года ждут.
12. Сначала думай.

Полученные данные позволяют утверждать, что не только лингвисты, особенно те из них, кто занимается проблемами коммуникативной лингвистики, прагматики, теории речевых действий, понимают значимость обещаний, но и сами языковые личности отдают себе отчет в важности именно данной разновидности перформативных действий для своей успешной жизнедеятельности.

Некоторые из представленных жизненных установок имели и другие формы реализации своего главного, пропозиционального смысла. Например, смысл последней из них оказался представленным еще в двух вариантах:

- Не подумав, не говори.
- Сначала Таня думает.

Наиболее вариативной оказалась реализация смысла, представленного в первой установке:

- Не проси и не обещай.
- Ничего–ничего не проси и ничего не обещай.
- Лучше не просить и ничего! никому не обещать. (Здесь сохранена пунктуация автора).
- Без обещаний и просьб.

Весьма краткое кредо «Сказано, сделано» также оказалось представленным в ряде других не менее кратких вариантов:

- Сказал – сделал.
- Сказал, значит, сделал.

Не отмеченное ранее кредо «Слов на ветер не бросай», на наш взгляд, также является вариантом приведенного в пункте 6 утверждения (Будь своему слову хозяйкой/хозяином).

Очевидным образом приведенные девизы можно анализировать с точки зрения гендерных особенностей их языкового воплощения, однако для целей нашей работы на данном этапе важнее получить подтверждение значимости обещаний в организации жизнедеятельности членов языкового сообщества.

Частотность обещаний в наших записях подлинного говорения относительно умеренная. Наша шкала состояла из шести градаций частотности зарегистрированных в полученных записях разновидностей речевых действий: очень высокой, высокой, средней, низкой, очень низкой, минимальной.

Примечательно, что сопоставляемые культуры по показателям частотности обещаний имеют много общего. Во всех из них данная разновидность перформативов имеет среднюю частотность. Даже если уточнить сущность градации «средняя частотность» с помощью разделения ее на высокую среднюю, среднюю среднюю и низкую среднюю, то, к нашему удивлению, показатели частотности остались в основном в графе «средняя средняя».

Другой общей для всех культур чертой являются определенные гендерные отличия обсуждаемых показателей. Данные отличия, однако, слабо выражены и составляют всего 10 плюс минус пять процентов (таблица).

Таблица. – Относительные показатели встречаемости обещания в %

Культура Гендер	Белорусская	Русская	Американская	Английская
ж	62,5	57,5	52,5	55
м	37,5	42,5	47,5	45

Примечание. За 100% принимается общее количество обещаний в одной культуре.

Анализ дистрибуции реплик обещаний побуждает несколько иначе взглянуть на представленные данные.

В речевом потоке обещания существуют не сами по себе, а, как правило, реализуются совместно с некоторыми другими действиями. По нашим данным, в качестве таких действий выступают просьбы, информативы и, особенно, высказывания, побуждающие собеседников к совершению действий обещания. Как правило, последние интерпретируются как действия, направленные на запрос информации, однако таковыми не являются, несмотря на определенные сходства в структуре. Рассмотрим следующие два высказывания:

1. Скажи, который час.
2. Скажи, что ты придёшь к часу.

Второе действие в нашем примере не столько запрашивает информацию, сколько побуждает собеседника к реализации обещания.

Показатели частотности таких действий в вербальном поведении мужчин и женщин практически идентичны, хотя по абсолютным значениям они все-таки выше у женщин почти во всех подгруппах, то есть с учетом возраста и образования. Общие различия, однако, не превышают 1,5–1,75–2,25%. Данная особенность позволяет сделать вывод об одинаковой актуальности побуждений к обещанию в вербальном поведении как мужчин, так и женщин. Если же соотнести показатели частотности данных действий с приведенными ранее показателями встречаемости самих обещаний, то получается, что мужчины чаще на свой запрос получают обещание. Особенно если учесть не только их общее количество, но и сферу, с которой они соотносятся. Женские обещания чаще сфокусированы на реалиях приватной сферы, в то время как мужские – на профессиональной, общественной. Кроме того, они чаще адресованы другим мужчинам. В результате получается, что по показателю обещаний мир обитания женщин отличается от мира мужчин.

Мир женщин оказывается менее щедрым на адресованные им обещания. Данное различие касается не только будущего, на которое направлено обещание. Социология, как известно, оперирует понятием «социальное время». Будущее определяет настоящее. Обещание как раз и является тем перформативным действием, которое способно менять настоящее.

Обращение к языковой форме реализации обещаний позволило выявить значительную их специфику в зависимости от гендерной идентичности говорящего субъекта. Прежде всего отличающимися оказались показатели общей встречаемости самого перформативного слова «обещаю», а также особенности его распределения. В женском говорении чаще фиксируются повторы данного слова в пределах одного обещания, в результате чего меньшее количество употреблений словоформы «обещаю» оказывается реализованным в большем количестве перформативных действий обещания у мужчин. Кроме того, в женских обещаниях значительно чаще встречаются имена личные, придыхания, уменьшительные формы слов, интенсификации, повторы. Последние три перечисленные средства, как известно, являются способами диминутивизации объектов и реалий окружающего мира. Совместно с более частотными в женских обещаниях личными именами и придыханиями они привносят специфику в языковую картину мира говорящего субъекта, особенно сказываясь на его, то есть мира, дистанционных характеристиках. Женская языковая картина мира оказывается менее удаленной от говорящего субъекта.¹

В качестве примера типичных реализаций обещаний в говорении женщин можно привести те, которые содержатся в следующем фрагменте наших записей подлинного общения на белорусском языке. (См. реплики А₁, А₄, А₅).

¹ Более подробно гендерные особенности реализации обещаний представлены в другой нашей работе, см. [8].

- I. Б₁: Абячай, што не будзеш.
 А₁: *Не буду-не буду-не буду-не буду.*
 Б₂: *Так?*
 А₂: *Так! Вот.*
 Б₃: *Таак...*
 А₃: *Так, так, так, так.*
 Б₄: *Абяцаеш?*
 А₄: *Абяцаю, абяцаю. Не буду.*
 Б₅: *Ыгы...*
 А₅: *Не буду, не буду...* [Придыхание]
 Б₅: *Ну ... Такк. Добра!*

Аналогичная картина открывается при анализе фрагментов, содержащих речевые действия обещания в ситуациях общения на других рассматриваемых нами языках: английском (см. фрагмент II) и русском (фрагмент III).

- II. А₁: I tell you, I'll do that! I'll do that! I'll do that!
 Б₁: Will you?
 А₂: Sure!
 Б₂: Okey. Uhm... Can you Can you just promise that
 А₃: I can I can I can!
 Б₃: Great!
 А₄: I do promise, Alec, I do promise I'll do it. I'll do it. I do promise it.
 Б₄: Great! www...

Примечание. Подчеркнутыми в репликах Б₂ и А₃ являются фрагменты одновременного говорения.

- III. А₁: Надюш, ты же мне поможешь, а? Со всем этим.
 Б₁: Ну да!
 А₂: Честное слово?
 Б₂: Ой, ну конечно.
 А₃: Обещаешь?
 Б₃: Обещаю, обещаю.
 А₄: Ой!
 Б₄: Ну да, Танюш. Ты что? Помогу.
 А₅: Поможешь?
 Б₅: Помогу-помогу, лапка. Что ты! Обещаю.

Как видим, во всех из них имеются повторы, причем иногда неоднократные (см. I А₁, А₃), (II А₁, А₃, А₄), (III Б₃, Б₅). Повторяется также и само перформативное слово «обещаю». Кроме того, реализуются и многие другие отмеченные ранее характерные черты женского говорения: придыхание (см. I А₅), более частотное употребление имен собственных, ласкательных наименований (III, Б₅), характерных междометий (III Б₂, А₄).

Выводы. Суммируя результаты проведенного исследования правомерно сделать вывод о наличии как общих, так и гендерно специфических характеристик реализации перформативных действий обещания. Последние имеют своим результатом определенные отличия в языковой картине мира и в мире непосредственного обитания по гендерному признаку.

В языковом плане отличия представлены прежде всего в количественных показателях употребительности обещаний и их предпочтительной дистрибуции в определенных сферах жизнедеятельности. Гендерная специфика вербальной реализации обещаний проявляется в характерных и для других речевых действий показателях: частотности средств диминутивизации, встречаемости имен личных, употребительности характерных междометий, дисфлуэнтных вставок, распределении самого перформативного слова «обещаю».

Общим или примерно одинаковым, по нашим данным, является понимание значимости обещания для полноценного обеспечения жизненных потребностей, выражающемся:

- 1) в сходных показателях частотности реплик, побуждающих собеседника к осуществлению речевых действий обещания;
- 2) в примерно одинаковой встречаемости апелляций к обещаниям при формулировании жизненных позиций и кредо в виде кратких афористичных высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : 1985. – 497 с.

2. Halliday, M.A.K. Spoken and Written Language / M.A.K. Halliday. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 109 p.
3. Мельничук, А.С. Язык / А.С. Мельничук // Лингвистический энциклопедический словарь ; гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 604–606.
4. Можейко, М.А. Язык / М.А. Можейко // Новейший философский словарь ; гл. ред. А.А. Грицанов ; изд. 2-е. – Минск : Интерпрес Сервис, 2001. – 1255 с.
5. Chomsky, N. Knowledge of Language / N. Chomsky. – New York : Praeger, 1986. – 294 p.
6. Сэпир, Э. Язык, раса и культура / Э. Сэпир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М. : Универс, 1993. – С. 185–194.
7. Серль, Дж.Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Зарубежная лингвистика 11. – М. : Прогресс, 2002. – С. 229–253.
8. Путрова, М.Д. Сопоставительный анализ речевых действий обещания / М.Д. Путрова // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманит. науки. – № 2. – 2014. – С.53–59.

Поступила 12.01.2018

THE PERFORMATIVES OF PROMISE: GENDER ASPECT

M. POUTROVA

The article reports the study of the performative acts of promise singled out from the recordings of authentic talking in Russian, Belarusian, British English and American English. It specifies some basic characteristics of the performatives, their distribution and linguistic representation with reference to the engendered identity of the speaking subjects.

Keywords: *promise, gender identity, performatives, informatives, diminutization.*

УДК 811.111:811.133

**МОРФЕМНАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ
НАИМЕНОВАНИЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)**

канд. филол. наук В.В. КРИВОРОТ
(Белорусский государственный университет, Минск)
victoriakrivorot@gmail.com

Анализируются английские и французские наименования транспортных средств, отобранные из толкового словаря английского языка «Cambridge Advanced Learner's Dictionary» (Cambridge University Press, 2012) и толкового словаря французского языка «Le Robert» (Paris, 2012). В рамках ономаσιологического подхода рассматриваются вопросы морфемной деривации как важной составляющей в ряду основных способов номинации. Представлены основные модели морфемной деривации, которые используются при создании наименований транспортных средств в исследуемых языках, а также установлено количественное соотношение моделей морфемной деривации в английском и французском языках. Выявлено, что при образовании наименований транспортных средств в английском и французском языках применяются общезыковые модели морфемной деривации: префиксация, суффиксация, префиксально-суффиксальный способ, нулевая суффиксация, образование сложных слов, аббревиация и некоторые другие. Отмечено, что специфика данного способа номинации транспортных средств в исследуемых языках заключается в моделях их реализации и их количественном соотношении.

Ключевые слова: ономаσιология, способ номинации, морфемная деривация, префиксация, суффиксация, словосложение, аббревиация.

Введение. Данная статья посвящена исследованию наименований транспортных средств в английском и французском языках. Анализ материала свидетельствует о том, что при образовании наименований транспортных средств в английском и французском языках применяются общезыковые способы номинации, а именно: морфемная деривация, семантическая деривация, образование устойчивых словосочетаний и заимствования. Материалом исследования послужили английские и французские наименования транспортных средств, отобранные из толкового словаря английского языка «Cambridge Advanced Learner's Dictionary» (Cambridge University Press, 2012) и толкового словаря французского языка «Le Robert» (Paris, 2012)¹.

Отбор номинаций транспортных средств из вышеуказанных словарей проводился на основе ряда критериев. Определяющим критерием при отборе и отнесении лексем к лексико-семантической группе «транспортные средства» являлось наличие в их значении семы 'устройство, предназначенное для передвижения или перевозки пассажиров, грузов или установленного на нем оборудования'. Данная сема может быть манифестирована следующими маркерами: в русских словарных дефинициях – транспортное средство (предназначенное, служащее, используемое) для перевозки; в английских словарных дефинициях – vehicle 'средство передвижения', conveyance 'перевозочное, транспортное средство', for transporting 'для перевозки' и др.; во французских словарных дефинициях – véhicule 'транспортное средство; средство передвижения', moyen de transport 'транспортное средство', pour le transport de 'для транспортировки' и др. [1, с. 56].

В статье в рамках ономаσιологического подхода рассматривается морфемная деривация как важная составляющая в ряду основных способов номинации. Цель данного исследования – представить основные модели морфемной деривации, которые используются при создании наименований транспортных средств в исследуемых языках. Ставится также задача установления количественного соотношения моделей морфемной деривации в разных языках.

Методологической основой проведенного исследования явились работы Н.М. Шанского, В.В. Виноградова, В.Г. Гака [2, 3], А.А. Уфимцевой [4], О.И. Блиновой, Е.А. Земской, Е.С. Кубряковой [5], И.С. Улуханова [6, 7] и др.

Основная часть. Морфемная деривация предполагает создание нового слова с помощью присоединения к производящей основе различных словообразовательных аффиксов. Морфемная деривация объединяет такие способы словообразования, как префиксация, суффиксация, префиксально-суффиксальный способ, нулевая суффиксация, образование сложных слов, аббревиация и некоторые другие.

¹ Robert – Le Robert 2012. – Paris: dictionnaire le Robert-Sejer, 2012. – 1072 p.

Морфемная деривация наименований транспортных средств в английском языке.

Для **аффиксального словообразования** в английском языке характерно использование **латинских и греческих морфем**. Среди наименований транспортных средств встречаются морфемные дериваты, в которых использовались префиксы иноязычного происхождения, такие как: *trans-* ‘через-, транс-’, *hydro-* ‘водный’, *aero-* ‘авиа-, аэро-’, *bi-* ‘двойной’, *mono-* ‘один, одиночный’, *tri-* ‘три, тройной’, *inter-* ‘между, среди’, *mini-* ‘уменьшенный; мини-’, *sub-* ‘под-’ и др.: *transbus* ‘автобус с удобствами’, *hydroplane* ‘глиссер с воздушным винтом’, *hydrofoil* ‘теплоход на подводных крыльях’, *aeroplane* ‘аэроплан’, *aerostat* ‘аэростат’, *aerobus* ‘аэробус’, *bicycle* ‘велосипед’, *biplane* ‘биплан’, *monoplane* ‘моноплан’, *monorail* ‘монорельс’, *trireme* ‘трирема’, *tricycle* ‘трёхколёсный велосипед или мотоцикл’, *trimaran* ‘тримаран, трёхкорпусное судно’, *interceptor* ‘истребитель-перехватчик’; *subcompact* ‘малогабаритный двухдверный автомобиль’ и т.п. [1, с. 138]

Способом морфемной деривации **по словообразовательной модели «mini- + сущ.»** образованы наименования *minibus* ‘микроавтобус’ [CALD, с. 909]² от *mini-* ‘малый, уменьшенный’ + *bus* ‘автобус’ и *minivan* US ‘большой, высокий автомобиль, в который вмещается больше людей, чем в обычный автомобиль’ [CALD, с. 909] (XX в.) от *mini-* + *van* ‘автомобиль, фургон’. **По модели «super- + сущ.»** образовано наименование *supertanker* ‘очень большое судно для перевозки нефти’ [CALD, с. 1463] (XX в.) от префикса *super-* (лат. ‘над, сверх, свыше’) + *tanker* ‘танкер; наливное судно’.

По словообразовательной модели «осн. глаг. + -er» образованы наименования *cruiser* ← *to cruise* ‘мор. крейсировать, плавать по определенному маршруту’, *dredger* ‘драгер; устричное судно’ [CALD, с. 429] произошло от глагола *to dredge* ‘драгировать; производить дноуглубительные, землечерпальные работы’; *grader* ‘грейдер’ [CALD, с. 625] ← *to grade* ‘нивелировать’.

Наименование *schooner* ‘парусное судно с двумя или больше мачтами с парусами, расположенными параллельно длине корпуса корабля’ [CALD, с. 1274] (1716 г.) ← диал. англ. *soon* ‘легко скользить; нестись, едва касаясь поверхности’ + *-er* [CED, с. 662]³.

Примерами комбинации данного суффикса с именными основами являются следующие наименования, образованные **по модели «осн. сущ. + -er»**: *slaver* ‘(в прошлом) корабль для перевозки рабов (1830 г.), а также человек, который продавал рабов’ [CALD, с. 1352] (1842 г.) ← *slave* ‘раб’ + *-er* [CED, с. 690]; *tanker* ‘судно или автомобиль для перевозки жидкости или газа’ [CALD, с. 1488] (1905 г.) образовано суффиксальным способом от *tank* ‘цистерна’ + *-er*; *trawler* ‘траулер’ [CALD, с. 1551] (1847 г.) от *trawl* ‘трал; донный невод’.

Суффиксальным способом образованы, например, наименования *conveyor* ‘конвейер, транспортер’ [CALD, с. 307], которое представляет собой производное от глагола *to convey* ‘перевозить, передавать’ + суффикс *-or* или *excavator* ‘экскаватор’ [CALD, с. 485] от *excavate* ‘копать, рыть’.

Одним из активных способов образования наименований в современном английском языке является **словосложение**. Среди сложных слов встречаются собственно сложные слова, образованные в результате сложения двух единиц, а также сложнопроизводные слова, которые были образованы сложением, сопровождаемым еще каким-либо деривационным процессом (аффиксацией, конверсией и др.). Например, *three-decker* ‘трехпалубное судно’, *four-wheeler* ‘извозчичья карета’ и т.д.

Сложные слова, как правило, образуются на основе различных синтаксических конструкций, т.е. мотивируются словосочетанием или предложением. Такие производные являются результатом **универбации** (словообразовательного эллипсиса). Е.С. Кубрякова указывает, что сложное слово обладает «глубинной структурой», между компонентами которой существует определенный тип логических связей [5, с. 65]. Здесь можно обнаружить связь с падежной грамматикой Ч. Филлмора и его глубинными падежами. Так, например, между компонентами сложного слова могут быть агентивные, инструментальные, локативные и другие типы отношений. Для того чтобы определить тип связи в сложных словах с именным характером, необходимо восстановить мотивирующую конструкцию, что позволит понять предикат конструкции, который стал скрытым в сложном слове [8].

Основным отличием в ономаσιологических функциях словосложения и аффиксации является, то, что словосложение направлено на отражение различных типов отношений между объектами, а аффиксация – на обозначение различных объектов по одному и тому же отношению. Проанализировав сложные слова в соответствии с тремя типами ономаσιологических категорий по М. Докулилу, лингвисты сделали вывод о том, что в системе словосложения нет сложных слов транспозиционного типа, существуют разнообразные модификационные отношения между компонентами сложных слов, а также о том, что сложные слова мутационного типа отличаются большей образностью и экспрессивностью по сравнению с аффиксальными производными [8].

² CALD – Cambridge Advanced Learner’s Dictionary Third Edition Cambridge University Press, 2012. – 1700 p.

³ CED – A comprehensive etymological dictionary of the English language by Dr. Ernest Klein Unabridged, one-volume edition. – Elsevier Scientific publishing company/ Amsterdam Oxford New York, 1971. – 844 p.

При словосложении **ономасиологическая структура** производных имеет двучленный характер, при этом **ономасиологическим базисом** преимущественно является второй или последний компонент сложного слова, а **ономасиологическим признаком** – первый компонент. При этом одна основа уточняется другой, и обозначаемое явление выделяется из класса предметов. Необходимо отметить, однако, что ономасиологическая структура сложного производного может представлять также сочетание равнозначных единиц, т.е. двух базисов, что указывает на одновременное наличие нескольких предметов, свойств, процессов и др. в явлении, обозначаемом новым наименованием [5, с. 67–68].

Среди сложных наименований транспортных средств, встречаются следующие **словообразовательные модели**:

1. Модель «сущ. + сущ.»: *garbage truck* US ‘фургон для сбора мусора’ [CALD, с. 439] (XX в.) ← *garbage* ‘мусор’ + *truck* ‘грузовой автомобиль’; *houseboat* ‘плавающий дом’ [CALD, с. 700] (XX в.) ← *house* ‘дом’ + *boat* ‘лодка’; *speedboat* ‘быстроходный катер’ [CALD, с. 1391] (XX в.) ← *speed* ‘скорость, быстрота’ + *boat* ‘лодка’; *airship* (US *blimp*) ‘нежесткое управляемое воздушное судно’ [CALD, с. 32] (XX в.) ← *air* ‘воздух’ + *ship* ‘корабль’ и т.д.

Выявлены следующие сложные наименования транспортных средств, представляющие **словообразовательную модель «глагол. + сущ.»**: *go-cart* ‘небольшая низкая машина для гонок или детская’ [CALD, с. 617] ← *go-* ‘идти; ехать’ + *cart* ‘тележка’; *hang-glider* ‘небольшой безмоторный летательный аппарат; дельтаплан’ [CALD, с. 654] ← *hang-* ‘висеть над’ + *glider* ‘планер’; *pushbike* ‘успап. велосипед’ [CALD, с. 1155] (XX в.) от *push* ‘толкать; пихать’ + *bike* ‘велосипед’ и т.д.

2. Сложнопроизводные наименования, представляющие словообразовательную модель **«числит. + сущ. + -er»**, реализующие **квантитативный принцип номинации**: *double-decker (bus)* ‘двухпалубное судно; двухэтажный автобус’ [CALD, с. 421] (XX в.) ← *double-* ‘двойной’ + *-decker* ‘судно или автобус с определенным количеством палуб или этажей’; *three-wheeler* ‘трехколесное транспортное средство’ [CALD, с. 1514] (XX в.) *three* ‘три’ + *-wheeler* ‘колесное транспортное средство’; *two-seater* ‘двухместный автомобиль’ (XX в.) [CALD, с. 1574] ← *two-* ‘два’ + *-seater* компонент сложных слов со значением ‘имеющий столько-то мест; местный’ и др.

Наименование *runabout* (также *runaround*) ‘небольшой автомобиль для коротких поездок’ [CALD, с. 1251] (1890 г.) [OED VIII, с. 908]⁴, образованное от глагола *to run about* ‘суетиться, сновать взад и вперед’ представляет еще один тип сложнопроизводных наименований, реализующих словообразовательную модель **«глагол. + предл.»**.

Английские наименования транспортных средств образуются также путем **аббревиации**.

Среди наименований ТС в английском языке встречаются сокращения, образованные путем усечения начальной части слов (**афферезис**), например: *bus* ‘большой автомобиль, который перевозит пассажиров с места на место; автобус’ [CALD, с. 185] (1832 г.) образовано путем усечения начала слова от *omnibus* [CED, с. 101]; *plane* (UK *aeroplane*, US *airplane*) ‘летательный аппарат с крыльями и одним или несколькими моторами; самолет’ [CALD, с. 1080] образовано путем усечения начала слова от *airplane* (XVI в.) [OED VII, с. 943].

Путем усечения конечной части слов (**апостопа**) образованы следующие наименования: *bike* 1. ‘разг. велосипед’; 2. ‘разг. мотоцикл’ [CALD, с. 132] ← *bicycle* (XIX в.); *cab* 1. ‘отдельная часть большого транспортного средства, например, грузовика, автобуса или поезда, в которой сидит водитель; кабина’; 2. ‘такси’; 3. ‘(в прошлом) конный экипаж, использовавшийся как такси; кеб, наемный экипаж’ [CALD, с. 191] (1827 г.), является сокращением, образованным путем усечения конца слова, от *cabriolet* ‘кабриолет’ [CED, с. 103]; *semi* US ‘разг. полуприцеп’ [CALD, с. 1297] образовано от *semi-trailer* ‘полуприцеп’ (*semi-* ‘половина’ + *trailer* ‘прицеп’ ← лат. *sēmi-* ‘половина; полу-’) [ODEE, с. 808]; *taxi* (также *taxicab*, *cab*) ‘автомобиль с водителем, который вы нанимаете для поездки куда-либо’ [CALD, с. 1492] (XX в.) образовано путем усечения конца слова от *taximeter* ‘таксометр’ [CED, с. 747]; *trolley* 1. UK (US *cart*) ‘небольшое двухколесное или четырехколесное транспортное средство для перевозки больших или тяжелых предметов, которое толкает человек; тележка’ (1823 г.); US ‘трамвай’ [CALD, с. 1558] образовано в XIX в. путем усечения конца слова от *trolleycar* [OED XI, с. 350].

Примером одновременного усечения нескольких частей слова является наименование *pram* UK (US *baby carriage*) ‘детская коляска, состоящая из люльки на раме с четырьмя колесами’ [CALD, с. 1112] (1884 г.), которое образовано от *perambulator* ‘успап. детская коляска’ [CALD, с. 1053] ← лат. *perambulāre* [ODEE, с. 666].

Путем инициального сокращения, т.е. сокращения, составленного из начальных букв сокращаемого словосочетания, образованы следующие наименования транспортных средств: *GTi* является сокращением от *Gran Turismo injection* ‘комфортабельный, дорогой и очень мощный автомобиль’ [CALD,

⁴ OED – The Oxford English dictionary [Electronic resource] / T.J. Benbow (project director), A.M. Hughes (senior editor). – 2nd ed. – Oxford : Oxford university press 2009. – 1 electron. opt. disc (CD-ROM, v. 4.0, 677 Mb).

с. 638]; *HGV* – сокращение от *heavy goods vehicle* ‘транспортное средство для перевозки тяжелых грузов’ [CALD, с. 670]; *MPV* происходит от *multi-purpose vehicle* ‘многоцелевое транспортное средство’ [CALD, с. 932]; *RR US* ‘железная дорога; поезд’ является сокращением, составленным из начальных букв компонентов сложного слова *railroad* [CALD, с. 1245]; *RV* – сокращение от *recreational vehicle* ‘жилой автофургон; дом на колесах’ [CALD, с. 1254]; *SS* является сокращением, составленным из начальных букв компонентов сложного слова *steamship* ‘пароход’ [CALD, с. 1406]; *SUV* – сокращение от *sports utility vehicle* ‘спортивный автомобиль с полным приводом’ [CALD, с. 1471] и др.

Название торговой марки *Jeep* ‘(обычно военный) небольшой, но мощный автомобиль для бездорожья’ [CALD, с. 771] (XX в.) является сокращенной формой от *General Purpose (car)* ‘автомобиль общего назначения’, где начальные буквы *G* и *P*, послужившие основой нового наименования, пишутся и произносятся иначе (не *GP*, а *jeep*), т.е. имеет место несоответствие графики первоначальному буквенному составу [CED, с. 393].

Анализ отобранной лексики позволил выявить ряд наименований, образованных **путем универбации**, или словообразовательного эллипсиса: *craft* ‘транспортное средство для морских или воздушных путешествий’ [CALD, с. 326] (1769 г.) возникло в результате эллипсиса от *a vessel of small craft* (1671–1672), где *craft* использовалось в своем первоначальном значении ‘сила; мощь’ (893 г.) [OED II, с. 1128–1129]; *express* ‘поезд или автобус, идущие с более высокой скоростью, чем другие поезда и автобусы’ [CALD, с. 494] (1840 г.) образовано в результате эллипсиса словосочетания *train express* изначально ‘специальный поезд’, где прил. *express* ‘специальный’ (XIV в.) от ст.-франц. *expres* ← лат. *expressus* [CED, с. 268]; *funicular* ‘вагон железной дороги особого типа для подъема и спуска со склонов, который движется за счет канатной тяги’ [CALD, с. 583] (XIX в.) образовано от словосочетания *funicular railway*, где прил. *funicular* ‘веревочный, канатный’ ← лат. *funiculus* ‘небольшая веревка’ [CED, с. 299] XVII в. (1664 г.); *local US* ‘местный поезд или автобус, которые останавливаются на всех остановках’ [CALD, с. 841] (1902 г.) образовано путем универбации словосочетания *US local train*, где прил. *local* ‘местный’ заимствовано из французского *local* ← поздн.-лат. *locālis* от *locus* ‘место’ [ODEE, с. 533]⁵ и др.

Таким образом, исследование отобранной лексики показало, что среди наиболее продуктивных подтипов морфемной деривации в номинации транспортных средств в английском языке преобладают аффиксальное словообразование, словосложение и сокращение.

Среди наименований транспортных средств встречаются морфемные дериваты, в которых используются префиксы иноязычного происхождения: *trans-* ‘через-, транс-’, *hydro-* ‘водный’, *aero-* ‘авиа-, аэро-’, *bi-* ‘двойной’, *mono-* ‘один, одиночный’, *tri-* ‘три, тройной’, *inter-* ‘между, среди’, *mini-* ‘уменьшенный; мини-’, *sub-* ‘под-’ и др.

В аффиксальном словообразовании преобладают словообразовательные модели «осн. глаг. + *-er*», «осн. сущ. + *-er*».

Среди сложных слов, являющихся наименованиями транспортных средств, преобладающим типом является «сущ. + сущ.», первым компонентом может также выступать глагольная основа. Возможен тип словосложения «числ.+ сущ.».

Среди наименований транспортных средств, образованных путем аббревиации, встречаются сокращения, образованные путем усечения начальной и конечной части слов. Достаточно продуктивным является инициальное сокращение.

Среди выявленных 124 морфемных дериватов 7 являются префиксальными производными, 9 – суффиксальными производными. Необходимо отметить, что наибольшее количество морфемных дериватов (82 лексемы) являются сложными производными. Выявлено 24 наименования, образованные путем сокращения. Универбация также является достаточно продуктивным способом номинации транспортных средств в английском языке. Выявлено 15 наименований, образованных путем эллипсиса словосочетаний [1, с. 144].

Морфемная деривация наименований транспортных средств во французском языке

Французский язык использует в образовании наименований транспортных средств все традиционные способы номинации: морфемную деривацию, семантическую деривацию, образование устойчивых словосочетаний и заимствования.

Значительное количество французских наименований транспортных средств образовано **путем морфемной деривации**.

Среди исследуемого материала встречаются суффиксальные производные, реализующие функциональный принцип номинации, образованные по модели «осн. глаг. + суф. *-eur (-euse)*»: *bouteur* ‘бульдозер’ (рекомендовано вместо *bulldozer*) [Robert, с. 86] (XX в.) образовано от глагола *bout(er)* ‘толкать; выгонять’ + *-eur*; *patrouilleur* 1. ‘дозорный, патрульный (солдат)»; 2. ‘военный корабль противолодочной обороны; патрульный самолет’ [Robert, с. 522] ← *patrouiller* + *-eur*. Во время Первой мировой войны

⁵ ODEE – The Oxford Dictionary of English Etymology / edited by C.T. Onions. Oxford university press, 1966. – 1025 p.

наименование было образовано от *patrouiller* 'патрулировать' (или от *patrouille* 'патруль') обозначает 'небольшой военный корабль, который использовался для дозора, сопровождения и противолодочной обороны' (1918 г.). Оно обозначает также 'солдата-патрульного' (1919 г.), а также 'патрульный самолет' (1951 г., *patrouilleurs aériens*) [DHLF, 2, с. 2616]⁶; *tracteur* 'автомобиль, предназначенный для тяги; способный тянуть за собой; трактор' [Robert, с. 724] (XIX в.) ← *tracter* 'тянуть на прицепе' (от лат. *tractum*) + *-eur* [DHLF, 3, с. 3873]. В XX в. (1973–1974 гг.) в технической сфере появляются производные с элементом *tracto-*: *tractogruie n.f.*, *tractopelle n.f.* и др.

С помощью морфемного способа словообразования по модели «осн. глаг. + суф. *-eau*» образовано наименование *traîneau* 'транспортное средство с полозьями для скольжения по снегу; сани' [Robert, с. 725] (1549 г.) ← *traîner* 'тянуть' + *-eau*. В конце XVI в. слово обозначало также 'повозку на полозьях' [DHLF, 3, с. 3877].

Слово *brûlot* 'мор. устар. брандер, поджигательное судно' [Robert, с. 92] (1627 г.) образовано по модели «осн. глаг. + суф. *-ot*» от глагола *brul(er)* 'жечь; зажигать' + *-ot*.

Наименование *fardier* 'устар. телега для перевозки тяжелых грузов; ломовые дроги' [Robert, с. 286] (1776 г.) образовано по модели «осн. глаг. + суф. *-ier*» от глагола *fard(er)* 'загружать' + *-ier*.

Среди французских наименований встречаются морфемные дериваты, образованные от основы существительных с помощью суффикса + *-ier*: *thonier* 'судно для ловли тунца' [Robert, с. 713] (кон. XIX в.) ← *thon n. m* 'тунец' + *-ier*, *méthanier n. m.* 'танкер для перевозки сжиженного метана' [Robert, с. 456] (1960 г.) ← *méthan* 'метан' + *-ier* и др.

Наименование *bétaillère* 'транспортное средство (фургон) для перевозки скота' [Robert, с. 73] (1953 г.) образовано по модели «осн. сущ. + *-lère*» от *bétail* 'скот' + *-lère*.

Встречаются производные с суффиксом *-ette*, придающим значение 'небольшой': *camionette* 'легкий грузовой автомобиль' [Robert, с. 100], *charrette* 'тележка' [Robert, с. 118], *chenillette* 'воен. гусеничный транспортер; танкетка' [Robert, с. 120], *goélette* 'шхуна' [Robert, с. 331] и др.

Примером префиксального производного, созданного по модели «*contre-* + сущ.», является наименование *contre-torpilleur* 'военный корабль, созданный для сражений с торпедоносцами; эскадренный миноносец' [Robert, с. 152] (1890 г.) ← *contre-* + *torpilleur* 'миноносец'.

В образовании наименований транспортных средств во французском языке широко используются латинские и греческие элементы. Так, например, среди сложных наименований транспортных средств во французском языке выделяется группа слов, образованных с помощью латинского элемента *aer* 'связанный с воздухом, воздушный', который приобретает значение 'способный перемещаться в воздушном пространстве'. Появление данной серии наименований связано с развитием воздушной навигации, начиная от воздушных шаров (кон. XVIII в.) до новейших летательных аппаратов: *aérobuse* 'аэробус'; *aérodrome* 'летательный аппарат тяжелее воздуха'; *aéroglossier* 'транспортное средство на воздушной подушке'; *aéronef* 'летательный аппарат; воздушный корабль, самолет, вертолет'; *aéroplane* 'устар. или шутил. аэроплан, самолет'; *aérostate* 'аэростат, воздушный шар'; *aérotrein* 'однорельсовый поезд на воздушной подушке' и др.

Выделена также группа сложных наименований с элементом *hydro-* с греческого *hudôr* 'вода': *hydravion* 'гидросамолет'; *hydroglisseur* 'глиссер (с надводным винтом)'; *hydroptère* 'судно на подводных крыльях'. Технический термин *hydroptère* был создан в 1960 г. для замещения английского заимствования *hydrofoil* с тем же значением.

Встречаются наименования, образованные с помощью элемента *micro-* с греческого *mikros* 'маленький', 'небольшого размера'. С 1966 г. данный элемент конкурирует в словообразовании с элементом *mini-*: *microbus*, *minibus* 'микроавтобус'; *microtracteur* 'микротрактор'; *microvoiture* 'микроавтомобиль' и др.

Элемент *mono-*, часто используемый в сложных словах, также происходит от греческого *monos* от *monos* 'одинокый, единственный'. Он выражает идею 'уникальности, единственности'. Например, *monocoque* 'однокорпусное судно' [Robert, с. 467]; *monomoteur* 'одномоторный самолет' [Robert, с. 467]; *monoplace* 'одноместное транспортное средство' [Robert, с. 467] и др. Необходимо отметить, что большинство данных наименований выступают в роли субстантивированных прилагательных.

Латинские элементы *bi-* 'дву-, двух-' ← *bis* 'дважды' (указывающий на наличие двух частей, признаков и т.д.), *tri-* 'три', *quadri-* 'четыре' вошли в состав таких сложных наименований, как *bicyclette* 'велосипед' [Robert, с. 74]; *bimoteur* 'двухмоторный самолет' [Robert, с. 75]; *biréacteur* 'самолет с двумя реактивными двигателями; двухдвигательный реактивный самолет' [Robert, с. 76]; *tricycle* 'трехколесный велосипед (мотоцикл)' [Robert, с. 733]; *triporteur* 'трехколесный грузовой мотороллер' [Robert, с. 734]; *quadrimateur* 'четырёхмоторный самолет' [Robert, с. 589]; *quadriréacteur* 'четырёхдвигательный реактивный самолет' [Robert, с. 589] и др.

⁶ DHLF – Dictionnaire historique de la langue française. Sous la direction d'Alain Rey. – Dictionnaires Le Robert-Sejer, Paris, 2006. – Т.1 А–Е, 1381 p., Т.2 F–Pr, 2909 p., Т.3 Pr–Z, 4304 p.

Наименование *hélicoptère* ‘вертолет, вертолет’ было создано в 1861 г. с помощью греческих элементов *helix, ikos* ‘винт’ и *pteron* ‘крыло’. Кроме того, из сокращенной формы *hélico(ptère)* в XX в. появляются слова *hélicostat n. m.* ‘тип вертолета, который стабилизируется воздушным шаром’ по аналогии с *aérostat* ‘аэростат’, *hélicoptane* ‘автожир’, *heligrue (hélicoptère-grue)* ‘вертолет «летающий кран»’ [DHLF, 3, с. 1701] и др.

В XX в. появилось два термина с греческим элементом *para-* ‘рядом, вблизи’, который выражает идею смежности и близости в пространстве: *parachute* ‘парашют’ [Robert, с. 513], *parapente* ‘парашют для прыжка с горного склона’ [Robert, с. 514].

Название *vélocipède* ‘*устр.* велосипед; велосипед без передачи’ [Robert, с. 752] было образовано от латинского *velox (velocis)* ‘быстрый’ и *pes (pedis)* ‘нога’. Данное наименование в сокращенном виде *vélo n. m.* вошло в ряд производных слов, таких как *vélocross* ‘велосипед-вездеход’, *vélo-neige* ‘снежный велосипед; велосипед на лыжах’, *vélomoteur* ‘легкий мотоцикл’, *vélopousse* ‘велорикша’, *véloski* ‘скибоб’ и др.

Наименование *locomotive* в значении ‘паровоз, локомотив’ [Robert, с. 423], образованное в 1538 г. в результате субстантивации прилагательного *locomotif* (от лат. *locomotivum* ‘способность менять место, передвигаться’), сокращенное до элемента *loco-*, присутствует в таких производных, как *locotracteur* ‘тягач’, *locomobile* ‘локомобиль’, *locomoteur* ‘моторный вагон’ и *locomotrice* ‘локомотриса’ [Larousse, с. 2045].

С помощью греческих элементов *bathu-* ‘глубокий’ и *skaphê* ‘лодка, барка’ в 1946 г. было образовано наименование *bathyscaphe n. m.* ‘батискаф’ [Robert, с. 68].

Элемент *-plan* от латинского *planum* ‘плоскость’ входит в состав некоторых терминов авиации, например, *monoplan* ‘моноплан’ [Robert, с. 467]; *biplan* ‘биплан’ [Robert, с. 76] и др.

Префикс *semi-* со значением ‘полу...; наполовину’ присутствует в наименовании *semi-remorque* 1. ‘полуприцеп’; 2. ‘грузовик с таким полуприцепом’ [Robert, с. 658].

Наименования *sous-marin n. m.* ‘подводная лодка’ [Robert, с. 677] и *submersible n. m.* ‘подводная лодка; управляемый аппарат для подводных исследований’ [Robert, с. 685] образовались в начале XX в. в результате субстантивации соответствующих прилагательных *sous-marin* и *submersible* ‘подводный’.

Продуктивным элементом является *auto-* в значении ‘автомобильный’ от *automobile*: *autocar* ‘автобус (туристский; междугородный)’ [Robert, с. 53], *autopompe* ‘пожарный автомобиль’ [Robert, с. 54] и т. д.

Достаточно большое количество наименований транспортных средств образовано с помощью элемента *moto-* (→ *moteur*), который вносит значение ‘передвигающийся с помощью мотора’: *motocyclette* ‘*устр.* мотоцикл’ [Robert, с. 471]; *motomarine* ‘небольшой катер’ [Robert, с. 471]; *motoneige* ‘мотосани (на лыжно-гусеничном ходу)’ [Robert, с. 471] и др.

Во французской транспортной терминологии используется **словосложение**, в котором наиболее продуктивной словообразовательной моделью является **модель «сущ. + сущ.»**: *malle-poste* ‘*устр.* карета, которая доставляла депеши; почтовая карета’ [Robert, с. 436] (1793 г.) ← *malle* ‘карета’ + *poste* ‘почта’; *navire-hôpital* ‘судно для перевозки больных и раненых (напр. в воен. время)’ [Robert, с. 481] (1868 г.) ← *navire* ‘судно’ + *hôpital* ‘госпиталь’; *voiture-poste* ‘автомобиль почтовой службы’ [Robert, с. 768] (XX в.) ← *voiture* ‘автомобиль’ + *poste* ‘почта’ и т. п.

Путем сложения по **словообразовательной модели «осн. глаг. + сущ.»**, где в качестве первого компонента выступают глаголы *monter (remonter)* ‘поднимать’, *porter* ‘носить’ и *tirer* ‘тянуть’, а в качестве второго компонента существительные, обозначающие объект, на который направлено действие, образованы следующие наименования: *monte-charge* ‘грузовой подъемник, грузовой лифт’ [Robert, с. 468] (1862 г.) ← *monter* ‘поднимать’ + *charge* ‘груз, тяжесть’; *porte-avions* ‘военный корабль, на который могут приземляться самолеты; авианосец, авиаматка’ [Robert, с. 557] (1921 г.) ← *porte-* (← *porter* ‘носить’) + *avions* ‘самолеты’; *porte-conteneurs invar.* ‘судно-контейнеровоз’ [Robert, с. 557] (XX в.) ← *porte-* (← *porter* ‘носить’) + *conteneurs* ‘контейнеры’; *remonte-pente* ‘кабель для подъема горнолыжников на вершину склона; подъемник для горнолыжников’ [Robert, с. 617] (1941 г.) ← *remonte-* (← *remonter* ‘подниматься, поднимать’) + *pente* ‘склон’ и др.

Выявлено одно наименование, образованное с помощью **словообразовательной модели «осн. глаг. + осн. глаг.» (редупликация)**: *pousse-pousse* ‘коляска рикши’, ‘повозка, тележка для реклам, для доставки товаров на дом’ [Robert, с. 563].

Среди отобранных наименований выявлен один пример использования **словообразовательной модели «числит. + числит.»** (*quatre-quatre* ‘автомобиль с четырьмя ведущими колесами’ [Robert, с. 590] (1958 г.) образовано путем сложения числительных *quatre-* ‘четыре’ + *quatre-* ‘четыре’).

Среди наименований транспортных средств во французском языке выявлены сокращения, образованные путем **усечения конечной части слов (апкопа)**, например: *métro* 1. ‘подземная или воздушная железная дорога, которая связывает районы большого города и его пригород; совокупность оборудования, устройства данного вида транспорта’ *Сун.* (*устр.* или *админ. métropolitain*); 2. ‘поезд метро’ [Robert, с. 456] (1891 г.) ← *métropolitain* (1874 г.) ← сокр. от *chemin de fer métropolitain* (1873 г.). *Métropolitain* заимствовано как прил. (1294 г.) из лат. *metropolitanus* ‘столичный’ (IV в.). Возможно, *métro* заимствовано

из англ. *metropolitan railway* в значении ‘городская железная дорога’ (введена сначала в Лондоне, затем в Париже) [DHLF, 2, с. 2222]; *moto* ‘двухколесное транспортное средство, с мотором свыше 125 см³; мотоцикл’ [Robert, с. 456] (1898 г.) ← *motocyclette*; *taxi* ‘автомобиль, оснащенный счетчиком, который нанимают для переезда’ [Robert, с. 703] (1905 г.) ← *taximètre* 1. ‘таксометр, счетчик’; 2. ‘такси’ ← *taxi* (← греч. *taxis*) + *mètre*; *vélo* ‘велосипед’ [Robert, с. 752] (1879 г.) ← *vélocipède*.

Способом инициального сокращения, т.е. сокращения, составленного из начальных букв сокращаемого словосочетания, образованы следующие наименования транспортных средств: *OVNI* ‘аббревиатура, буквенное сокращение ‘неопознанный летающий объект; НЛО’ [Robert, с. 508] ← *objet volant non identifié* (калька с англ.-амер. *UFO* ‘unidentified flying object’ (1966 г.)). Сокращение *UFO* вошло во франц. язык в 1972 г., однако вскоре было заменено сокращением *OVNI* [DHLF, 2, с. 2514]; *SAMU invar.* ‘служба скорой помощи’ [Robert, с. 647] (XX в.) ← *service d’aide médicale d’urgence* ‘служба скорой помощи’; *TER* ‘региональный экспресс’ [Robert, с. 709] (XX в.) ← *Train express régional*; *TGV* ‘сверхскоростной поезд’ [Robert, с. 712] (XX в.) ← *Train à grande vitesse*; *ULM* ‘небольшой одноместный или двухместный самолет облегченной конструкции; ультралегкий самолет’ [Robert, с. 741] (1982 г.) ← буквенное сокращение от *ultraléger motorisé*; *VTT* ‘велосипед-внедорожник’ [Robert, с. 772] (1980 г.) ← *vélo tout-terrain* и др.

Примерами **сложносокращенных производных** являются следующие французские наименования: *autobus* ‘автомобильное транспортное средство для перевозки пассажиров в городах’ [Robert, с. 53] (1906 г.) ← *auto-* ‘авто-’ (от *auto(mobile)* ‘автомобиль’) + *bus* ‘автобус’ (сокращение от *omnibus*); *locomotrice* ‘тех. дизельный или электрический локомотив средней мощности’ [Robert, с. 423] (1949 г.) ← *loco-* (*locomotive*) + *motrice* ‘моторный вагон’ [DHLF, 2, с. 2045]; *téléski* ‘подъемник для горнолыжников; лыжный лифт’ [Robert, с. 705] (1935 г.) ← *télé-* (← *téléférique* ‘канатный, подвесной’) + *ski* ‘лыжи’.

Результатом **процесса универбации**, сопровождающейся субстантивацией прилагательного, являются следующие наименования: *bananier n. m.* ‘банановоз (судно)’ [Robert, с. 63] (1640 г.) ← *cargo bananier* ← прил. *bananier* ‘относящийся к бананам’; *locomotive n. f.* 1. ‘паровоз, локомотив, который тянет поезд’ (1845 г.), 2. ‘перен. тот или то, на чем все держится; движущая сила’ [Robert, с. 423] (1846 г.) ← *machine locomotive* ← прил. *locomotif* (1538 г.) ‘двигательный’ ← лат. *locomotivum* ‘способность сдвигаться с места, перемещаться’. Субстантив *locomotive* (1834 г.), образованный в результате эллипса словосочетания *machine locomotive*, сначала обозначал ‘паровую машину для буксировки’, а с развитием железных дорог вошел в употребление в значении ‘паровоз’. Сокращение *loco n. f.* ‘паровой, затем электрический локомотив’ устарело [DHLF, 2, с. 2045]; *remorqueur n. m.* ‘судно, предназначенное для буксировки; буксир’ [Robert, с. 618] ← *bateau à vapeur remorqueur* (1817 г.) ← прил. *remorqueur* ‘буксирный’ ← *remorquer* ‘буксировать, тянуть за собой’ + *-eur* [DHLF, 3, с. 3169]; *sous-marin n. m.* ‘подводная лодка’ [Robert, с. 677] (1907 г.) ← *navire sous-marin* (1875 г.) ← прил. *sous-marin* ‘подводный’ (1555 г.) [DHLF, 2, с. 2141]; *vapeur n. m.* ‘пароход’ ← *un bateau à vapeur* (1841 г.) и др.

Выводы. Среди выявленных 213 морфемных дериватов наибольшее количество образовано путем сложения (114 наименований), 42 наименования являются суффиксальными производными и 13 лексем образовано путем сокращения. Из 13 выявленных сокращенных наименований, 7 наименований образовано путем инициального сокращения и 6 – путем усечения конечной части слов. Среди французских наименований транспортных средств, образованных путем морфемной деривации, наиболее продуктивными словообразовательными моделями являются следующие: «осн. глаг. + суф. *-eur (-euse)*» и модель «осн. сущ. + *-ette*», встречаются производные, созданные по модели «осн. сущ. + *-ier*». Непродуктивными являются модели: «осн. глаг. + суф. *-ot*», «осн. глаг. + суф. *-ier*», «осн. глаг. + суф. *-eau*» и некоторые другие [1, с. 150].

Среди наименований транспортных средств распространены морфемные дериваты, в которых используются префиксы латинского и греческого происхождения: *trans-*, *hydro-*, *aero-*, *mono-*, *inter-*, *mini-*, *vélo-*, *semi-*, *bi-*, *tri-*, *quadri-* и др.

Во французской транспортной терминологии используется словосложение, в котором наиболее продуктивной словообразовательной моделью является модель «сущ. + сущ.», «осн. глаг. + сущ.». Непродуктивными моделями являются: «глаг. + глаг.» и «числит. + числит.».

Среди исследуемых наименований встречаются сокращения, образованные путем усечения конечной части слов, а также способом инициального сокращения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криворот, В.В. Закономерности номинации транспортных средств (на материале русского, английского и французского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В.В. Криворот ; Белор. гос. ун-т. – Минск, 2015 – 311 с.
2. Гак, В.Г. К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак // Языковая номинация (Общие вопросы) : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; редкол.: Б. А. Серебrenников (отв. ред.) [и др.]. – М., 1977. – С. 230–293.
3. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. – 768 с.

4. Уфимцева, А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А. А. Уфимцева. – 2-е изд. – М. : Либроком, 2010. – 88 с.
5. Кубрякова, Е.С. Теория номинации и словообразование / Е.С. Кубрякова. – 3-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 88 с.
6. Улуханов, И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка / И.С. Улуханов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Книжный дом «Либроком», 2010. – 320 с.
7. Улуханов, И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания И.С. Улуханов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – М. : Книжный дом «Либроком», 2012. – 264 с.
8. Словообразование в английском языке = Texts on English word formation : Хрестоматия по лексикологии английского языка / сост. З. А. Харитончик [и др.]. – Минск, МГЛУ, 2005. – 185 с.

Поступила 20.12.2017

MORPHEMIC DERIVATION AS ONE OF THE WAYS OF THE NOMINATION OF VEHICLES (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH AND FRENCH LANGUAGES)

V. KRIVOROT

The proposed article deals with the English and French names of vehicles, selected from the English dictionary "Cambridge Advanced Learner's Dictionary" (Cambridge University Press, 2012) and the dictionary of the French language "Le Robert" (Paris, 2012). Morphemic derivation is considered within the framework of the onomasiological approach as one of important ways of nomination. The purpose of this study is to present the basic models of morphemic derivation that are used in the nomination of vehicles in the studied languages, and to establish a quantitative correlation of models of morphemic derivation in English and French. The analysis of the selected vocabulary led to the conclusion that general language models of morphemic derivation, such as prefixation, suffixation, prefix-suffixation, zero suffixation, compound word formation, abbreviation and some others, are used in the nomination of vehicles in English and French. The specificity of this way of nominating vehicles in the languages lies in the models of their implementation and their quantitative ratio.

Keywords: *onomasiology, way of nomination, morphemic derivation, prefixation, suffixation, compound word formation, abbreviation.*

УДК 804.0–4

**СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЕ И СТИЛЕМОДИФИЦИРУЮЩИЕ ЧЕРТЫ
ФРАНЦУЗСКОГО СУДЕБНОГО КРАСНОРЕЧИЯ**

канд. филол. наук, доц. И.Г. ЛЕБЕДЕВА
(Минский государственный лингвистический университет)
inna_lebedzeva@tut.by

Произносительные стили представлены большим многообразием жанров. Каждый жанр обнаруживает как общие с другими стилеобразующие черты в рамках одного стиля, так и стилемодифицирующие отклонения, отличающие каждый конкретный жанр от другого. Исследуется судебное красноречие на французском языке. Описываются результаты исследования. Проводится анализ речи защиты и обвинения во время судебного процесса. Выявлено, что на сегментном уровне к стиледифференцирующим чертам судебного красноречия относится четкость произнесения слов. Компрессия текста, появление факультативных связываний модифицируют стиль. На просодическом уровне для судебного красноречия, как и других жанров высокого стиля, характерным является использование широкого мелодического интервала, резких контрастов между восходящим и нисходящим тонами внутри одной фразы, экспрессивной паузации и логической выделенности слов. Стилемодифицирующим фактором выступает темп речи, его ускорение и замедление связаны с разными тактиками воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: *стиль, просодия, темп, компрессия, нисходящий тон, восходящий тон, паузация, судебное красноречие.*

Введение. Говоря на родном языке, человек постоянно осуществляет выбор языковых средств в зависимости от ситуации общения. Речь, обращенная к ребенку, отлична от речи с пожилым человеком, выбор языковых средств начальника не совпадает с тем выбором, который реализует подчиненный, публичное выступление перед большой аудиторией разнится от беседы в непринужденной домашней обстановке. Таким образом, возникает стиль как разновидность языка в той или иной конкретной сфере общения [1, с. 12].

Над разработкой теории функциональных стилей в разное время трудился целый ряд известнейших ученых – В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, Р.И. Аванесов, Г.О. Винокур, М.В. Панов. Несмотря на большой вклад этих ученых в развитие теории стилистической дифференциации речи, вопрос о функциональных стилях еще не решен в полной мере. Разными лингвистами выделяется, как правило, различное количество функциональных стилей и вкладывается различное содержание в понятие конкретного стиля [1; 2, с. 85; 3; 4, р. 75–76].

Совокупность сегментных и просодических характеристик, используемых для выполнения определенных функций в конкретной сфере речевой деятельности, образует фонетический стиль [5]. Стилистическое варьирование речи обуславливается целым рядом факторов: социальным статусом говорящих, их количеством, степенью знакомства, социальной сферой общения, содержанием разговора, осознанием целей общения, формой коммуникации, степенью подготовленности. Традиционно выделяют три фоностилистических слоя: высокий, средний и простой [6, с. 34], или возвышенный, средний, разговорный (*langage soutenu, courant, familier*) [7].

По мнению Ю.М. Скребнева, среди факторов, влияющих на выбор говорящим языковых средств, следует различать стилеобразующие и стилемодифицирующие факторы [8]. Данное замечание позволяет находить в рамках одного фонетического стиля большое количество жанров. Так, франкоязычные лингвисты внутри одного произносительного стиля выделяют до 50 жанров [9]. Например, П. Леон и П. Батт в высоком стиле различают такие жанры, как выразительное чтение, политическое публичное выступление, судебное красноречие, проповедь, конференция, декламация поэтических текстов и т.д. [10, с. 98]. Обращает на себя внимание факт, что на сегментном уровне каждый из выделенных авторами жанров может иметь существенные отличия. Так, выразительное чтение и декламация поэтических текстов на французском языке, как правило, имеют минимальный уровень компрессии, отсутствие эллипса гласных и согласных, употребление значительного количества «украшающих» текст факультативных связываний. Представленное таким образом политическое выступление вызовет определенный внутренний протест у франкоязычной аудитории, создаст иллюзию, что выступающий политик превозносит себя над остальными и в тоже время морально устарел. Именно поэтому в публичных речах французских политиков количество традиционного факультативного связывания ограничено, кроме того, речь несколько «омолаживается» за счет эллипса, свойственного среднему произносительному стилю.

В исследованиях проблем функциональных стилей речи принято считать, что интонационные характеристики выступают стилеобразующим фактором [11], причем под интонацией понимается «сложный комплекс просодических элементов, включающих мелодику, ритм, интенсивность, темп, тембр и ло-

гическое ударение, служащий на уровне предложения для выражения как различных синтаксических значений, так и экспрессивных и эмоциональных коннотаций» [12, с. 181]. Как отмечает Е.В. Великая, «темп является важным стиледифференцирующим компонентом интонации. Его лингвистическая нагрузка состоит в выражении различной степени важности речевого отрезка для говорящего» [5, с. 19].

На наш взгляд, стилеобразующее значение темпа несколько преувеличено. Так, интересное исследование темпа речи было проведено во французском Орлеане К. Ристом [13]. Согласно представленным автором данным, наименьшим темпом речи отличается проповедь – 85 слов/мин. Политическое выступление имеет более быстрый темп – 120 слов/минуту. Средний и рекомендуемый темп чтения аудиокниг – 150–160 слов/мин. Средний темп речи политика в дебатах – 200 слов/мин, хотя в определенные моменты темп может значительно возрастать. В исследовании К. Риста отмечался порог 300 слов/мин, хотя автор считает 200 слов/мин наиболее приемлемым темпом для дебатов.

Согласно проведенному нами исследованию, темп декламации поэтических текстов также может быть разным. Так, чтение стихотворений патриотической направленности, как правило, характеризуется медленным темпом – до 100 слов/мин. В веселых, жизнерадостных стихах темп выше – 160 слов/мин. Кроме того, в нашем исследовании было выявлено, что темп чтения одного и того же стихотворения, начитанного в разные временные эпохи, существенно отличается: темп записей 60–70-х годов стихотворения «Пеликан» Ж. Превера – 100–110 слов/мин, современные записи характеризуют темп в 140–155 слов/мин. Из сказанного следует, что проблема стилеобразующих и стилемодифицирующих факторов остается дискуссионной до настоящего мнения. Кроме того, решение данного вопроса является возможным на уровне одного жанра, поскольку «стиль» представляет собой достаточно обширное понятие.

Основная часть. С целью выявления жанрообразующих и жанромодифицирующих факторов в качестве объекта исследования нами было выбрано судебное красноречие. Материалом исследования послужили записи документальных фильмов, представляющих судебные процессы в различных городах Франции.

Судебный дискурс, или судебное красноречие, представлено обвинительной, общественно-обвинительной, общественно-защитительной и самозащитительной речами [14]. Самозащитительные речи были исключены из нашего исследования, поскольку обвиняемые в большинстве случаев слабо владели литературной нормой, являлись носителями социолектов или иностранцами. Анализу подлежала лишь речь защиты и обвинения. Было проанализировано 10 защит и 10 обвинений. Они были записаны в графическом коде, а также проанализированы с помощью программ по обработке речевого сигнала «Praat» и «WaveSurfer».

Судебное красноречие – это особый вид красноречия, который позволяет представить истину и ложь с весьма противоречивых точек зрения [15]. Если исключить отдельные индивидуальные особенности, речь защиты и обвинения в целом обнаруживает ряд сходств. В качестве основной функции судебного красноречия выступает речевое воздействие, убеждение, с целью изменить мнение аудитории, склонить ее к выгодной для оратора точке зрения. Речь защиты направлена на убеждение судьи и присяжных, в ней выставляются напоказ позитивные моменты и сводятся до минимума негативные. Речь обвинения зеркально противоположна. Наличие одинаковых целей обуславливает сходство стилеобразующих характеристик сегментного и просодического уровней.

Принято считать, что универсальными сегментными характеристиками высокого стиля является четкость произношения и отсутствие компрессии. Согласно нашим наблюдениям, речь защиты и обвинения характеризуется четким и ясным произнесением слов. Отмечались случаи, когда обвинитель прибегал к использованию факультативного связывания, если требовалось отметить рецидив. Например: *Vous avez été condamné par le tribunal correctionnel de Rouen pour les faits identiques* ‘Вы привлекались к уголовной ответственности за подобные же дела’. Вместе с тем количество факультативных связываний было минимальным и строго обуславливалось необходимостью воздействия на аудиторию. Наряду с четким произнесением слов присутствовала компрессия, свойственная среднему стилю, а также незначительное количество ассимиляций. Например: *L’audience est reprise, veuillez vous asseoir. Alors, monsieur X, ce qui vous est reprocher, c’est d’avoir soustrait divers objets lors d’un cambriolage chez Mme M. On a trouvé sur place un tee-shirt qui n_e lui appartenait pas et sur lequel il y avait vos traces ADN. Vous dites qu’à cette époque-là, vous étiez sous l’emprise d’alcool, que ça ressemblait à votre manière de faire mais que vous n_e vous souvenez pas* ‘Слушание продолжается. Пожалуйста, садитесь. И так, господин X, вам вменяется в вину хищение вещей из квартиры г-жи М. На месте преступления была обнаружена майка, не принадлежавшая хозяйке, но на которой были следы вашей ДНК. Вы утверждаете, что в это время вы находились под воздействием алкоголя, что содеянное похоже на вашу манеру поведения, но что вы об этом не помните’. В данном случае судья манипулировала аудиторией: обращаясь только к обвиняемому, она напоминала окружающим суть дела. Наличие полного зала слушателей обусловило незначительное количество компрессии. В другом примере, где судья обращается непосредственно к обвиняемому количество компрессии большее: *Le 18 novembre, vous allez passer devant le juge, au tribunal correctionnel et voir*

ce que le juge va faire. Si vous voulez encore ajouter quelque chose [kɛlkʁoz] à votre audition ici, c'est maintenant [mɛ̃nɑ̃] '18 ноября вы предстанете перед судом, и судья примет решение. Если вы хотите что-нибудь добавить, сделайте это сейчас'.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что на сегментном уровне анализа четкое произношение слов является стиледифференцирующей чертой судебного красноречия, а компрессия текста и ассимиляция – стилемодифицирующей. В качестве стилемодифицирующей черты можно рассматривать использование факультативного связывания, хотя в обработанном нами материале его наличие или отсутствие, как правило, регулировалось семантически.

На просодическом уровне судебное красноречие характеризовалось темпом в 120–140 слов/мин в среднем, однако темп речи существенно изменялся в зависимости от эмоционального и интеллектуального воздействия на аудиторию. При эмоциональном воздействии темп речи мог возрастать до 250 слов/мин в обвинительной речи. Например: 264 слов/мин во фрагменте *Taisez-vous, l'auteur y en fait croire qu'il était armé* 'Помолчите, обвиняемый дал ясно понять, что был вооружен'. При интеллектуальном убеждении темп речи замедлялся. Например: 104 слов/мин во фрагменте *Et ce qui est grave, monsieur, c'est que le 10 mars 2009, monsieur, le Tribunal correctionnel du Charleroi vous a condamné à 30 mois d'emprisonnement ...* 'Ваше положение усугубляет то, что 10 марта 2009 суд Шарльруа вас уже приговаривал к 30 месячному заключению'. Замедление темпа происходило как за счет уменьшения скорости артикуляции, так и за счет появления пауз, например: *30 mois, donc /0,480 c| c'est en 2009 /0,450 c| vous avez recommencé délinqué /0,450 c| alors que vous étiez en pleine période probatoire* '30 месяцев, значит, |в 2009| вы снова взялись за старое, |несмотря на испытательный срок'. Как видно из нашего примера, прокурор при убеждении использует средние по продолжительности паузы, чтобы довести логическую цепочку до конца.

Таким образом, темп речи в судебном красноречии является скорее стилемодифицирующей чертой, поскольку его изменения связаны с разными тактиками воздействия на аудиторию. Наряду с этим использование экспрессивной паузации при аргументации можно рассматривать в качестве стиледифференцирующего средства.

В качестве стиледифференцирующего средства можно рассматривать чрезмерное использование логической выделенности в судебном дискурсе. Как показывает акустический анализ, контраст между выделенными слогами составлял порядка 14 dB и четко улавливался слушателем, кроме того, контраст усиливался за счет увеличения длительности первого в слове согласного. Например: *C'était inadmissible. Inadmissible!* 'Это недопустимо. Недопустимо!'. Логически выделенными чаще всего оказывались имена числительные и глаголы (46,7% и 20%). Количество логически выделенных наречий и имен прилагательных оставалось незначительным – 13,3%. Например: *Et ce qui est grave, monsieur, c'est que le 10 mars 2009, monsieur, le Tribunal correctionnel du Charleroi vous a condamné à 30 mois d'emprisonnement ...* 'Ваше положение усугубляет то, что 10 марта 2009 суд Шарльруа вас уже приговаривал к 30 месячному заключению'. Преобладание глаголов среди логически выделенных числительных вполне закономерно, поскольку это позволяет как нельзя лучше манипулировать аудиторией.

Еще одним просодическим средством, отличающим судебное красноречие, выступают тональные изменения. К стиледифференцирующим факторам следует отнести наличие широкого мелодического интервала, а также создание тональных контрастов (смена резко нисходящего и восходящего тона) внутри одной фразы (рис. 1).

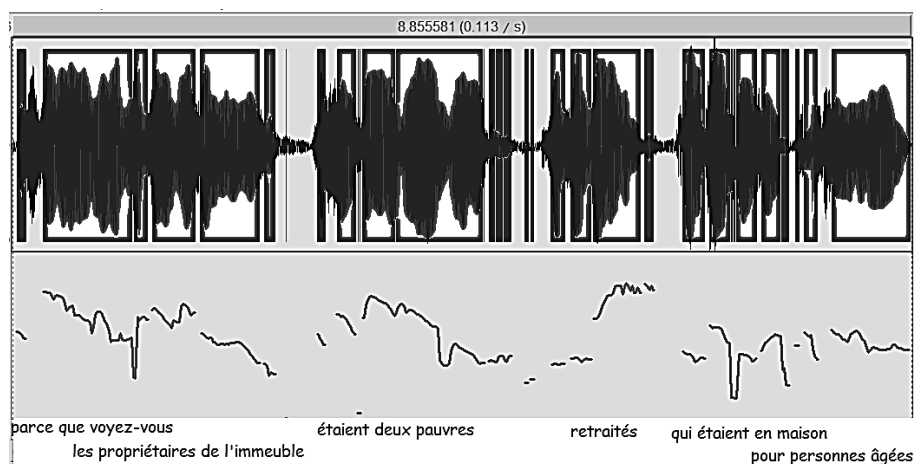

Рисунок 1. – Пример использования широкого интервала и тональных контрастов в обвинительной речи:
'Потому что, как видите↓, собственниками↑ дома являлись два бедных↓ пенсионера↑, которые находились↓ в доме для престарелых'

Обращает на себя внимание специфика функционирования терминального тона в судебном красноречии. В ходе нашего исследования мы предложили произнести фразу *Vous avez quand même été dans la maison* 'Вы тем не менее находились в доме (имеется ввиду на месте преступления)' трем носителям французского языка и сравнили ее терминальный тон в реализации обвинителя во время судебных прений. Как видно из рисунка 2, тон не заинтересованных в эмоциональном воздействии дикторов нисходящий. Терминальный тон в речи обвинения более сложный. Благодаря такой структуре создаются контрасты между одной частью фразы на фоне других и внимание аудитории невольно приковывается к этой, важной с точки зрения говорящего части.

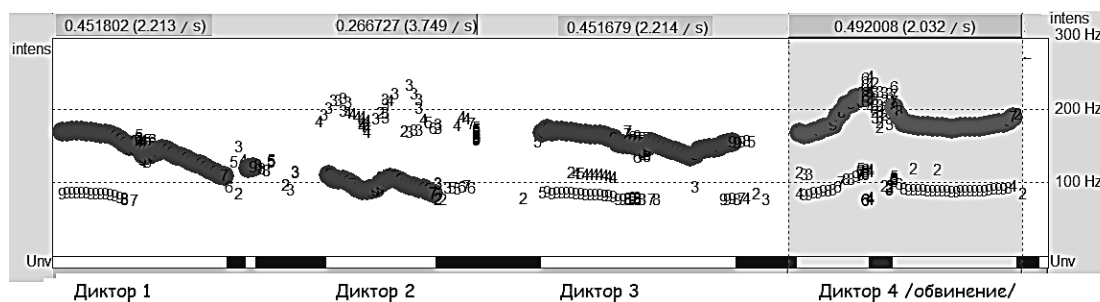

Рисунок 2. – Терминальный тон фразы *Vous avez quand même été dans la maison* 'Вы тем не менее находились в доме'

Следует заметить, что особой структурой характеризовался терминальный тон вопросов. С одной стороны, отмечалось использование облегченных синтаксических моделей в допросах обвинением, что делало вопрос предельно понятным для восприятия и обвиняемым, и аудиторией. С другой стороны, модификация терминального тона (сначала резкое восхождение, а затем небольшой спуск) создавало подтекст, позволяющий представить обвиняемого весьма для него невыгодно. Например: *Et vous avez volé des bijoux?* 'И вы украли драгоценности?' *Vous vous droguez?* 'Вы колаетесь?' *Qu'est-ce que vous faites dans la vie?* 'Чем вы занимаетесь в жизни?'

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Традиционно выделяемые высокий, средний и простой произносительные стили представлены большим многообразием жанров. Каждый жанр обнаруживает общие с другими черты в рамках одного стиля. Эти черты следует считать стилеобразующими. Наряду с этим в рамках жанра существуют отклонения, отличающие один жанр от других, – это стилемодифицирующие черты. Модификации каждого отдельного стиля можно выявить только через анализ отдельных жанров.

2. Судебное красноречие является жанром высокого стиля. Стилеобразующие черты наиболее четко отслеживаются в обвинительной, общественно-обвинительной, общественно-защитительной речах, поскольку они реализуются людьми со схожим культурным уровнем и имеющих схожие установки. Самозащитительная речь может содержать в себе значительное количество модификаций, что связано с личностными качествами обвиняемых. Каждый раз она реализуется людьми, получившими разное образование, выросшими в различной социальной среде, кроме того, во время судебного процесса ими могут двигаться различные мотивы и личные амбиции.

3. Сходство в статусе и конечных целях у обвинения и защиты обуславливает подобие стилеобразующих характеристик сегментного и просодического уровней.

4. К стиледифференцирующим чертам судебного красноречия на сегментном уровне следует отнести четкость и внятность артикуляции. Стилемодифицирующими чертами следует считать наличие компрессии текста и ассимиляций, которые приближают судебный дискурс к среднему произносительному стилю. Стилемодифицирующей чертой судебного красноречия на французском языке можно считать появление факультативных связываний в отдельных конкретных случаях, где их реализация порождала дополнительные коннотативные оттенки, необходимые говорящему для манипуляции сознанием слушающих.

5. На просодическом уровне стиледифференцирующими следует считать прежде всего мелодические особенности судебного красноречия на французском языке, такие как наличие широкого мелодического интервала, а также создание тональных контрастов нисходящего и восходящего тонов внутри одной фразы. Стиледифференцирующими являются использование логической выделенности и экспрессивной паузации при аргументации. К стилемодифицирующим факторам следует отнести темп речи, так как его ускорение и замедление связаны с разными тактиками воздействия на аудиторию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов, Р.И. Русское произношение / Р.И. Аванесов. – М. : Просвещение, 1984. – 383 с.

2. Щерба, Л.В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским / Л.В. Щерба. – 5-е изд. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1955. – 312 с.
3. Гайдучик, С.М. Фоностилистика в стилистической системе языка / С.М. Гайдучик // Экспериментальная фонетика. – Минск, 1975. – С. 65–78.
4. Fouché, P. Traité de prononciation française / P. Fouché. – Paris : Klincksieck, 1959. – 528 p.
5. Великая, Е.В. Просодия в стилевой дифференциации языка / Е.В. Великая. – М. : Прометей, 2009. – 256 с.
6. Колесникова, Э. Введение в теорию риторики / Э. Колесникова. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 160 с.
7. Traverso, V. L'analyse des conversations / V. Traverso. – Paris: Nathan, 1999. – 128 p.
8. Скребнев, Ю.М. Языковая и субязыковая норма / Ю.М. Скребнев // Нормы реализации. Варьирование языковых средств : межвуз. сб. науч. трудов. – Горький : Горьковский гос. педагог. ин-т иностранных языков им. Н.А. Добролюбова, 1984. – С. 161–170.
9. Chartrand, S.-G. Caractéristiques de 50 genres pour développer les compétences langagières en français / S.-G. Chartrand, J. Émery-Bruneau, K. Sénéchal. – Québec : Didactica, s.é.f, 2015. – 72 p.
10. Léon, P.R. Structure du français moderne: introduction à l'analyse linguistique / P.R. Léon, P. Bhatt. – Toronto : Canadian Scholars' Press, 2009. – 382 p.
11. Родионова, О.С. Интонационная подсистема – компонент системы языка / О.С. Родионова. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2001. – 132 с.
12. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
13. Rist, C. 200 mots à la minute : le débit oral des médias / C. Rist // Communication et langages. – 1999. – Vol. 119/1. – P. 66–75.
14. Карпук, Г.В. Контактуюстанавливающая функция языка в судебном дискурсе (на материале выступлений русских и американских адвокатов) : дис. ... канд. филол. Наук : 10.02.19 / Г.В. Карпук ; МГЛУ. – Минск, 2006. – 115 с.
15. Molinié, G. Dictionnaire de rhétorique / G. Molinié. – Paris : Librairie générale française, 1992. – 352 p.

Поступила 28.11.2017

STYLE-FORMING AND STYLE-MODIFYING FACTORS IN THE FRENCH LEGAL ELOQUENCE

I. LEBEDZEVA

The styles of pronunciation are presented by a big diversity of genres. Every genre possesses features which are common for all other genres of this style. These features form the style. The genre has some features which form deviations and differs him from all the others. These features modify the style. Deviations distinguishes every genre one of the others. This article examines the legal eloquence in French. We describe search results; we analyze the speech of defense and the charge during the trial in the court. It is established that at the segmental level the neatness of the pronunciation is a feature which forms the high style and the legal eloquence including. The possibility of reducing the text, of adding, if it is necessary, optional connections, modifies the style and forms the genre. At the prosodic level, the legal eloquence is characterized by the use of a very wide melodic interval, numerous contrasts very marked between tones, meaning breaks and emphatic accents. These features form the style. The flow of the legal eloquence is connected with tactics of influence on the audience. This feature differs the legal eloquence genre of all the others.

Keywords: style, prosody, tempo, compression, descending tone, rising tone, pausation, legal eloquence.

УДК 808.56:001.11:811.161.1

РЕЧЕАКТОВАЯ ДИНАМИКА НАУЧНОГО ДИСКУРСА

канд. филол. наук, доц. О.Н. ЧАЛОВА

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины)

oksana-chalova@mail.ru

Представлены результаты исследования, посвященного выявлению полного диапазона речевых действий, формирующих такой жанр научного дискурса, как устная научная дискуссия. Материалом исследования послужили стенограммы современных устных научных дискуссий по различным дисциплинам. Показано, что весь спектр представленных в научной дискуссии высказываний можно объединить в рамках четырех основных типов – репрезентативные, интеррогативные, оценочные и директивные, каждый из которых имеет целый ряд функциональных и прочих разновидностей, способных употребляться как самостоятельно, так и в сочетании друг с другом.

Ключевые слова: научный дискурс, научная дискуссия, речевой акт, репрезентатив, вопрос, оценочность, директив.

Введение. Научный дискурс регулярно и плодотворно исследуется с разных точек зрения представителями ряда направлений лингвистического анализа, в том числе и прагмалингвистики [1–3 и др.], которая концентрируется на изучении следующих сторон научной коммуникации: **тактико-стратегической** (связанной с особенностями языковой реализации речевых стратегий и тактик, формирующих научное общение), **категориальной** (сопряженной с нюансами лексико-синтаксической актуализации таких функционально-семантико-стилистических категорий, как авторизация, адресация, интертекстуальность, оценочность, экспрессивность и др.), **метакоммуникативной** (касающейся аспектов функционирования явлений метатекста, составляющих научный дискурс), **речеактовой** (соотносящейся со спецификой использования в научных жанрах различных типов высказываний) и некоторых других.

В фокусе нашего исследования, осуществляемого в рамках обозначенного (лингвопрагматического) направления, находится вопрос **речеактового** оформления научной коммуникации, решение которого может способствовать расширению и углублению наших представлений об общей коммуникативно-прагматической структуре научного дискурса, проникновению в глубинные основы управления речевыми процессами, пониманию механизма возникновения и активизации научного общения.

Хотя речеактовая интерпретационная стратегия весьма активно применяется для изучения феномена научной речи [4–6 и др.], в лингвистических работах по соответствующему профилю наблюдается некоторая односторонность ее использования: так, основное внимание приверженцев речеактового изыскательного ракурса сосредоточивается, как правило, на отдельных типах высказываний, обнаруживаемых в научных произведениях, например на интеррогативных или оценочных, в то время как в лингвистике уже давно назрела необходимость комплексного подхода к трактовке речеактовой организации научной коммуникации, что подразумевает рассмотрение всего многообразия типов и подтипов вербальных актов, представленных в научной речи, в их единстве, а также учет характера их взаимодействия.

В связи с этим **цель** настоящего исследования состоит в выявлении полного спектра речевых действий, формирующих научный дискурс, и их типологической систематизации.

На наш взгляд, из всех жанров научного общения наибольшим речеактовым разнообразием обладает **устная научная дискуссия**, под которой понимается разновидность профессиональной речи ученых, разворачивающаяся в форме диалога на конференциях, семинарах, симпозиумах и других научных форумах после выступлений докладчика. Специфический характер научной дискуссии, проявляющийся в целом ряде особых свойств (прежде всего диалогических и аксиологических), обуславливает ее уникальное (по сравнению с письменными жанрами научного дискурса) речеактовое оформление, заслуживающее пристального внимания.

Данное обстоятельство и предопределило выбор научной дискуссии в качестве объекта настоящего анализа, согласно результатам которого, научный диалог характеризуется наличием всех основных разновидностей речевых действий, а именно **репрезентативных, вопросительных, оценочных и директивных**, каждый из которых имеет несколько функциональных и других вариантов.

Основаниям подробнее на особенностях их реализации.

Основная часть.**Репрезентативные речевые действия**

Высокоинформативный характер научного дискурса, в том числе и научного диалога, предполагает активное функционирование в нем репрезентативных высказываний, употребляемых с целью конста-

тации и обоснования определенного положения дел, предоставления запрашиваемых сведений, а также аргументирования или уточнения конкретной научной позиции.

Формальная (синтаксическая) однородность и прагматическая типичность данного вида речевых действий компенсируются в научной дискуссии широким разнообразием их функциональных вариантов, к числу которых целесообразно относить следующие:

– **позиционирующие репрезентативы** – содержащие ссылку на собственный опыт, знания, наблюдения и употребляющиеся с целью констатации авторского видения проблемы, артикуляции своего мнения (*На мой взгляд, это очень опасное явление*);

– **экзамплифицирующие** – связанные с приведением всевозможных примеров, цифровых сведений, иллюстрирующих определенное положение дел (*Бурятия, например, может взаимодействовать с Красноярском по определенным видам производства и услуг, с Новосибирском <...>*);

– **апеллирующие** – предполагающие обращение к мнению специалистов, заслуживающих безусловного доверия, к авторитетным изданиям, общепризнанным теориям для подтверждения или опровержения релевантной идеи (*Мне очень важно обратиться к названному тексту Георгия Петровича <...>. Здесь блестяще показана эта процедура освоения другого и включения его в контекст и в тело самой методологической парадигматики <...>*);

– **компаративные** – подразумевающие сопоставление научных точек зрения, гипотез и т.д., их локализацию в конкретном интертекстуальном поле (*У Георгия Петровича Щедровицкого схематизация имела еще один, отличный от кантовского, смысл*);

– **дефиниционные** – включающие определения рассматриваемых понятий и ориентированные на разработку соответствующего терминологического аппарата (*Держать рамку означает сквозь нее просматривать всю систему*);

– **уточняющие** – поясняющие и конкретизирующие свою исследовательскую позицию, чтобы предотвратить возможность неверного истолкования ее сути, устранить потенциальные затруднения лингвистического и нелингвистического характера и под. (*Я поясню на примере схемы мыследеятельности <...>*);

– **интенсифицирующие** – акцентирующие внимание на сообщении, подчеркивающие основную мысль высказывания (*Я хотел подчеркнуть то движение, которое в феноменологии называется феноменологической редукцией*);

– **обобщающие** – резюмирующие сказанное, формулирующие финальные или промежуточные выводы (*Из этого всего следует вывод, что дробление и дифференциация науки обуславливается не строением объекта, а формами социального разделения и социальной организации мышления и деятельности*);

– **дополняющие** – содержащие добавочные сведения, позволяющие по-новому оценить обсуждаемое, взглянуть на факты под другим углом (*Я хотел еще добавить, что информация, которую мы будем обсуждать, и решения, которые мы будем принимать, будут освещаться в печатных органах, и в Интернете, даже в первую очередь в Интернете <...>*).

Можно выделить и другие разновидности репрезентативов, представленных в научной диалогической коммуникации (например, редактирующие, корректирующие, квалифицирующие, прогнозирующие и др.), но и обозначенных вполне достаточно, чтобы увидеть, во-первых, их зачастую метакоммуникативную природу (то есть направленность на комментирование сообщаемого) и, во-вторых, их способность соответствовать всем качествам научной речи (максимальной содержательной насыщенности, логичности, связности и проч.) и принципам конструктивного общения (сотрудничества, взаимопонимания, уважения позиции оппонента и т.д.).

Вопросительные речевые действия

Неотъемлемым атрибутом научного дискурса является его ярко выраженная **интеррогативность**, которую справедливо констатировала и блестяще обосновала еще Н.К. Рябцева [7].

Понятно, что в изучаемом жанре научного дискурса (научной дискуссии), протекающем в режиме постоянного реплицирования, категория интеррогативности играет особую роль: она связана не только с выражением потребности в определенных сведениях, но и отвечает за перераспределение речевой инициативы, регулярную смену говорящего, своевременный переход слова от одного участника речевого взаимодействия к другому.

Согласно результатам нашего исследования, интеррогативная направленность научной дискуссии проявляется в широкой представленности самых разных типов вопросов: функциональных, синтаксических и др.

К функциональным типам вопросительных высказываний в научном диалоге имеет смысл причислять **справочные вопросы** и **вопросы-апелляции**. Если первые нацелены на получение объективной информации об определенном положении дел (*Больные находились в стационаре или лечение*

проводилось амбулаторно?), то вторые представляют собой обращение к модусу мнения собеседника (Как Вы думаете? Как Вы считаете? Какие-нибудь соображения? Что Вы предлагаете?).

Как справочные вопросы, так и вопросы-апелляции могут носить уточняющий, дополняющий и переспрашивающий характер и, таким образом, отличаться видовым разнообразием. **Уточнения** содержат своего рода предположения, догадку относительно намерений оппонента (*То есть они не входят в проект? Вы имеете в виду, что были выделены какие-то приоритетные угрозы, требующие определенных актуальных действий? Можно все-таки уточнить, что должно быть сделано в самой задаче?*), а задача последнего фактически сводится к подтверждению или опровержению высказываемой гипотезы. **Дополняющие интеррогативы** запрашивают добавочные сведения, необходимые для прояснения позиции собеседника, решения коммуникативной проблемы и закрытия диалогического единства (*Что Вы все-таки хотите сказать? Можно в одной реплике?*). Основная же прагматическая функция **переспросов** заключается в побуждении говорящего к «повторному воспроизведению высказывания или его части в случае возникновения затруднений в восприятии формы сообщаемого» [8, с. 119] (*Вы сказали, что эта идея эксплуатировалась и раньше, или я ослышался?*).

Как и в любом диалоге, в научной диалогической коммуникации вопросы отличаются не только своими прагматическими функциями, но и формой и имеют такие синтаксические разновидности, как **общие** (*Существует ли доказательство того, что изменения в трансмембранном рецепторном белке могут модифицировать синоптическую конфигурацию?*), **частные** (*В чем состоит суть этой исследовательской позиции?*), **альтернативные** (*Вы сейчас о чем говорили, об общем образовании или о профессиональном?*) и **разделительные** (*Серия публикаций, да?*). Высокоинформативный характер научной дискуссии предполагает, что ответ на каждый из синтаксических типов вопросов должен быть максимально содержательным, то есть полностью удовлетворяющим коммуникативные интересы спрашивающего. При этом степень информативности ответа не имеет прямых корреляций со степенью его развернутости. Это означает, что даже односложный ответ в научном диалоге может целиком оправдывать информационные ожидания собеседника и, следовательно, являться в полной мере информативным (*Сколько их было? – Три. В нем был воздух? – Нет*).

Помимо функционального и синтаксического параметров, можно выделить и другие критерии классификации интеррогативов, задействованных в научной дискуссии, в частности критерий «способность осуществлять тот или иной способ регуляции речевой инициативы» (о способах регулирования инициативы см. подробнее [9, с. 214–219]).

С точки зрения данного параметра, вопросительные высказывания в изучаемом жанре общения следует подразделять на несколько разновидностей: 1) **передающие** инициативу, то есть активизирующие речь слушающего (*А как Вы думаете? А какое Ваше мнение? Так ведь?*); 2) способствующие **взятию** инициативы в свои руки (*Можно я попробую изложить некую интерпретацию конструкции и задано поставить вопрос?*); 3) осуществляющие **отказ** от инициативы, то есть демонстрирующие нежелание/неспособность говорящего высказаться по соответствующему поводу или указывающие на отсутствие необходимости отвечать самому (*Может быть, вместо меня кто-то другой ответит на этот вопрос?*); 4) **отстраняющие** от инициативы – сдерживающие речевой ход говорящего (*Можно, Вы позже попытаетесь ответить?*).

Очевидно, что наиболее распространенной разновидностью интеррогативов в научном диалоге являются вопросы, **передающие** речевую инициативу, так как они направлены на продолжение и налаживание контакта между партнерами в процессе научного общения, ориентированы на организацию непротиворечивой реализации общей коммуникативной цели вербального взаимодействия.

Таким образом, вопросительные акты речи в научном диалоге играют исключительно важную роль: обеспечивают адекватное истолкование смысла высказываний, интенций и исследовательской позиции оппонента, разрешают затруднения лингвистического (соотносящиеся с устройством языка – разного рода лексической и синтаксической неоднозначностью) и нелингвистического (сопряженных, например, с различиями в установках, запасе знаний участников речевого взаимодействия) порядка. Кроме того, они осуществляют контроль над речевой инициативой, сигнализируют о стремлении участников наладить, но иногда и прервать коммуникативный контакт.

Оценочные речевые действия

В рамках настоящей статьи в качестве **оценочных (аксиологических) речевых действий** трактуются высказывания, выражающие позитивное или негативное отношение к исследовательской позиции оппонента, его научным воззрениям или отдельным репликам и т.п.

На наш взгляд, все представленные в научной дискуссии оценочные действия можно классифицировать с опорой на несколько критериев: 1) векторная направленность оценки, 2) способ выражения оценки и 3) степень кооперативности.

В соответствии с **первым критерием** («векторная направленность оценки»), оценочные высказывания в научной дискуссии предлагается подразделять на **позитивнооценочные** – представляющие со-

бой одобрительный комментарий взглядов оппонента (*Мне очень понравилась одна замечательная идея Бориса Васильевича*), **отрицательнооценочные** – содержащие неодобрение изыскательного мнения собеседника (*Что касается этики – с этим я не могу не согласиться. Вы выхватываете фрагменты. Речь идет не о прямом навязывании, а о куда более тонких механизмах. В конце концов, почитайте Фуко*), и **смешанные** – сочетающие в себе позитивную и негативную оценки (*Да, но Гуревич был мотором, он туда ездил*).

Самым востребованным видом аксиологических реплик в научной дискуссии являются сообщения с элементами негативной оценки, так как именно критика имеет первостепенное значение для организации речевого взаимодействия, в том смысле что она (наряду с вопросами) побуждает речевого партнера взять слово и высказаться по соответствующему поводу и служит, таким образом, одним из главных средств вовлечения коммуникантов в диалог, а следовательно, выступает ведущим способом его активизации и развития.

Согласно **второму критерию** («способ выражения оценки»), оценочные высказывания дифференцируются на **прямые** – выражающие оценку эксплицитным образом (*Что вы ерунду говорите? Это весьма своевременный и красивый вопрос*), и **косвенные** – содержащие имплицитную критику или похвалу, например под видом непонимания: (1): *Только я не понимаю, почему ты называешь это следами*. – (2): *Достижения*. В приведенном диалогическом фрагменте первая реплика, осуществляющая мониторинг эпистемического состояния коммуниканта, свидетельствует скорее о несогласии говорящего с позицией оппонента использовать термин «следы», чем о собственно непонимании. К подобному выводу позволяет прийти наличие второй реплики, в которой оппонент корректирует свой ответ, чем подтверждает справедливость замечания собеседника.

По нашим наблюдениям, в научной дискуссии позитивная оценка обычно имеет эксплицитное выражение, в то время как негативная – либо используется в имплицитном/замаскированном виде (см. пример выше), либо употребляется в смягченной форме (например, в сочетании с указанием на возможную ошибочность критического замечания: *Я не уверен, что слово «результат» является вполне уместным в том контексте, который имеется в виду в данном разговоре*), либо предваряется инициальной похвалой (*Хотя это очень красивый текст, и я с удовольствием Вас слушал, многое нужно как-то доказывать*). Подобное стремление избегать резких оценок и деинтенсифицировать критику в научном диалоге обусловлено необходимостью соблюдения принципов вежливого общения.

Введение **третьего критерия** («степень кооперативности») позволяет различать в научной дискуссии **кооперативную** оценку (языковое оформление которой отвечает требованиям конструктивного взаимодействия) и **некооперативную** (лингвистическая актуализация которой не соответствует максимум такта). Если позитивнооценочные реплики в научном диалоге всегда носят кооперативный характер, то отрицательнооценочные высказывания могут отступать от принципов кооперации Г.П. Грайса (*И идите вы со своими нормами в определенном направлении*). Конечно, подобное невежливое поведение по отношению к речевому партнеру наблюдается в изучаемом типе коммуникации предельно редко, что обусловлено нормами институциональной коммуникации, а если и встречается, то только на научных форумах определенного формата, а именно на научных семинарах, состав участников которого постоянен, и коммуниканты давно и достаточно хорошо знают друг друга лично. Так или иначе, периодические нарушения кодекса научного общения имеют место в научной дискуссии и составляют ее уникальность, выделяя научный диалог из ряда других жанров научного дискурса и делают его привлекательным объектом лингвистического анализа.

Таким образом, оценочные речевые действия в научной дискуссии характеризуются широкой представленностью, очевидным видовым разнообразием и специфическим статусом, обусловленным той исключительно значимой ролью, которую они выполняют в научном диалоге – активизируют речевое взаимодействие (негативнооценочные реплики) и придают ему особый колорит (некооперативная оценка).

Директивные речевые акты

Директивные речевые акты в научной дискуссии представляют собой высказывания, характеризующиеся наличием глагола в повелительном наклонении и выражающие побуждение. Это может быть побуждение как к вербальному действию (*Скажите, пожалуйста, с вашей точки зрения методология имеет какое-нибудь отношение к управлению, и если да, то какое*), так и к невербальному (*Покажите мне его [методолога]. Я не видел*).

Наибольшее распространение в рассматриваемом речевом жанре получили директивные акты, призывающие собеседника именно к вербальной активности, на основе которой и строится научный диалог. Такие директивы сближаются по своим функциям с вопросительными высказываниями, однако используются в научном диалоге не так часто, как вопросы, что, по-видимому, обусловлено их зачастую ультимативным и безапелляционным характером.

Таким образом, из всех разновидностей речевых актов наиболее типичными для научной дискуссии являются следующие: **репрезентативные** (придающие научному общению содержательную насы-

шенность), *вопросительные* (служащие главным средством вовлечения коммуникантов в диалог) и *негативнооценочные* (обеспечивающие то «минимальное "напряжение" между адресантом и адресатом, наличие которого необходимо для возникновения речевого взаимодействия» [10, с. 182]), причем эти речевые действия функционируют в научной коммуникации как самостоятельно, так и в комбинации друг с другом с целью усиления определенного коммуникативного эффекта или решения сразу нескольких прагматических задач.

Заключение. Научная дискуссия обладает огромным речеактовым потенциалом, задающим такие ее свойства, как высокая информативность, интеррогативность и ярко выраженная полемическая направленность, каждое из которых реализуется в научном диалоге посредством функциональных, структурно-синтаксических и других типов и видов высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Задворная, Е.Г. Виды научной дискуссии и их прагматические характеристики / Е.Г. Задворная // *Стиль : междунар. науч. журн.* – 2008. – № 8. – С. 213–224.
2. Кожина, М.Н. Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста / М.Н. Кожина // *Стилистика научного текста (общие параметры) : в 2 ч.* – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. – Ч. 2. – С. 124–195.
3. Кучугурная, Е.А. Глаголы речевой деятельности как средство реализации прагматических характеристик научного текста : на материале русского и испанского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.А. Кучугурная. – Минск, 2009. – 144 л.
4. Александрова, Н.А. Об оценке в научной дискуссии / Н.А. Александрова // *Общие и частные проблемы функциональных стилей : сб. ст. / АН СССР, каф. иностр. яз. ; под ред. М.Я. Цвиллинг.* – М. : Наука, 1986. – С. 153–158.
5. Маслова, Л.Н. Выражение согласия /несогласия в устной научной коммуникации : гендерный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л.Н. Маслова. – М., 2007. – 192 л.
6. Милянчук, Н.С. Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.С. Милянчук. – Владивосток, 2005. – 214 л.
7. Рябцева, Н.К. Интеррогативность научного языка / Н.К. Рябцева // *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / Н.Д. Арутюнова (отв. ред.).* – М. : Наука, 1989. – С. 241–258.
8. Гафт, Р.И. Диалогические реакции как отражение восприятия речевого акта / Р.И. Гафт // *Диалоговое взаимодействие в представлении знаний : сб. науч. тр. / Акад. наук СССР. Сибир. отдел. ; под ред. А.С. Нариньяни.* – Новосибирск : Изд-во Акад. наук СССР. Сибир. отдел. Вычислительный центр, 1985. – С. 110–126.
9. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 4-е изд. – М. : УРСС, 2006. – 288 с.
10. Юдина, Т. В. Политическая дискуссия как разновидность диалогической речи / Т. В. Юдина // *Речь в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах : сб. ст. / АН СССР, каф. иностр. яз. ; под ред. М. Я. Цвиллинг.* – М. : Наука, 1991. – С. 182–186.

Поступила 20.12.2017

THE SPEECH-ACT DYNAMICS OF SCIENTIFIC DISCOURSE

O. CHALOVA

The article presents the results of the research devoted to the problem of speech-act potential of scientific discussion as a genre of scientific discourse. The investigation is based on transcripts of modern academic discussions in different subjects. As our observations suggest, all verbal actions used in a scientific dialogue can be divided into four main types – representative, interrogative, axiological and directive speech acts – each of which has a number of pragmatic and other subtypes, able to function both on their own and in combination with one another.

Keywords: *scientific discourse, academic discussion, speech act, representative, question, axiology, directive.*

УДК 81'282:811.161.3

**ТЫПЫ ФРАЗЕАЛАГІЧНЫХ ДЫЯЛЕКТЫЗМАЎ З АНАМАСТЫЧНЫМ КАМПАНАНТАМ
У БЕЛАРУСКАЙ ДЫЯЛЕКТНАЙ МОВЕ****Н.А. ЛЕЎЧАНКА***(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. Я. Купалы)**Natalia-alex21@yandex.ru*

На матэрыяле беларускіх гаворак разглядаюцца дыялектныя фразеалагізмы з кампанентам – уласным імем. Вылучаюцца асноўныя тыпы беларускіх фразеалагічных дыялектызмаў, паказваецца іх адрозненне ад літаратурных эквівалентаў. Адзначаецца, што развіццё фразеалагічных дыялектызмаў абумоўлена лінгвістычнымі і экстралінгвістычнымі фактарамі.

Ключавыя словы: *фразеалагізм, анамастычны кампанент, дыялектны варыянт, фразеалагічны дыялектызм, літаратурны фразеалагічны адпаведнік.*

Уводзіны. Адною з прымет фразеалагізма з'яўляецца ўстойлівасць, якая прадугледжвае «пастаянства замацаванага за ім зместу, кампанентнага складу і структуры» [1, с. 5]. Тым не менш у дыялектнай мове зафіксаваны мадыфікацыі аднаго і таго ж фразеалагізма на фанетычным, лексічным, марфалагічным і сінтаксічным узроўнях, якія праяўляюцца ў вар'іраванні формы, кампанентнага складу і зместу.

У сучасным мовазнаўстве не існуе агульнага пункту гледжання адносна таго, ці варта прызнаваць варыянтамі рэгіянальныя відазмяненні агульнанародных фразеалагізмаў. Так, паводле сцвярджэння Г.В. Баброўскай, «дыялектныя фразеалагічныя варыянты можна кваліфікаваць як розныя рэалізацыі агульнанародных фразеасемантычных мадэляў» [2, с. 13].

На думку Л.І. Райзензона, памылковым з'яўляецца разгляд дыялектных фразеалагізмаў у якасці варыянтаў агульнанародных выразаў: «...пра варыянтнасць гаварыць тут няма падстаў, таму што ў народных гаворках нярэдка ствараюцца свае асобныя фразеалагічныя адзінкі, якія ў адносінах да адпаведных агульнанародных фразеалагічных адзінак з'яўляюцца паралельнымі, незалежнымі ўтварэннямі» [3, с. 46].

Існуе яшчэ адно тлумачэнне дыялектна-літаратурных варыянтных адносін фразеалагізмаў. Так, М.А. Даніловіч адзначае, што дыялектныя выразы, якія маюць літаратурныя эквіваленты, «у маштабе ўсёй нацыянальнай мовы як сістэмы можна (з пэўнай доляй умоўнасці) назваць варыянтнымі» [4, с. 16].

Многія даследчыкі адзначаюць, што варыянтнасць дыялектнай фразеалогіі ў параўнанні з варыянтнасцю фразеалогіі літаратурнай мовы больш адметная і разнастайная [5, с. 3; 4; 6].

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца класіфікацыя і характарыстыка дыялектных фразеалагізмаў з анамастычным кампанентам з пункту гледжання іх адносін да фразеалогіі беларускай літаратурнай мовы.

Аб'ектам даследавання з'явіліся 170 беларускіх фразеалагізмаў з анамастычным кампанентам, а таксама з кампанентам *Бог* і кампанентам-ад'ектонімам, выяўленыя метадам суцэльнай выбаркі з фразеалагічных і лексічных слоўнікаў беларускай дыялектнай мовы, фальклорных і лінгвістычных зборнікаў, картатэкі «Фразеалагічны слоўнік Гродзеншчыны».

Асноўная частка. Варта спыніцца на вызначэнні тэрміна «дыялектны фразеалагізм». М.А. Даніловіч слушна адзначае, што памылковым з'яўляецца разуменне пад дыялектнымі фразеалагізмамі толькі тых выразаў, у складзе якіх ёсць дыялектнае слова ці дыялектнае значэнне слова [7, с. 56]. Пад тэрмінам «дыялектны фразеалагізм» неабходна разумець устойлівы зварот, які пашыраны на пэўнай дыялектнай тэрыторыі і адсутнічае ў такой форме ці значэнні ў літаратурнай мове [4, с. 16].

Пры параўнанні дыялектных фразеалагізмаў з фразеалогіяй літаратурнай мовы яны набываюць статус фразеалагічных дыялектызмаў. Вылучэнне фразеалагічнага дыялектызма ажыццяўляецца на падставе яго супастаўлення з устойлівым зваротам, які прыняты «ў адпаведнасці з нормай за ўзор» [8, с. 35] і выступае «інварыянтам пры тых ці іншых змяненнях» [9, с. 82].

Такім узорным інварыянтам мэтазгодна лічыць літаратурны фразеалагізм. «У слоўніках літаратурнай мовы цытаты пісьменнікаў выконваюць вызначальную ролю, таму што менавіта майстры літаратуры ў першую чаргу вызначаюць нормы літаратурнага словаўжывання», – піша Б.А. Ларын [10, с. 149].

Супастаўленне фразеалагічнага матэрыялу беларускіх гаворак з літаратурнымі выразамі «ажыццяўляецца не толькі для канстатацыі факта адрознення паміж імі, але, галоўным чынам, для таго, каб глыбей пранікнуцца ў дыялектны матэрыял з мэтай апісаць і прааналізаваць адзначаныя адрозненні» [11, с. 7].

Першая спроба класіфікацыі фразеалагічных дыялектызмаў была здзейснена І.Я. Лепешавым. Даследчык вылучыў асобныя разнавіднасці такіх дыялектызмаў [12, с. 226–227].

М.А. Даніловіч прапанаваў удакладненую класіфікацыйную схему, якая, на думку даследчыка, «здолына ахапіць усе разнавіднасці фразеалагічных дыялектызмаў, якія бытуюць у гаворках» [4, с. 19]. Згодна з ёю ў гэтым артыкуле вылучаюцца наступныя тыпы фразеалагічных дыялектызмаў: фразеалагічна-фанетычныя, фразеалагічна-словаўтваральныя, фразеалагічна-марфалагічныя, фразеалагічна-лексічныя, фразеалагічна-семантычныя, канструкцыйна-колькасныя і камбінаваныя фразеалагічныя дыялектызмы. Не разглядаюцца ў артыкуле ўласнафразеалагічныя дыялектызмы: яны не ўступаюць з літаратурнымі фразеалагізмамі ў варыянтныя адносіны, з’яўляюцца самастойнымі ўтварэннямі і заслугоўваюць асобнага вывучэння.

Фразеалагічна-фанетычныя дыялектызмы (17 адзінак, што складае 10% ад агульнай колькасці прааналізаваных фразеалагічных дыялектызмаў з уласным імем) – выразы, якія бытуюць на пэўнай тэрыторыі і пры захаванні дэнататыўна-канататыўнай тоеснасці адрозніваюцца ад літаратурных адпаведнікаў фанетычна: асобнымі гукамі, месцам націску ў кампанентах ці тым і другім адначасова [13, с. 67]. Так, фразеалагізм *іван-да-мар’я* са значэннем ‘братаўка; невялікая расліна з жоўтымі кветачкамі з сінім верхам’ (РСТС¹) разыходзіцца з суадносным літаратурным зваротам *іван-ды-мар’я* асобным гукамі. Падамо яшчэ некалькі прыкладаў гукавога несупадзення ў кампанентах: *імець бога ў сэрцы* ‘быць спагдлівым’ (НМ²) – *мець бога ў сэрцы* (тут і далей у супастаўляльнай пары першым падаецца дыялектны варыянт, а другім – літаратурны эквівалент, зафіксаваны ў наступных слоўніках беларускай літаратурнай фразеалогіі: СФ-1³, СФ-2⁴, ФСМК⁵, СФМК⁶, ЭСФ⁷); *німа чаго бога гнявіць* ‘няма прычын жаліцца на лёс’ (ФСМК⁸) – *няма чаго бога гнявіць*; (хай будэ) *як Сёра казала* ‘так, як каму-н. хочацца’ (БД-3⁹) – (няхай будэ) *як Сора казала*; *збіцца з панталыгу* ‘забытацца’ (СкНМ-1993¹⁰), *збіцца з панталыгі* (МСГВ¹¹, ППФВ¹²) – *збіцца з панталыку*.

Узнікненне фразеалагічна-фанетычных дыялектызмаў можна растлумачыць рознымі прычынамі.

Па-першае, «гукавыя заканамернасці дыялекту вызначаюць спецыфіку формы кожнага канкрэтнага фразеалагізма пры параўнанні яго з адпаведнымі формамі ў іншых дыялектных сістэмах і літаратурнай мове» [13, с. 67]. У гаворках Гродзеншчыны зафіксаваны выраз *хай буг крэя* <чаго> ‘выказванне перасцярогі ад чаго-н. непажаданага’ (варыянт літаратурнага *хай Бог крые*): *Усё пражылося, хай Бух крэя. Ні давалі жыць. Норму далі вельку. Прышлі гэтыя вызваліцелі, як налажылі падат... Шурычы Свісл. Хай Бух крэя, як жылі. Пасля вайны была бянота, адналічно жылі, лён абівалі, пралі. Вострава Зэльв. (ДМГ¹³). Вышэйзгаданы фразеалагічна-фанетычны дыялектызм ілюструе такія фанетычныя асаблівасці беларускіх гаворак, як вымаўленне [у] на месцы [о] і недысіміляцыйнае яканне.*

Праілюструем яшчэ некаторыя фанетычныя асаблівасці гаворак, якія знайшлі адбітак у дыялектных фразеалагізмах з анамастычным кампанентам: няпоўнае недысіміляцыйнае аканне, тыповое для гродзенска-баранавіцкай і часткова сярэднебеларускіх груп гаворак (*пайсці да Абрама на ніво* (Fed.¹⁴) –

¹ РСТС – Раслінны свет: тэматычны слоўнік / склад. В.Д. Астрэйка [і інш.] ; навук. рэд. Л.П. Кунцэвіч, А.А. Крывіцкі. – Мінск: Беларуская навука, 2001. – 655 с.

² НМ – Юрчанка, Г.Ф. Народнае мудраслоўе: слоўнік / Г.Ф. Юрчанка. – Мінск: Бел. навука, 2002. – 319 с.

³ СФ-1 – Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – 2-ое выд., дапоўн. і выпр. – Мінск: Беларуская Энцыкл., 2008. – Т. 1: А–Л. – 672 с.

⁴ СФ-2 – Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – 2-ое выд., дапоўн. і выпр. – Мінск: Беларуская Энцыкл., 2008. – Т. 2: М–Я. – 704 с.

⁵ ФСМК – Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Якуба Коласа: звыш 6000 слоўн. арт. / уклад. А.С. Аксамітаў [і інш.] ; пад рэд. А.С. Аксамітава. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 655 с.

⁶ СФМК – Ляшчынская, В.А. Слоўнік фразеалагізмаў мовы твораў Янкі Купалы / В.А. Ляшчынская, З.У. Шведова; М-ва адукац. РБ, Гомельскі дзярж. ун-т ім. Францыска Скарыны. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2007. – 312 с.

⁷ ЭСФ – Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І.Я. Лепешаў. – Мінск: Беларуская Энцыкл., 2004. – 448 с.

⁸ ФСК – Зайка, А. Фразеалагічны слоўнік Косаўшчыны / А. Зайка. – Брэст: Брэсцкая друкарня, 2014. – 308 с.

⁹ БД-3 – Беларуская дыялекталогія: матэрыялы і даследаванні: зб. навук. арт. / Нац. акад. навук, Цэнтр даследаванняў бел. культуры, мовы і літаратуры, Філіял "Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы"; рэдкал.: В.М. Курцова, Л.П. Кунцэвіч. – Мінск: Беларуская навука, 2014. – Вып. 3. – 304 с.

¹⁰ СкНМ-1993 – Цыхун, А.П. Скарбы народнай мовы (з лексічнай спадчыны насельнікаў Гродзенскага раёна) / А.П. Цыхун. – Гродна: ГрДУ, 1993. – 243 с.

¹¹ МСГВ – Сцяшквіч, Т.Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці / рэд. Ю.Ф. Мацкевіч, М.А. Жыдовіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972. – 620 с.

¹² ППФВ – Сцяшквіч, Т.Ф. Прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы, выслоўі народных гаворак Гродзенскай вобласці / Т.Ф. Сцяшквіч; Гродзенскі дзярж. пед. ін-т імя Янкі Купалы. – Гродна, 1968. – 75 с.

¹³ ДМГ – Дыялектная мова Гродзеншчыны: хрэстаматэя / аўт.-склад.: М.А. Даніловіч, Н.К. Памецька. – Гродна: ГрДУ, 2007. – 260 с.

¹⁴ Fed. – Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej / Michał Federowski. – Warszawa, 1935. – Т. 4. – 490 с.

пайсці да Абрама на півя; шклянога бога бачыць (КФСГ¹⁵) – шклянога бога бачыць, на божаой пасцелі (ФСК) – на божаой пасцелі); зацвярдзенне некаторых зычных у брэска-пінскай групе гаворак (ек Марко пу пэклу (ДСБ¹⁶) – як Марка на пекле).

Па-другое, фанетычныя дыялектна-літаратурныя несупадзенні могуць быць выкліканы наяўнасцю ў структуры фразеалагізма слоў іншамоўнага паходжання. Так, у дыялектным фразеалагізме (зарабіць) як *Заблоці на мыдля* ‘зусім нічога, ніколько ці амаль нічога, ніколько не зарабіць’ змяненне назоўнікавага кампанента *мыдля* выклікана ўплывам польскай мовы (спалучэнне *dł* на месцы *l*): *Гэты гот вазілі прадаваць парасяты аж у Табарышкі, але зарабілі як Заблоці на мыдля*. Лысая Гара Ашм.¹⁷ (КФСГ). Такая рыса фанетычнай сістэмы польскай мовы, як спалучэнне галосных з насавымі зычнымі на месцы насавога *a*, адзначаецца ў выразе як у *хваробе святэго Левантэго* ‘вельмі моцна (дрыжаць, трэсціся); ад страху, хвалявання ці холаду’ (СДФГ¹⁸) – як у *хваробе святога Лявэнтага*. Такім чынам, фанетычныя асаблівасці ў фразеалагізмах могуць мець пазафразеалагічны характар, г.зн. «яны развіліся ў фанетычнай ці лексічнай сістэмах і адтуль трапілі ў фразеалагізмы, надаючы апошнім дыялектную афарбоўку» [13, с. 67].

Фразеалагічна-словаўтваральныя дыялектызмы (10 фразеалагізмаў, або 6%) адрозніваюцца ад літаратурных адпаведнікаў марфемна-словаўтваральнай структурай кампанентаў. Так, суфіксальныя разыходжанні кампанентаў фразеалагізмаў зафіксаваны ў наступных прыкладах: *на боскай пасцелі* ‘на смяротным ложку’ (СПЗБ¹⁹, Fed.) – *на божаой пасцелі*; як *ксьндз Магдулі* ‘вельмі добра (дагадзіць каму-н.)’ (В²⁰) – (дагадзіць) як *ксьндз Магдусі*.

Выяўлены і прэфіксальныя разыходжанні кампанентаў дыялектных і літаратурных фразеалагізмаў: *падзеля Бога* (СПЗБ) – *дзеля Бога*, (зарабіць) як *Блоці на мыле* (Зай.²¹) – як *Заблоці на мыле*.

Найбольшай словаўтваральнай варыянтнасцю ў фразеалагічных дыялектызмах з анамастычным кампанентам характарызуюцца назоўнікі. Як адзначае І.М. Хлусевіч, «назоўнікавы кампанент у складзе многіх фразеалагізмаў можа нарматыўна выкарыстоўвацца з памяншальна-ласкавымі суфіксамі» [14, с. 57]. Напрыклад, выраз *ні Богу свечка ні чорту качарэжка* са значэннем ‘пасрэдны чалавек, які нічым не вызначаецца’ (СДФГ) у літаратурнай мове мае раўназначны адпаведнік *ні Богу свечка ні чорту качарга*. Тут дыялектны фразеалагізм адрозніваецца ад літаратурнага дэмініватыўным суфіксам -к.

Прыметнікі займаюць другое месца пасля назоўнікаў у фармаванні фразеалагічна-словаўтваральных дыялектызмаў з анамастычным кампанентам. Зафіксаваны суфіксальныя разыходжанні ў наступных літаратурна-дыялектных паралелях: *Божа міленькі* (Fed.) – *Божа мілы*, *божава кароўка* (СПЗБ) – *божая кароўка*.

Фразеалагічна-марфалагічныя дыялектызмы (14 фразеалагізмаў, або 8%) супадаюць з літаратурнымі адпаведнікамі семантычна, але характарызуюцца іншымі, чым у літаратурнай мове, марфалагічнымі (склонавымі, лікавымі, асабовымі) формамі кампанентаў [5, с. 6]. Як зазначае Л.А. Івашка, «здольнасць фразеалагізма вар’іравацца вызначаецца граматычнай сістэмай гаворкі» [6, с. 68].

Разгледзім спачатку прыклады, у якіх марфалагічнае адрозненне зыходзіць ад назоўнікавага кампанента.

Так, родавыя несупадзенні могуць быць абумоўлены дзеяннем аналогіі [15, с. 68]. Прыкладам можа служыць фразеалагізм *садома і гамора* (СкНМ-2014²²) – *садом і гамора*, у якім першы кампанент набыў канчатак -а пад уплывам форм жаночага роду.

Па мадэлі эмацыянальна-экспрэсіўных форм, характэрных для дыялектнага маўлення (тыпу *дзеткі, дзетачкі, мамачкі* і г.д.), адзначана іншая, чым у літаратурным выразе, лікавая форма назоўнікавага кампанента ў фразеалагічна-марфалагічным дыялектызме *Божачкі мае* ‘выказванне розных пачуццяў’ –

¹⁵ КФСГ – Картатэка “Фразеалагічны слоўнік гаворак Гродзеншчыны”, складзеная М. А. Даніловічам.

¹⁶ ДСБ – Дыялектны слоўнік Брэстчыны / склад. М.М. Аляхновіч [і інш.] ; рэд. Г.М. Малажай, Ф.Д. Клімчук. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – 294 с.

¹⁷ Ашм. – Ашмянскі; Зэльв. – Зэльвенскі; Іўеў. – Іўеўскі; Маст. – Мастоўскі; Мсцісл. – Мсціслаўскі; Шчуч. – Шчучынскі.

¹⁸ СДФГ – Даніловіч, М.А. Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны / М.А. Даніловіч. – Гродна : Гродз. дзярж. ун-т, 2000. – 267 с.

¹⁹ СПЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. / уклад. Ю.Ф. Мацкевіч, А.І. Грынавецкене, Я.М. Рамановіч [і інш.] ; рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. – Мінск : Навука і тэхніка. – 1979–1986. – Т. 1–5. – 512 с., 728 с., 536 с., 616 с., 563 с.

²⁰ В – Выслоўі / Акадэмія навук Беларускай ССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклора ; рэдкал.: В.К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 520 с.

²¹ Зай. – Зайка, А. Прыказкі і прымаўкі, жарты і каламбуры, прыгаворкі і языкаломкі, вясельныя прыгаворы пры дзяльбе каравай, вітанні і зычэнні, ветлівыя і ласкавыя выразы, засцярогі і прысяганы, праклёны і адкляці, жартоўныя праклёны і дражнілкі-кепікі, зневажанні і параўнанні, прыкметы народнага календара з Косаўшчыны / Алесь Зайка. – Мінск : Тэхналогія, 2015. – 286 с.

²² СкНМ-2014 – Цыхун, А.П. Скарбы народнай мовы (з лексічнай спадчыны насельнікаў Гродзенскага раёну) / А.П. Цыхун. – Гародня : Гарадзенская бібліятэка, 2014. – 243 с.

варыянт літаратурнага *божачка мой*: *Аднаму пагада – і ўсё праўда, другому – праўда. А Божачкі ж мае, так кожную картачку і перазнала*. Лаздуны Іўеў. (ДМГ, НС²³).

Несупадзенні склонавых канчаткаў, што адлюстроўваюць варыянтнасць у марфалагічнай сістэме гаворак, назіраюцца ў наступных фразеалагізмах: (ганяць) *як Марка на пекле* (СДФГ), *як Марка на пеклу* (СМН²⁴, Ляц.²⁵, ВКС²⁶, Юрч.-3²⁷, В) – *як Марку на пекле*; (блукацца) *як Марка на пеклу* (ВКС) – (хадзіць, блукаць, сноўдацца і пад.) *як Марка на пекле*; *як Заблоцкі на мылі* (Fed.) – (зарабіць, выручыць, выгадаць і пад.) *як Заблоцкі на мыле*.

Варыянтнасць прыметнікавага кампанента зафіксавана ў фразеалагізме *Божы кароўка* (ТС-1²⁸) – *божыя кароўка*, у якім выкарыстоўваецца сцягнутая форма прыметніка ў назоўным склоне. Гэтая марфалагічная асаблівасць з’яўляецца прыкметнай дыялектнай рысай беларускага паўднёва-заходняга дыялекту [4, с. 41].

Дыялектна-літаратурныя адрозненні дзеяслоўнага кампанента знаходзім у структуры дыялектнага фразеалагізма *да Масквы ракам не пераставіць* са значэннем ‘вельмі многа’ (СДФГ), дзе ўжываецца інфінітыўная форма. У літаратурным адпаведніку *да Масквы ракам не пераставіш* выкарыстана форма 2 асобы будучага простага часу.

Адметнай марфалагічнай асаблівасцю паўночна-заходняй дыялектнай зоны з’яўляецца ўжыванне дзеепрыслоўяў закончанага трывання ў выказніках [16, с. 221]: *у Бога цяля ўкраўшы* (КФСГ) – *у Бога цяля ўкраў*.

Адносна нешматлікую групу складаюць *фразеалагічна-сінтаксічныя дыялектызмы* (7 фразеалагізмаў, або 4%), якія, у параўнанні з фразеалагізмамі літаратурнай мовы, характарызуюцца змяненнем сінтаксічных сувязяў і адносін, парадку слоў-кампанентаў пры захаванні тоеснаснасці плана зместу. Так, у выразе *паехаў да Рыгі* са значэннем ‘званіталася каго-н., звычайна пры моцным ап’яненні’ (Fed.) – *ездзіў у Рыгу* сінтаксічныя адрозненні дыялектнага і літаратурнага фразеалагізмаў праяўляюцца ў несупадзенні прыназоўнікава-склонавых формаў кампанентаў. Несупадзенне тыпаў сказаў у дыялектна-літаратурных эквівалентах назіраецца ў фразеалагізме *Маскву відаць* (відно) ‘вельмі кіслае што-н.’ – *Масква відаць*: *Гэтыя яблыкі нісьпельны яшчэ, укусіш – Маскву відаць, а яны [дзеці] ні глядзяць, ужэ паўяблыні абабралі*. Бабіна Гродз. *Ну як парэчкі, ці ўкусныя? Мусяць, Маскву відаць?* Аздобічы Шчуч. (СДФГ).

Сінтаксічныя адрозненні дыялектнага і літаратурнага выказаў з анамастычным кампанентам могуць праяўляцца ў змяненні парадку слоў-кампанентаў (*Маскву паказаць* каму ‘падняць каго-н. (звычайна дзіця) угору, узяўшы за галаву далонямі да вушэй’ (СДФГ) – *паказваць* (*паказаць*) *Маскву*).

Падамо яшчэ некалькі прыкладаў фразеалагічна-сінтаксічных дыялектызмаў: *да Бога душою* (не вінаваты) (КФСГ) – *Богу душой* (не вінаваты), *ні к Богу ні к людзям* (Нос.²⁹) – *ні Богу ні людзям, Богом па-крыўджаны* (ФСК) – *бог пакрыўдзіў* каго-н.

Дастаткова прадстаўнічай выяўляецца група *фразеалагічна-лексічных дыялектызмаў* (46 фразеалагізмаў, што складае 27% ад агульнай колькасці фразеалагічных дыялектызмаў), якія адрозніваюцца ад літаратурных эквівалентаў цэлым словам-кампанентам. Абавязковай прыметай фразеалагічна-лексічнага дыялектызма з’яўляецца супадзенне яго семантыкі з семантыкай літаратурнай адзінкі параўнання.

Найчасцей вар’іруюцца назоўнікавыя і дзеяслоўныя кампаненты. Так, у складзе дыялектызма *як у Нёман кануў* ‘прапаў, знік, не паяўляецца куды-н.’ (варыянт літаратурнага *як у вяду кануў*) адбылася замена агульнага назоўніка ўласным: *Як пашла замуш, ні разочку дахаты ні было, як у Нёман канула*. Гудзевічы Маст. (СДФГ). Рускамоўны сінанімічны кампанент назіраецца ў варыянце *анюціны глазкі* ‘браткі; травяністая расліна з фіялетавымі, радзей белымі або рознакаляровымі кветкамі’ (СкНМ-2014, РСТС) – *анюціны вочкі*.

Вар’іравацца могуць больш як два назоўнікі, утвараючы шматкампанентны варыянтны рад: *ні Богу свечка ні чорту ожах* (*галавешка, кацуба, малітва, чапля*) (СДФГ), *ні Богу свечка ні чорту дуда* (Нос.) – *ні Богу свечка ні чорту качарга*.

²³ НС – Народныя скарбы: дыялектал. зб. (да 80-годдзя А. А. Крывіцкага) / Ін-т мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі; рэд. Л.П. Кунцэвіч. – Мінск: Права і эканоміка, 2008. – 388 с.

²⁴ СМН – Ліцвінка, В.Д. Слова міма не ляціць: Беларускія народныя прыказкі і прымаўкі / В.Д. Ліцвінка, Л.А. Царанкоў; навук. рэд. А.С. Фядосік. – Мінск: Універсітэцкае, 1985. – 149 с.

²⁵ Ляц. – Ляцкі, Е.А. Матэрыялы для изучения творчэства і быта беларусов. / Е.А. Ляцкі. – М., 1898. – Вып. 1. Пословицы, поговорки, загадки. – 63 с.

²⁶ ВКС – Каспяровіч, М.І. Віцебскі краёвы слоўнік: матар’ялы / М.І. Каспяровіч. – Віцебск, 1927. – 368 с.

²⁷ Юрч.-3 – Юрчанка, Г.Ф. Слова за слова: Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны / уклад. Г.Ф. Юрчанка; пад рэд. А.А. Крывіцкага. – Мінск: Навука і тэхніка, 1977. – 272 с.

²⁸ ТС-1 – Тураўскі слоўнік: у 5 т. / А.А. Крывіцкі [і інш.]; пад рэд. А. А. Крывіцкі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – Т. 1: А–Г. – 255 с.

²⁹ Нос. – Сборник белорусских пословиц, составленный И.И. Носовичем. – СПб, 1874. – 232 с.

Прыкметную групу складаюць «тыпалагічна падобныя» [7, с. 28] фразеалагічна-лексічныя дыялектызмы, якія разыходзяцца з суадноснымі літаратурнымі выразамі анамастычным кампанентам: *Хомка няверны* (Янк.-1979³⁰), *няверны Томаш* (СДФГ), *Томаш (Томаш) няверны* (ЗНФ³¹) ‘чалавек, якога цяжка прымусіць паверыць чаму-н.’ – *Фама няверны (няверуючы)*; (выскачыць, вырвацца) як *Раман з канпель* (В), як *Ясько з канпель* (ППФВ) ‘вельмі нечакана’ – як *Піліп з канпель*; (зарабіць, выйграць, вышаў) як *Гарэцікі на мыле* ‘нічога (не зарабіць)’ (В) – (зарабіць) як *Заблоцкі на мыле*. З дапамогай замены лексічнага кампанента рэалізуецца ўзмацненне і абнаўленне ўнутранай формы дыялектнага фразеалагізма.

Прыклады разыходжанняў дзеяслоўных кампанентаў у дыялектных і літаратурных фразеалагізмах: *чытаць Храпавіцкага* ‘моцна спаць, звычайна храпучы, пахрапваючы’ (СДФГ) – *задаваць (задаць) Храпавіцкага, звесці з панталыку* (СГВ³²) – *збіць з панталыку*.

Адзначым, што варыянтныя кампаненты могуць быць блізкімі па значэнні словам і ўваходзіць у адну лексіка-семантычную групу, напрыклад: *адвесіць перуноў* каму ‘накрычаць, насварыцца на каго-н’ (СДФГ) – *даваць (даць) перуноў, мець Бога ў жываце* ‘быць ляяльным, спагадлівым, чулым да каго-н.’ (СДФГ) – *мець бога ў сэрцы*.

Зрэдку ў структуры дыялектных выразаў адбываецца вар’іраванне адразу двух ці трох кампанентаў. Падамо прыклады без канкрэтызацыі значэнняў фразеалагізмаў: *дзе Макар цялят не пасе* (Fed.) – куды Макар цялят не ганяў; *Кузьма Грышку родны Фёдар* (СДФГ) – *Андрэй Кузьме родны (Хвёдар) Хведар; хай Бог адхіляе (адварочвае), хай Бог бароніць* (СДФГ) – *няхай (хай) бог крые (ратуе)*.

Неабходна зазначыць, што ўзнікненне фразеалагічна-лексічных дыялектызмаў можа павялічвацца за кошт выкарыстання рэгіянальных і іншамоўных слоў [4, с. 57]: *сцякляны бог* ‘бутэлька з алкагольным пітвом’ (НМ) – *шклянны бог; стрэж божа* ‘выказванне папярэджання, засцярогі ад чаго-н. нежаданага, недапушчальнага’ (ЗНФ) – *барані божа*.

Адносна прадстаўнічай выглядае група *канструкцыйна-колькасных фразеалагічных дыялектызмаў* (25 фразеалагізмаў, або 15%), сутнасць якіх у тым, што яны «бытуюць на пэўнай тэрыторыі і адрозніваюцца ад літаратурных пры тоеснасці значэнняў колькасцю кампанентаў» [4, с. 64].

Узнікненне канструкцыйна-колькасных фразеалагічных дыялектызмаў можа быць вынікам эліпсіса (скарачэння кампанентнага складу) або нарашчэння (павелічэння колькасці кампанентаў).

Скарачэнне фразеалагізма назіраем у наступным прыкладзе: *як за плячыма* ‘спакойна, ціха, без асаблівых клопатаў і трывог, з дастаткам (жыць)’ (СБНФ³³) – *як у Бога за плячыма*. Паводле меркавання В.М. Макіенкі, скарачэнне кампанентнага складу фразеалагізмаў з’яўляецца «адной з праяў прыняцця моўнай эканоміі, які ўласцівы ўсім узроўням мовы» [17, с. 79]. Акрамя гэтага, фразеалагічны эліпсіс «ілюструе багатыя выразныя магчымасці фразеалагізмаў» [18, с. 99], выконвае экспрэсіўную функцыю. Адсутнасць падобнага скарачэння ў фразеалагізмах літаратурнай мовы сведчыць «пра некаторае адставанне літаратурнай фразеалогіі ад дыялектнай у канкрэтных праявах свайго развіцця» [7, с. 57].

Шляхам нарашчэння ўтварыліся наступныя канструкцыйна-колькасныя дыялектызмы: *на Юр’я як рак свісна* ‘ніколі ці невядома калі’ (Fed.) – *як рак свісне; ні да танца ні да ружанца ні свенты Божа спеваць* ‘ні на што не здатны, няўмелы’ (СДФГ) – *ні да танца ні да ружанца; пабойся Бога і людзей* ‘май сумленне, злітуйся’ (ФСК) – *пабойся Бога; як Пятроў бот з левай нагі* ‘вельмі (дурны)’ (СДФГ) – *як бот з левай нагі*. Яны «на фоне звыклых агульнанародных адпаведнікаў выглядаюць свежа і арыгінальна» [7, с. 57].

У беларускіх гаворках зафіксаваны выразы *як рак на Лысай гары засвішча* і *як рак на Дамьянішкаўскай гары свісне* са значэннем ‘ніколі ці невядома калі’ (СДФГ) – *калі (як) рак <на гары> свісне*. Як бачым, пад рэгулярную факультатывнасць можа падпадаць анамастычны кампанент, які надае індывідуальную вобразнасць дыялектнаму фразеалагізму, ажыўляе яго ўнутраную форму.

Фразеалагічна-семантычныя дыялектызмы (11 адзінак, або 6%) выяўляюцца на падставе дыялектна-літаратурнага супастаўлення выразаў па «сэнсавых сферах» [8, с. 63] і характарызуюцца вар’іраваннем плана зместу пры тоеснасці структуры фразеалагізма.

Наяўнасць фразеалагічна-семантычных дыялектызмаў можа быць абумоўлена працэсам полісемантызацыі. Падамо некалькі прыкладаў дыялектна-літаратурных паралеляў: *дзякуй Богу* ‘выказванне радасці, задавальнення, палёгкі, супакою з якой-н. прычыны’ (ДСК³⁴) і 1) ‘вельмі добра’, 2) ‘вельмі добры’, 3) ‘вельмі многа чаго-н.’, 4) ‘выказванне радасці, задавальнення, палёгкі, супакою з якой-н. прычыны’; *Божа збаў* ‘выказванне папярэджання, засцярогі ад чаго-н. нежаданага, недапушчальнага’ (ФСК)

³⁰ Янк.-1979 – Янкоўскі, Ф. Яшчэ з народнай фразеалогіі / Ф. Янкоўскі, Т. Тамашэвіч, М. Аляхновіч // Слова, фразеалагізм і кантэкст : зб. арт. / М-ва асветы БССР, Мінскі дзярж. пед. ін-т ім. М. А. Горкага ; пад рэд. Ф. Янкоўскага. – Мінск, 1979. – С. 42–57.

³¹ ЗНФ – Лепешаў, І.Я. З народнай фразеалогіі : дыферэнцыяльны слоўнік / І.Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 1991. – 110 с.

³² СГВ – Сцяшковіч, Т.Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці / Т.Ф. Сцяшковіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 671 с.

³³ СБНФ – Мяцельская, Е.С. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі / Е.С. Мяцельская, Я.М. Камароўскі. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1972. – 320 с.

³⁴ ДСК – Зайка, А. Дыялектны слоўнік Косаўшчыны / А. Зайка. – Слонім : Слонімскае друкарня, 2011. – 272 с.

і 1) 'выказванне папярэджання, засцярогі ад чаго-н. нежаданага, недапушчальнага', 2) 'выка-званне рашучага адмаўлення чаго-н. або нязгоды з чым-н.'

Слушным, на наш погляд, з'яўляецца сцвярджэнне М.А. Даніловіча, што «звычайна той самы фразеалагізм у літаратурнай мове мае большую колькасць значэнняў, чым у канкрэтнай гаворцы... калі ж браць дыялектную мову ў цэлым, то полісемія ў ёй багацейшая за кошт сумарнай колькасці фразеалагічна-семантычных дыялектызмаў, спецыфічных у шматлікіх раёнах Беларусі» [4, с. 87–88].

Цікавым прыўленнем семантычных дыялектна-літаратурных адрозненняў выступае энантыясемія – з'яўленне ў адной моўнай адзінкі супрацьлеглага, антанімічнага значэння, якое можа выпяняць першапачатковае або суіснаваць з ім [19, с. 208]. Гэта выклікана «зместавай супрацьлегласцю адпаведных іх вобразаў» [20, с. 53]. Так, дыялектны фразеалагізм *як ксёндз Магдалене (Магдзе, Магдусі)* рэалізуе значэнне 'зусім не (дагадзіць каму-н.)' (СДФГ). У літаратурнай мове фразеалагізм вядомы з супраць-леглым значэннем: (дагадзіць) *як ксёндз Магдусі* 'вельмі добра (дагадзіць каму-н.)'. Дэнататыўная энантыясемія рэалізавана і ў наступным прыкладзе: *Богу душою* 'вельмі, ва ўсім (вінен)' (Fed.) – *Богу душою* 'зусім, абсалютна ні ў чым (не вінен)'

Пашыранай у беларускіх гаворках з'яўляецца група *камбінаваных фразеалагічных дыялектызмаў* (40 адзінак, або 24%), якія сумяшчаюць асаблівасці розных тыпаў раней разгледжаных дыялектызмаў. Так, выраз *пры царэ Гарошку, як было людзей трошкі* (В) адрозніваецца ад літаратурнага адпаведніка *пры цару Гарошу* склонавымі канчаткамі і суфіксамі кампанентаў-назоўнікаў, большай колькасцю кампанентаў, камбінуючы рысы фразеалагічна-словаўтваральнага, фразеалагічна-марфалагічнага і канструкцыйна-колькаснага дыялектызмаў.

Аналіз фактычнага матэрыялу паказаў, што ў большасці выпадкаў камбінавання фразеалагічных дыялектызмаў з анамастычным кампанентам канцэнтруюць у сабе два віды дыялектызмаў. Разгледзім некалькі камбінацый фразеалагічных дыялектызмаў:

1) фразеалагічна-фанетычны, фразеалагічна-марфалагічны і фразеалагічна-сінтаксічны: *Божгаго свету ні відно* (ДСК) – *свету божгага не відаць*;

2) фразеалагічна-фанетычны і фразеалагічна-лексічны: *бы в Хрыста за пазухю* (БД-3) – *як у Хрыста за пазухаю; збірацца да Абраама на госці* (СПЗБ-2) – *адпраўляцца (ісці, ехаць) да Абрама (да Абраама) на піва*;

3) фразеалагічна-фанетычны і фразеалагічна-семантычны: *дзенькуя Богу* 'вельмі добра' (НС) – *дзякуй богу* 1) 'вельмі добра', 2) 'вельмі добры', 3) 'вельмі многа чаго-н', 4) 'выказванне радасці, задавальнення, палёгкі, супакою з якой-небудзь прычыны'; *бронь (бруні, брынь) Божга* 'выказванне перасцярогі ад чаго-н. нежаданага' (НС) – *барані божга* 1) 'выказванне папярэджання, засцярогі ад чаго-н. нежаданага, недапушчальнага', 2) 'выказванне рашучага адмаўлення чаго-н. або нязгоды з чым-н.';

4) фразеалагічна-марфалагічны, фразеалагічна-сінтаксічны і фразеалагічна-лексічны: *Бог пецярым нёс, аднаму дастаўся* нос у каго 'вельмі вялікі' (ДСК) – *Бог семярым нёс ды аднаму дастаўся*; (зарабіць) *бы Броцкі на мылі* 'пратаргавацца' (СкНМ-2005³⁵) – (зарабіць) *як Заблоцкі на мыле*;

5) фразеалагічна-марфалагічны і фразеалагічна-лексічны: *за каралём гароховым* 'вельмі даўно, невядома калі' (СДФГ) – *за царом гарохам; дай Божга ножачкі* (ДМГ) – *дай бог ногі*;

6) фразеалагічна-сінтаксічны і фразеалагічна-лексічны: *як Марак у пекле* (СДФГ) – *як Марка па пекле, сустракацца (сустрэцца) з шкляным богам – бачыць (убачыць) шклянога бога* (ЗНФ).

Прыкметы трох тыпаў дыялектызмаў, напрыклад, фразеалагічна-фанетычнага, фразеалагічна-лексічнага, фразеалагічна-семантычнага зафіксаваны ў наступным выразе: *ні давядзі Госпадзі* 'выказванне ацэнкі, характарыстыкі чаго-н. звычайна з боку сілы, ступені' (ДСК) – *не давядзі Бог* 1) 'выказванне папярэджання, засцярогі ад чаго-н. нежаданага, недапушчальнага', 2) 'выказванне адзнакі, характарыстыкі чаго-н. звычайна з боку сілы, ступені і пад.'

Заклучэнне. Узнікненню і функцыянаванню розных тыпаў фразеалагічных дыялектызмаў садзейнічаюць такія фактары, як вусная форма існавання дыялектаў, адаптацыя да фанетычных і граматычных асаблівасцяў гаворак, тэндэнцыя да эканоміі моўных сродкаў, імкненне ўзмацніць эмацыянальна-экспрэсіўныя тэндэнцыі, абнаўленне ўнутранай формы фразеалагізма, іншамоўны ўплыў і інш. Як слушна адзначае Т.М. Федуленкава, «варыянтнасць у галіне фразеалогіі – гэта вынік праявы агульных моўных заканамернасцей, актуальных для ўсіх узроўняў мовы» [21, с. 63].

ЛІТАРАТУРА

1. Лепешаў, І.Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы : вучэб. дап. для студэнтаў філал. фак-таў ВНУ / І.Я. Лепешаў. – Мінск : Вышэйш. шк., 1998. – 271 с.

³⁵ СкНМ-2005 – Скарбы народнай мовы : дыялектал. зб. / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа ; рэд. Л.П. Кунцэвіч. – Мінск : Права і эканоміка, 2005. – 385 с.

2. Бобровская, Г.В. Системно-функциональное взаимодействие литературной и донской диалектной фраземики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Г.В. Бобровская ; Волгоградский гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2002. – 26 с.
3. Ройзензон, Л.И. Проблемы изучения диалектной фразеологии / Л.И. Ройзензон // Труды Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои. Новая серия. – Самарканд : Изд-во Самарк. ун-та, 1972. – Вып. 237 : Вопросы фразеологии. VI. Восточно-славянская диалектная фразеология и фразеография. – С. 1–57.
4. Данилович, М.А. Беларуская дыялектная фразеалогія і яе лексічная аснова : манагр. / М.А. Данилович. – Гродна : ГрДУ, 2003. – 272 с.
5. Касцючык, В.М. Сінанімія і варыянтнасць у дыялектнай фразеалогіі (на матэрыяле гаворак Брэстчыны) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / В.М. Касцючык ; Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. – Брэст, 2002. – 21 с.
6. Ивашко, Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии / Л.А. Ивашко. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – 198 с.
7. Данилович, М.А. Слова і фразеалагізм у беларускай мове : зб. навук. арт. / М.А. Данилович. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2015. – 300 с.
8. Телия, В.Н. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов / В.Н. Телия // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : материалы междунар. симпозиума, Тула, ноябрь 1968 ; отв. ред. В.Л. Архангельский ; Тульский пед. ин-т. – Тула, 1968. – С. 30–69.
9. Зимин, В.И. К вопросу о вариантности фразеологических единиц / В.И. Зимин // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : материалы междунар. симпозиума, Тула, ноябрь 1968 ; отв. ред. В.Л. Архангельский ; Тульский пед. ин-т. – Тула, 1968. – С. 70–82.
10. Ларин, Б.А. История русского языка и общее языкознание : пособие для студ. пед. ин-тов / Б.А. Ларин. – М. : Просвещение, 1977. – 224 с.
11. Оссоветский, И.А. Лексика современных русских народных говоров / И.А. Оссоветский. – Л. : Наука, 1982. – 198 с.
12. Лепешаў, І.Я. Праблемы фразеалагічнай стылістыкі і фразеалагічнай нормы / І.Я. Лепешаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 264 с.
13. Данилович, М.А. Дыялектныя фанетычныя асаблівасці фразеалагізмаў / М.А. Данилович // Беларуская лінгвістыка. – 2001. – Вып. 51. – С. 67–72.
14. Хлусевіч, І.М. Варыянтнасць фразеалагізмаў у сучаснай беларускай літаратурнай мове / пад рэд. праф. І.Я. Лепешава. – Гродна : ГрДУ, 2002. – 100 с.
15. Блінава, Э. Беларуская дыялекталогія : вуч. дапам. / Э. Блінава, Е. Мяцельская. – 2-е выд., дапрацаван. і дапоўн. – Мінск : Выш. школа, 1980. – 304 с.
16. Крывіцкі, А.А. Дыялекталогія беларускай мовы : дапам. / А.А. Крывіцкі. – Мінск : Выш. школа, 2003. – 294 с.
17. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. – М. : Высш. шк., 1980. – 207 с.
18. Третьякова, И.Ю. Эллипсис как приём окказионального преобразования фразеологических единиц / И.Ю. Третьякова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2011. – № 1. – С. 97–100.
19. Шмелёв, Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелёв. – М. : Просвещение, 1977. – 336 с.
20. Данилович, М.А. Фразеалагічна-семантычныя дыялектызмы / М.А. Данилович // Беларуская лінгвістыка. – 2002. – Вып. 52. – С. 53–62.
21. Федулёнкава, Т.Н. Фразеологічная варыянтнасць як лінгвістычная праблема / Т.Н. Федулёнкава // Вестник ОГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2005. – № 4. – С. 62–69.

Паступіў 03.01.2018

TYPES OF PHRASEOLOGICAL DIALECTISMS WITH ONOMASTIC COMPONENT IN THE BELARUSIAN DIALECTAL LANGUAGE

N. LEUCHANKA

The article considers Belarusian dialectal phraseological units with the proper name component. The aim of the study is classification and characterization of dialectal phraseological units with onomastic component in terms of their relationship with the phraseology of the Belarusian literary language. The main types of Belarusian phraseological dialectisms are outlined, their difference from the literary equivalents is shown. It is noted that the development of phraseological dialectisms is due to linguistic and extralinguistic factors.

Keywords: *phraseological unit, onomastic component, phraseological dialectism, literary phraseological analogue.*

УДК 811.161.1'373'0 (043.3)

**ДИНАМИКА СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В РАЗВИТИИ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В XIX ВЕКЕ**

канд. филол. наук, доц. Т.В. НИКИТЕНКО
(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)
tatnikita@gmail.com

Ретроспективно анализируются лексемы русского языка, которые в XIX веке подверглись семантическим изменениям под воздействием внутри- и внеязыковых факторов, вследствие чего в их семантике закрепились негативно-оценочные семы. Рассматриваются основные семантические переходы, в результате которых в XIX веке у слов фиксируются новые негативные значения, как общеоценочного, так и частнооценочного характера. Выделяются определенные тематические группы, члены которых чаще подвержены процессам пейорации (предметно-бытовая лексика, зоонимы и т.д.). Отмечается, что в семантических процессах, результатом которых становилось ухудшение значения первоначально нейтрально- или положительно-оценочного слова, участвовали разнородные лексемы с точки зрения их происхождения (церковнославянизмы, диалектизмы, разговорные слова, заимствования и т.д.). Установлено, что в XIX веке многие оценочные единицы оформились в результате семантического переноса от слов, достаточно долгое время функционировавших в языке и известных с древнерусского периода.

Ключевые слова: *негативно-оценочная лексема, семантические изменения, ухудшение значения слова (пейорация), русский национальный литературный язык.*

Введение. Вслед за существующей в исторической лексикологии традицией, границы столетий определяются не календарно, а на основании внешних (социально-исторических) и внутренних (собственно языковых) факторов, которые в хронологическом плане не совпадают с общепринятыми временными отрезками. В данной работе «XIX век» охватывает период начиная со сложения современной литературной нормы – первые десятилетия XIX в. (20–30-е гг.) до Октябрьской революции 1917 г. Основные языковые процессы, происходившие в это время, можно свести к следующим: 1) к 30–40 гг. XIX в. основное ядро национального русского языка сложилось; аристократическая культура литературного языка утратила свой престиж, и образуются новые, более демократические нормы литературного языка [1, с. 56]; 2) в первой половине XIX в. (30–40 гг.) оформляется публицистический стиль речи на основе синтеза языка художественной прозы с языком философии и науки [1, с. 57]; 3) в 1870–1890-е гг., в результате насыщенной общественно-политической жизни, выходит значительная по объему полемическая литература, вводившая в обиход большое количество новых слов и значений [2, с. 10]; усиливается влияние научной и газетно-публицистической прозы [1, с. 58]; 4) начало XX в. – расцвет русского языка; художественная литература перестала быть образцом литературной нормы [2, с. 14].

Цель данного исследования – выявить основные семантические процессы, в результате которых развивались новые пейоративные значения слов русского литературного языка в XIX в.

Материалом для исследования стала картотека негативно-оценочных слов, извлеченная путем сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» (далее БТС¹) и из Словаря под редакцией А.П. Евгеньевой (далее МАС²). Изучаемые слова представлены всеми знаменательными частями речи; тематически лексика является разнородной. Настоящее исследование относится к предметной области исторической лексикологии и носит диахронический ретроспективный характер. Это означает, что все анализируемые единицы являются оценочными с точки зрения современного носителя русского литературного языка, а развитие данных значений происходило в XIX в.

Основная часть. Данные проведенного исследования показывают, что в процессах семантических изменений в XIX в. участвовали слова разного происхождения:

(1) заимствования, пр.: *гаер* (< фр. *gaillard* ‘весельчак’) ‘актер в народных играх; шут’ → ‘тот, кто паясничает, кривляется, балагурит на потеху другим’; *макулатура* (< нем. *Makulatur*, фр. *maculature*) ‘испорченная при типографском печатании, грязная, исписанная бумага’ → ‘о бездарном, не имеющем никакой ценности произведении литературы’;

¹ БТС – Новейший большой толковый словарь русского языка / авт. и рук. проекта, гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт ; М. : РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.

² МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: А.П. Евгеньева (гл. ред.) [и др.]. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – 4 т.

(2) собственно русские слова (включая словообразовательные дериваты), пр.: *прорва* 'новое русло, промытое рекой; рукав реки' → 'об очень прожорливом, ненасытном человеке'; *путаться* 'беспорядочно перевиваться' → 'иметь отношения, общаться с подозрительным человеком (людьми)';

(3) слова, генетически связанные с разговорной речью (простые, простонародные, просторечные), пр.: *брандахлыст* 'жидкое пиво или разведенное водой хлебное вино' → 'слишком жидкое, плохое питье, пища'; 'пустой человек, гуляка';

(4) слова диалектного происхождения, пр.: *пустобрех* 'о собаке, лающей попусту' [3, с. 587] → 'враль, болтун';

(5) церковнославянизмы, пр.: *пресловутый* 'славящийся, прославленный' → 'вызвавший много толков, получивший отрицательную или сомнительную известность'.

Фиксируются разнообразные предикаты, как частнооценочного, пр. *дохлый* 'издохший (о животных)' → 'хилый, тщедушный (о человеке)', так и общеоценочного характера, пр. *зараза* 'заразная болезнь (чума, оспа); эпидемия' → 'о ком-, чем-л., вызвавшем неудовольствие'; *плевок* 'выплюнутый сгусток слюны' → оскорбление. Ср.: *Его слова – плевок мне в сердце* (БТС, с. 840). Особенно выделяется группа номинаций человека с ярко выраженной экспрессивной оценкой, пр.: *плесень* 'плесень' → 'о человеке ничтожном, презираемом; о группе таких людей'; *слякоть* 'жидкая грязь (от дождя или мокрого снега)' → 'о ничтожном, презренном человеке, людях' и т.д.

В описываемый период появляются и фиксируются новые оценочные значения у лексических единиц вследствие наличия устойчивых коннотаций, яркой образности, приписываемых их референтам в основном значении. В большинстве отмеченных случаев переносные значения появляются в результате метафорического переноса. Пр.: *бревно* 'бревно' → 'о тупом, глупом или нечутком человеке'; *колода* 'толстый, лежачий ствол дерева, тяжелый обрубок дерева' → 'о толстом, неповоротливом человеке' и др. Как ранее отмечалось, в XIX в. «...происходит развитие качественно-оценочных метафорических и образных осмыслений, неизвестных или малоизвестных предшествующей литературе. В этот процесс втягиваются слова, обозначающие бытовые реалии, предметы обихода» [4, с. 107]. Наши данные полностью соотносятся с этим тезисом. Например, метафорическому переосмыслению подвергаются слова тематической группы «Еда», пр.: *кисель* 'кисель' → 'о вялом, слабовольном человеке'; *кочырьжка* 'капустный ствол без листьев' → 'о старике или старухе'; «Строение», пр.: *конюшня* 'конюшня' → 'об очень грязном помещении'; «Растения», пр.: *перекати-поле* 'степное и пустынное травянистое или полукустарниковое растение, при созревании отрывающееся от корня и перекатываемое ветром' → 'о человеке, склонном к частой смене местожительства, работы' и т.д.

Среди зарегистрированной оценочной лексики, появившейся вследствие семантических переносов, доминируют в количественном отношении существительные; глаголы не столь многочисленны. Однако тенденции образного переосмысления подвергаются и они. В первую очередь переносные значения развиваются у глаголов, называющих действия, связанные с обиходно-бытовыми сферами. Ср.: *нянчиться* 'то же, что нянчить' → 'уделять кому-, чему-л. много времени, внимания; возиться'; *пачкаться* 'мараться, грязниться' → 'заниматься каким-л. неприятным или неблагоприятным делом, принимать в нем участие'; *пилить* 'разрезать пилой' → 'неумело играть на смычковом музыкальном инструменте'; *подпевать* 'петь под музыку или под голос других поющих' → 'поддерживать кого-л., обычно из желания угодить, выслужиться' и т.д.

Одной из особенностей рассматриваемого периода стало широкое использование имен собственных, символизировавших определенные черты человека. Так, стали активно встречаться в переносном значении такие имена, как *Ирод* 'мучитель, изверг', *Искарриот* 'о человеке, который ради денег способен на предательство, злодеяние', *бурбон* 'первоначально об офицере, выслужившемся из солдат; грубый и невежественный (обычно заносчивый) человек' и др. Результатом возросшего влияния английской культуры в первой половине XIX в. [4, с. 37] явились единицы, подобно *Фальстаф* 'имя комического персонажа шекспировских пьес' в значении 'о хвастливом, пустом человеке' и т.д. В XVIII в. процесс семантизации имен собственных еще слабо распространялся на имена русских исторических деятелей и литературных персонажей [4, с. 115]. В XIX в. русская художественная литература порождает имена «отрицательных» героев, которые впоследствии начинают употребляться аллюзивно, пр. *Плюшкин* – фамилия героя произведения Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842) 'о чрезмерно скупом, жадном человеке' *Хлестаков* – имя героя комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (1836) 'о легкомысленном, пустом человеке, отличающимся безудержным хвастовством и враньем'; *Держиморда* – имя персонажа комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (1836) 'о грубом и деспотичном администраторе, использующем полицейские методы'. Ср.: *В речи Дюма каждая фраза была гасконада, каждая мысль – нелепая претензия и каждое слово – уморительное самохвальство. Это – Хлестаков в самом крайнем, колоссальном своем развитии...* (П.В. Анненков. Парижские письма (1846–1847)). Следует отметить, что в словообразовании в качестве производящей базы также активно выступали имена собственные литературных персонажей, соединенные с формантом *-щина*,

-овщина. Такие номинации, безусловно, характеризовались наличием оценочного компонента. Ср.: *базаровщина* < *Базаров* [по имени героя романа «Отцы и дети» И.С. Тургенева (1862)] 'о проявлениях крайнего практицизма, грубого материализма, *маниловщина* < *Манилов* [по имени героя романа Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842)] 'мечтательно-бездеятельное отношение к окружающему, <...>' и т.д.

В рассматриваемый период фиксируются многочисленные пейоративные производные значения в семантической структуре зоонимов, известных еще древнерусскому языку. Пр.: *козел* 'козел' (1074)³ → 'о человеке, вызывающем раздражение своей упорствующей глупостью'; *выдра* 'выдра' (1389) → 'об очень худой (обычно непривлекательной) женщине'; *гнида* 'гнида' (1534) → 'о ничтожном, подлом человеке'. У некоторых лексем с формантом *-оныш*, *-еныш*, обозначающих детенышей животных, названных мотивирующим словом, в XIX в. отмечено появление в семантической структуре экспрессивных общеоценочных лексико-семантических вариантов, пр. *гаденыш* 'о молодом человеке, подростке, ребенке, совершившем отвратительный, мерзкий поступок' *змееныш* 'о хитром, злобном ребенке, молодом человеке'. Любопытно также и то, что в семантике глаголов, которые соотносятся в основном значении с типичным поведением или со звуками, издаваемыми определенными животными, закрепились новые оценочные значения. Ср.: *каркать* 'каркать' → 'предсказывать неудачу, беду' *лакать* 'лакать' → 'пить в большом количестве; пьянствовать'.

Общественно-политическая литература и публицистика, по словам Л.М. Грановской, представляли «основные, опорные жанры литературного языка, сдвигающего эмоционально-экспрессивный, а с ним смысловой статус слова» [2, с. 43]. Известно, что с середины XIX в. начинает быстро расширять сферу своего употребления суффикс *-щина*, *-овщина*, который в 60–90 гг. XIX в. достигает высокой степени продуктивности и получает большую экспрессивную силу [5, с. 224]. Новообразования с данным формантом – существительные отвлеченного значения – по своему характеру восходят к народно-разговорной речи [5, с. 224]. Ср.: *военщина* 'агрессивные военные круги'; *канцелярщина* 'канцелярская работа'; *литературищина* 'отсутствие литературного вкуса'; *разнокалиберщина* 'неоднородность чего-л. по составу'; *чужеземщина* 'о чужом, иностранном (о культуре, обычаях, моде и т.п.)'. Так, в XIX в. зафиксированы изменения в сторону ухудшения оценки в семантике отвлеченных существительных на *-щина*, которые в негативном значении активно встречались в общественно-политической литературе, частной переписке и т.д. Пр.: *казенщина* (*собир.*) 'все казенное, казне принадлежащее' → 'бездушный формализм, рутинизм'; *поденщина* 'работа, за которую каждый день выдается известная плата' → 'тяжелый без любви к делу труд ради средств к существованию'; *поповщина* 'одно из направлений в старообрядстве' → 'религиозные предрассудки' и т.д. Ср.: (1) *Он решительный противник клерикализма и клеймит «чудовищный альянс либерализма и поповщины»* (С.М. Степняк-Кравчинский. Россия под властью царей (1886)); (2) *Впрочем, с неохотой принимаешь за дело, я с любовью веду его. Только в чтении, только в сочинении оживаю... <...> ... и потом, когда вздумают, что эта игра или страдание души все-таки **поденщина** для улучшения своего быта, кисну, холодею, тяну, вяжу узлы как-нибудь* (А.А. Бестужев-Марлинский. Письма (1830–1837)).

Изменилось значение некоторых наименований лиц, обозначавших социальный статус приехавшего в Россию иностранца, результатом которого стало ухудшение семантики первоначально положительно- или нейтрально-оценочных слов. Ср.: *мамзель* 'то же, что мадемуазель; девица, барышня (обычно о француженке)' → 'женщина, принадлежащая к театральной богеме или женщина легкого поведения'; *бюргер* 'горожанин, мещанин (преимущ. об иностранцах)' → 'обыватель, мещанин'. Прилагательное *бюргерский* также начинает функционировать в негативно-оценочном значении в текстах XIX в.: <...> *раболепство перед пошлым бюргерским и плоским стилем современной западной жизни* (К.Н. Леонтьев. Храм и Церковь (1878)). Синонимичная (с точки зрения современного употребления) лексема *обыватель*, впервые отмеченная в XVII в. (1671) в нейтрально-оценочном значении 'местный житель, обитатель' (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 12, с. 210⁴), во второй половине XIX в. также начинает функционировать в неодобрительном значении 'человек, лишенный общественного кругозора, с косными, мещанскими взглядами, живущий мелкими личными интересами'. Таким образом, со второй половины XIX в. *бюргер* и *обыватель* начинают употребляются синонимично.

Переосмыслению подвергались не только заимствованные наименования лиц. Как показывает языковой материал, лексем, указывающие на социальное происхождение человека, а особенно низкое, такие как *лакей*, *плебей*, *холоп*, *челядь* и т.д., в XIX в. подвергались процессам пейорации и начинали функционировать в неодобрительном или уничижительном значениях, ср.: *Зато Павел Петрович всеми*

³ В круглых скобках указано время первой письменной фиксации зоонима в его основном значении по данным Словаря древнерусского языка XI–XVII вв.

⁴ СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 30 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: Р.И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1975–2015. – 30 вып.

силами души своей возненавидел Базарова: он считал его гордецом, нахалом, циником, **плебеем**; он подозревал, что Базаров не уважает его, что он едва ли не презирает его – его, Павла Кирсанова! (И.С. Тургенев. Отцы и дети (1862)).

Отдельные номинации, обозначающие высокий социальный статус человека, стали употребляться с оттенком иронии по отношению к людям, не принадлежащим к дворянскому сословию, как например, *барыня*, ср.: – *Чевой ты? – Ну! – Уууу! Экая ты коровушка, матушка... барыня, помелом обмазанная... Дедушка начинает чистить картофель, а жена его моет посуду или приготовляет мясо к щам* (Ф.М. Решетников. Между людьми (1864)).

Некоторые наименования профессий также оказались подвержены изменению семантики с положительно-оценочной, как, например, в слове *певичка* ‘уменьш. к певица: искусная в пении’, на уничижительную ‘певица, исполнительница легкомысленных, пошлых песенок, куплетов’ или нейтрально-оценочных, как в слове *сапожник* ‘сапожник’ на пренебрежительную ‘о неумелом, неискусном в каком-л. деле человеке’.

У многих собирательных существительных отмечены переносные оценочные значения, с помощью которых характеризовали(-ют) группы людей, чаще всего преступного характера или аморального поведения, пр.: *воронье собир* ‘вороны, грачи, галки’ → ‘о жадных, корыстолюбивых людях, стремящихся поживиться за чужой счет’; *дубье собир.* ‘дубинки для драки’ → ‘о бестолковых, тупых или упрямых людях’; *отребье* ‘мусор, отребье’ → ‘деклассированные, преступные элементы общества’; *подонки* ‘остатки жидкости на дне вместе с осадком’ → ‘деклассированные, разложившиеся, преступные элементы общества’; *свора* ‘то, что скрепляет; петля, застежка, веревка’ → ‘люди, занимающиеся предосудительной деятельностью; банда’ и т.д.

Как отмечает Л.М. Грановская, в конце XIX в. в литературе оппозиционного направления эмоционально-окрашенными, переосмысленными становятся многие нейтральные книжные слова [2, с. 43]. История некоторых слов убедительно свидетельствует об изменении оценочной семантики в сторону ее ухудшения у близких синонимов или тематически связанных слов, прежде оценочно-нейтрального и книжного характера. Примером могут выступить лексемы *недоносок*, *выкидыши*. Согласно письменным источникам, слово *недоносок* впервые отмечено в XVII в. в единственном значении ‘недоносок’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 11, с. 89). Словарь 1847 г. определяет *недоносок* как ‘дитя, рожденное прежде времени’ (СЦСРЯ, II, с. 435⁵). Однако в первой половине XIX в. в критике В.Г. Белинского слово встречается в презрительном значении, ср.: *Очевидно, что идея Грибоедова была сбивчива и неясна самому ему, а потому и осуществилась каким-то недоноском. И потом: что за глубокий человек Чацкий? Это просто крикун, фразер, идеальный шут, на каждом шагу профанирующий все святое, о котором говорит* (В.Г. Белинский. Горе от ума. Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А.С. Грибоедова (1839)). *Недоносок* в переносном экспрессивно-оценочном значении относился не только к человеку, но мог обозначать и неодушевленные предметы, пр.: *Еще вся книга не более как недоносок; но дух ее разнесся уже от нее незримо <...>* (Н.В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями (1843–1847)).

Лексемы *выкидыши* и *недоносок* в исходных значениях в XVIII в. являлись синонимами – ‘преждевременно родившийся ребенок’ (СлРЯ XVIII в., вып. 14, с. 91⁶), а в XIX в. у обоих зафиксированы переносные синонимичные экспрессивно-оценочные варианты, которые, как показывают примеры, также совместно употреблялись: *зачем <...> она [природа. – Т.Н.] производит столько безобразных, чудовищных порождений, не выдерживающих жизненной борьбы и бесследно погибающих? зачем все эти **выкидыши** и **недоноски** природы?* (В.С. Соловьев. Чтения о Богочеловечестве (1878)).

Следует отметить, что у производного пейоративного значения лексемы *недоносок* также изменилась стилистическая окраска. Лексикографически впервые данный лексико-семантический вариант с пометой *разг.* фиксируется Словарем под ред. Д.Н. Ушакова (ТСРЯ, II, стлб. 499⁷), а затем БАС⁸ (БАС, VII, стлб. 829). Контексты же первой половины XIX в. свидетельствуют, что *недоносок* являлось грубым ругательством, ср.: *Теперь даже Филька, рябой драчун, будет относиться к нему как к равному и перестанет дразнить его не совсем понятной, но позорной кличкой – «недоносок»* (Г.М. Марков. Строговы. Кн. 1 (1936–1948)). МАС указанный лексико-семантический вариант вовсе не отмечает, возможно, относя его за границы литературного употребления (МАС, II, с. 437). В Словаре под ред. С.А. Кузнецова дан-

⁵ СЦСРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отд-нием Императ. Акад. Наук : в 4 т. – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1847. – 4 т.

⁶ СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века : в 21 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: Ю.С. Соколин (гл. ред.) [и др.]. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984–2015. – 21 вып.

⁷ ТСРЯ – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / редкол.: Д.Н. Ушаков (гл. ред.) [и др.]. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» : ОГИЗ, 1935–1940. – 4 т.

⁸ БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / редкол.: В.И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948–1965. – 17 т.

ное значение отмечено как *груб.*, что характеризует его как стилистически сниженное с уничижительной окраской.

Как было отмечено выше, семантическим преобразованиям в XIX в. в генетическом отношении подвергались разные слова, в том числе диалектного происхождения. Известно, что в XIX в. происходил неуклонный процесс привлечения новых областных слов в литературное употребление [5, с. 482]. С 30–40-х гг. диалектизмы начинают сильнее проникать в литературную речь, а писатели 30–60-х гг. активно вводят областные слова в художественные произведения [1, с. 56]. В литературном употреблении некоторые из этих единиц приобретали дополнительные стилистические характеристики, что усиливало их оценочный потенциал, и впоследствии они начинали функционировать как сильные экспрессивно-оценочные средства, пр.: *расфуфыриться* ‘одеться слишком нарядно, крикливо или безвкусно’; *быдло* ‘об очень высоком и нескладном человеке; о человеке, не соответствующем в умственном отношении степени своего физического развития’. В этой связи интересна история предиката с презрительным оттенком *быдло*, которому в русском языке приписывают диалектное происхождение. Существительное *быдло*, по определению БАС, первоначально попадает в южные и западные русские диалекты из польского языка через украинский (БАС, I, стлб. 718). Можно, тем не менее, усомниться в диалектном происхождении этой лексемы, поскольку первые примеры с этим словом представляют ее в абсолютно литературных контекстах в связи с польскими реалиями, ср.: <...> в Польше же этот аристократизм обратил высшие сословия в ясновельможное панство и шляхетство, а низшие – в **быдло** (Н. Данилевский. Россия и Европа (1869)), что дает возможность предположить ее непосредственное заимствование в книжный язык из польского языка. Любопытны также стилистические модификации и лексикографическая подача этой лексемы: впервые она отмечена в БАС и рассматривается с пометой *устар.* как ‘презрительное название крестьян помещиками-крепостниками’ (БАС, I, стлб. 718). Однако уже МАС (МАС, I, с. 129), представляя ее как просторечную, определяет значение следующим образом: ‘о людях, которые бессловесно и покорно выполняют на кого-л. тяжелую работу’. Словарь под ред. С.А. Кузнецова переводит негативную оценку в духовную плоскость, ср.: ‘о людях, духовно неразвитых, тупых, покорно подчиняющихся чужой воле и проводящих жизнь в тяжелом, изнурительном труде на кого-л.’ и снабжает лексему пометкой *презрит.* (БТС, с. 107). Однако контексты второй половины XIX в. доказывают, что уже тогда *быдло* отличалось сильной экспрессивной окраской и использовалось в своем современном значении ‘о людях, духовно неразвитых, <...> проводящих жизнь в тяжелом, изнурительном труде на кого-л.’. Ср.: *Эти люди, забыв, что я их облагодетельствовал, на каждом шагу после того бранили при мне русских, говорили, что все мы – идиоты, татары, способные составлять только **быдло**, и наконец, стали с восторгом рассказывать, как они плюют нашим офицерам в лицо, душат в постелях безоружных наших солдат* (А. Ф. Писемский. В водовороте (1871)).

Заключение. В результате проведенного исследования можно заключить следующее:

- в XIX в. многие оценочные единицы оформились в результате семантических изменений слов, достаточно долгое время функционировавших и известных еще с древнерусского периода. Переосмыслению подвергались слова разного происхождения, как с конкретно-вещественным, так и отвлеченным значением;
- происходило активное оценочное метафорически-образное переосмысление слов с конкретной семантикой. Ранее XIX в. такие процессы фиксировались редко (по крайней мере, в письменных источниках);
- мощным стимулом пополнения оценочного вокабуляра стало формирование национального литературного языка в первой трети XIX в., сложение публицистического стиля речи и появление значительного по объему литературы полемического и оппозиционного характера;
- в XIX в. отмечается частое аллюзивное использование имен собственных, символизирующих определенные черты человека, причем процесс семантизации онимов стал распространяться на многочисленные имена русских исторических деятелей и литературных персонажей, порожденных русской художественной литературой XIX в.;
- внутриязыковые факторы также оказывали воздействие на изменение семантики слов в сторону ее ухудшения (например, аналогичное семантическое развитие в синонимичных парах *выкидыши* – *недоносок*, *бюргер* – *обыватель* и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В.В. Основные этапы истории русского языка / В.В. Виноградов // Избранные труды: в 5 т. – М., 1978. – Т. 4: История русского литературного языка. – С. 10–64.
2. Грановская, Л.М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: очерки / Л.М. Грановская. – М.: Изд-во ЭЛПИС, 2005. – 448 с.

3. Виноградов, В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В.В. Виноградов; отв. ред. Н.Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз., Отд-ние лит. и яз. – М.: Толк, 1994. – 1136 с.
4. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века / Е.П. Ходакова [и др.]; отв. ред. Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1981. – 359 с.
5. Сорокин, Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е гг. XIX века / Ю.С. Сорокин. – М.; Л.: Наука, 1965. – 565 с.

Поступила 09.12.2017

SEMANTIC DYNAMIC PROCESSES IN THE DEVELOPMENT OF THE EVALUATIVE LEXIS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE 19th CENTURY

T. NIKITSENKA

The study considers evaluative lexemes of Modern Russian in a retrospective way which developed their pejorative meanings in the 19th century under the influence of linguistic and extralinguistic factors. The data was collected from the academic dictionaries of Modern Russian. The pejorative lexemes are represented by all notional parts of speech and by different topical domains. The main methods employed in the research are descriptive, contrastive, within which historical-semantic analysis is carried out, definitional, corpus analysis. The common semantic shifts are considered due to which the nineteenth-century words developed pejorative meaning. Some topical domains are studied that acquire negative sense development more easily. It is stated that the words which underwent semantic changes were of different origin (Church Slavic, dialectal, borrowings, spoken words, ect.). It has been found out that the majority of pejorative lexemes emerged as a result of semantic (frequently metaphorical) extension of the words which had existed in Russian for quite a lot of time. The driving force for appearing new negative meanings happened to be the formation of Modern Standard Russian in the first third of the 19th century. Besides, the formation of the publicist style along with the numerous coming out of social and political literature had a great impact on pejorative sense development.

Keywords: *negatively-evaluated lexeme, semantic changes, pejorative sense development, Russian standard language.*

УДК 81'37+811.161.1+811.58

КЛАССИФИКАЦИЯ ЦВЕТОЛЕКСЕМ
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

А.С. ЧЕКУЛАЕВА

(Белорусский государственный университет, Минск)

Представлены классификации цветолексем на материале антитетических языков: русского и китайского. Определяются три ключевых фактора классификации цветолексем: темпоральная принадлежность, структурная организация, способ образования. В соответствии с темпоральной ориентацией цветолексем делятся на синхронизмы, неологизмы, архаизмы; в зависимости от особенностей структурной организации – на свернутые унарные (производные и конверсивы), развернутые сложные композиты, развернутые составные цветовые знакосочетания; в соответствии со способами знакообразования – на образованные в результате взаимодействия ядра предметной области цвет с иными предметными областями – внешним способом; образованные внутри предметной области цвет – внутренним способом; образованные смешанным способом, как результат взаимодействия составных элементов предметной области цвет с элементами других предметных областей.

Ключевые слова: цветолексема, способы знакообразования, знакосочетания, темпоральная принадлежность.

Введение. Несмотря на значительное количество работ в области исследования лексических единиц, означающих цвет, нет однозначных ответов на многие вопросы, связанные с изучением цветолексем. Например, до сих пор не выработана единая классификация языковых знаков, в аспекте содержания которых содержится стереотип «цвет». Так, А.П. Василевич, исследуя наименования цвета в русском языке, предлагает выделить следующие семантические группы: 100 наиболее употребляемых простых цветолексем, включая 12 базовых (в соответствии с теорией Берлина-Кея); приставочные слова для выражения цветовых оттенков (*светло-желтый*); основанные на цвете предмета (*абрикосовый*); в основе которых лежит рекламная функция – привлечь внимание (*пепел розы*); книжные и устаревшие цветолексем (*бурнастый*) [1, с. 114–115]. О.П. Шевчук, принимая в качестве системообразующего фактора структурно-семантические особенности, подразделяет цветолексем китайского языка на 9 основных типов: простые, двусоставные, сравнительного типа, описательного типа, суммирующего типа, уточняющего типа, контекстуального типа, указательного типа, с модификатором [2, с. 81–84]. М.М. Атоева делит все наименования цвета «...на три группы: основные (или чистые цвета), оттеночные и смешанные, исходя из их соотношения по спектрам» [3, с. 13]. О.И. Кулько различает две группы цветолексем: собственно наименования цвета (*красный, зеленый* и др.), выделяя первичные (значение цвета является ядерным: *синий, желтый*) и вторичные (значение цвета является периферийным: *вишнёвый, коралловый*), и дополнительные характеристики цвета (светлый, тёмный, яркий, бледный и др.) [4, с. 224].

При анализе лингвистических исследований в области классификации цветовой лексики нами было выяснено, что в своих работах ученые чаще всего выделяют следующие группы цветолексем: «базовые», к числу которых, как правило, относят семь названий цветов радуги, три ахроматических – *серый, белый и черный*, а также *коричневый и розовый*; «небазовые», которые не вошли в состав 12 базовых: *сиреневый, алый* и т.п.; «вторичные», получившие вторичное значение цвета: *кирпичный, персиковый* и т.п.

Такого рода классификация является достаточно условной: например, *розовый*, несмотря на то, что относится к «базовым», одновременно является производным: *розовый – роза*. Еще сложнее четко разграничить «небазовые» и «вторичные»: и в «небазовой» цветолексеме *сиреневый*, и во «вторичной» цветолексеме *апельсиновый* явно прослеживается связь с предметом, от которого они образованы – *сирень, апельсин*.

Поэтому в процессе идентификации базовости цветолексем в антитетических языках важно определить системообразующие факторы, по которым можно отнести ту или иную цветолексему к определенному классу элементов предметной области *цвет*¹.

¹ Под *предметной областью* мы понимаем нечеткое множество (в терминологии Л. Заде [5, с. 32–33]) однородных индивидов (предметов) и их однородных признаков (свойств и процессов, в которых участвуют индивиды (предметы)); в лингвистике предметная область представляет собой нечеткое множество однородных знаков, модификаторы которого определяют актуализатор, являющийся семантическим ядром всей области. В основе предметной области лежат синтагматические связи: «семантическое ядро знака *ржать* принадлежит предметной области *мир лошадей*» [6, с. 13].

Целью настоящей статьи является разработка классификации цветолексем для определения критериев их базовости. Поставленная цель предполагает решение ряда **задач**: выявление ключевых факторов, по которым будет сформирована классификация; анализ каждого из выявленных нами факторов; определение места базовых цветолексем в разработанной классификации. **Методы исследования**: моделирование, этимологический анализ, анализ словарных дефиниций. **Материалом** послужили цветолексем, отобранные методом случайной выборки из словарей русского и китайского языков. **Объектом** исследования являются языковые знаки, входящие в предметную область *цвет*, **предметом** – факторы классификации цветолексем.

Предлагаемая нами классификация цветолексем формируется с учетом следующих факторов.

Темпоральная принадлежность

В рамках исследований базовых цветолексем темпоральная принадлежность представляет собой одно из ключевых оснований идентификации базовости рассматриваемого знака. Мы предполагаем, что говорить о качественном и количественном составе структурного ядра предметной области *цвет* можно лишь применительно к определенному временному отрезку развития языковой системы.

Цветолексем, входящие в состав ядерных элементов предметной области *цвет*, могут в течение некоторого (сравнительно небольшого относительно всего исторического развития естественного языка) времени сместиться на периферию, оставив после себя легкое «напоминание» в виде образованных от них цветолексем или «отцветовых» номинативных единиц. Ярким примером подобных процессов может служить история развития цветолексем *рудый*². Подтверждением базовости данного знака на определенном этапе развития русского языка может служить наличие достаточно развернутого ряда этимологически близких знаку *рудый* [8, с. 513] цветолексем со специфической комбинаторикой: *редрый* [8, с.459], *румяный* [8, с.517], *русый* [8, с.521], *рыжий* [8, с.527].

И, наоборот, некоторые цветолексем, вероятно не входящие в состав структурного ядра предметной области *цвет* в XIX веке, уже к середине XX века начинают занимать более стабильные позиции, продвигаясь ближе к ядру предметной области *цвет*. Так, например, для цветолексем *розовый* в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля отсутствует отдельная словарная статья, а сам знак *розовый*, входящий в словообразовательное гнездо знака *роза*, определяется, прежде всего, как «к *розе* относящийся», а уже вторая дефиниция посвящена обозначению цвета: «*цвета алых роз*». При этом, несмотря на наличие образованных от нее знаков *розоветь*, *розоватый*, цветолексема *розовый* лишена семантической периферии, и приводимые в словарной статье примеры касаются исключительно ядерного значения цветолексем: *розовое платье*, *розовая лошадь* [9, с. 106].

В «Словаре современного русского литературного языка» («Большом академическом словаре»), составление которого относится к середине XX века (том 12 издан в 1961 году), у знака *розовый* уже появляется отдельная словарная статья. Однако по-прежнему первым в очереди, следовательно, более близким к семантическому ядру значением-дефиницией выступает определение, подчеркивающее не качественный, а относительный характер данного знака: «*относящийся к розе*» и «*приготовленный из лепестков роз*». На второй позиции указана дефиниция, имеющая непосредственное отношение к предметной области *цвет*: «*светло-алый, цвета бледно-красной розы*». Однако уже на примере словарной статьи «Большого академического словаря» мы можем наблюдать образование семантической периферии у цветолексем *розовый*: «*такой, который включает в себе только радостное, приятное; ничем не омраченный*» [10, с. 1426–1429].

В современном «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под редакцией Н.Ю. Шведовой, изданном в 2011 г. и отражающем современный этап развития русского литературного языка, цветолексема *розовый* посвящена отдельная словарная статья; ядерным значением, стоящим уже на первой позиции, является непосредственное обозначение цвета: «*цвета недозрелой мякоти арбуза, цветков яблони, белый с красноватым оттенком*»³, при этом значение «*относящийся к розе*» не зафиксировано, а содержит отсылку к знаку *роза*. В качестве литературной нормы зафиксированы устойчивые выражения, образованные с участием данной цветолексем: *сквозь розовые очки смотреть*; *в розовом свете видеть* [11, с. 837].

Таким образом, на примере знака *розовый* мы можем видеть поступательный процесс адаптации цветолексем в языковой системе в диахроническом разрезе менее чем за 150 лет (достаточно

² «Общеиндоевропейский корень *rudh-* (*reudh-*, *roudh-*) *красный*, известный в древних языках, сохранился в основных языках Европы как обозначение красного цвета до настоящего времени (напр. фр. *rouge*, нем. *rot*, англ. *red*). Славянские языки в общем не сохранили индоевропейский корень **rudh-* для обозначения собственно красного цвета, большая часть славянских языков, имея различные цветообозначения с корнем **rudh-*, называют рудым не собственно красный цвет, а различные оттенки рыже-бурого и коричневого» [7, с. 108].

³ Следует отметить явное осветление оттенка, обозначаемого цветолексемой *розовый*: «*цвета алых роз*» у В.И. Даля (середина XIX века) → «*светло-алый, цвета бледно-красной розы*» в БАС (середина XX века) → «*цвета недозрелой мякоти арбуза, цветков яблони, белый с красноватым оттенком*» у Н.Ю. Шведовой (начало XXI века).

небольшой промежуток времени с учетом многовековой истории развития русского языка): последовательное ослабление относительных и усиление качественных свойств, приобретение и закрепление семантической периферии.

Учитывая сравнительно быструю адаптацию знаков в системе естественного языка, равно как и вытекающее из этого отсутствие четко регламентированной системы помет в лексикографической традиции относительно идентификации темпорального статуса рассматриваемого знака, мы считаем более или менее приемлемым метод сравнения словарных дефиниций в словарях, репрезентирующих лексику различных этапов развития. Для русского языка наиболее подходящими словарями нам представляются «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (репрезентация лексико-семантической системы русского языка дореволюционной эпохи) [9], «Большой академический словарь» [10] и «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под редакцией Н.Ю. Шведовой (отражение состояния лексики русского языка в советский и постсоветский периоды соответственно) [11].

Итак, в соответствии с темпоральной ориентацией цветолексем естественного языка можно классифицировать на три группы: 1) синхронизмы (*голубой*); 2) неологизмы (*электрик – голубоватосиний*) [11, с. 1124]; 3) архаизмы (*лазоревый – светло-синий*) [11, с. 396].

Структурная организация

Фактор структурной организации цветолексем также играет существенную роль в процессе идентификации уровня базовости знака и определения его места в системе предметной области *цвет*. В целом структурные особенности цветолексем обусловлены принципами построения любого знака естественного языка. В зависимости от особенностей структурной организации языкового знака мы определяем три группы цветолексем.

Унарные цветолексем. К первой группе относятся все (*сокращенные и сжатые*) *свернутые*⁴ цветолексем, отличительной особенностью которых является наличие *унарной корневой морфемы*. В свою очередь группа унарных (*свернутых*) цветолексем делится на две подгруппы:

1) свернутые производные (в русском языке: *красный, лимонный*; в китайском языке: 黄 *желтый, 朱 бордовый*);

2) свернутые конверсивы.

К цветолексемам-конверсивам мы относим образованные посредством конверсии⁵ цветолексем.

В русском языке ввиду особенностей морфологической организации цветолексем-конверсивы в основном относятся к неадаптированным к языковой системе (неизменяемым) заимствованиям: *хаки, индиго, бордо, маренго*.

В китайском языке, как правило, цветолексем-конверсивы представляют собой обозначения предметов-эталонов и одновременно соответствующих цветов: 橙 «апельсин» и «оранжевый»; 棕 «пальмовое дерево» и «коричневый». В двухкомпонентной структуре цветолексем подобного рода наблюдается полная свертка актуализатора⁶ *цвет* (т.н. «нулевой» актуализатор).

⁴ Принятая в теории комбинаторной семантики парадигма частей языка подробно описана в статье А.Н. Гордея «О комбинаторике числовых знаков в китайском языке» [12].

⁵ **Конверсию** мы рассматриваем как метод знакообразования, при котором актуализатор полностью стирается. Свернутый актуализатор, как правило, проявляется при реконструкции двухкомпонентной структуры цветолексем-конверсивов: например, цветолексема русского языка *маренго* представляет собой свертку номинативной единицы *цвет маренго*, в которой *цвет* играет роль актуализатора, *маренго* – роль модификатора. Аналогичная ситуация наблюдается в китайском языке, в котором внешний способ знакообразования цветолексем-конверсивов более развит по сравнению со знакообразовательными возможностями русского языка: 棕色 «цвет пальмового волокна» → 棕 «коричневый». **Внешний способ** предполагает образование новых цветолексем от стереотипа-эталона в результате взаимодействия структурно-семантического ядра предметной области *цвет* (актуализатора *цвет* (в русском языке) или 色 «цвет» (в китайском языке)) с другими предметными областями. Так, цветолексема *фисташковый* в русском языке представляет собой результат взаимодействия предметной области *цвет* (а именно, структурно-семантического ядра предметной области *цвет* (актуализатора *цвет*)) с предметной областью *флора* (а именно, со знаком *фисташка*): *цвета фисташки* → *фисташк-овый*.

⁶ В рамках теории комбинаторной семантики языковой знак, реализованный в речи на конкретном материальном носителе (звуковой волны (для устной речи), черты (для письменной речи), нейронной сети (для «внутренней речи»)), превращается в свой **комбинаторный вариант знака**. «Устойчивая последовательность комбинаторных вариантов знаков, в которой один вариант знака (модификатор) определяет другой (актуализатор)» [13, с. 33], образует центральный элемент лексической подсистемы языка – **номинативную единицу**, при этом слово рассматривается в качестве **свернутой номинативной единицы**: *красн-уха* = «красная болезнь»; *желт-уха* = «желтая болезнь». Для любой номинативной единицы характерна бинарная структура: определяющее

Цветолексемы-компози́ты. К цветолексемам-компози́там относятся *развернутые сложные знаки с n-арной корневой морфемой*. Примерами в русском языке могут служить такие цветолексемы, как *кипенно-белый*; в китайском языке – 紫红 «фиолетово-красный».

С учетом анализа внутренней формы составляющих цветолексему формантов композиты условно можно разделить на четыре подгруппы. Классификация цветолексем-компози́тов с указанием схем построения и примерами из китайского и русского языков представлены в таблице.

Таблица. – Классификация цветолексем-компози́тов

Наименование подгруппы компози́тов	Описание	Схема	Пример из русского языка	Пример из китайского языка
Цвето-цветовой	соединение цветолексем (ЦЛ)	ЦЛ + ЦЛ	красно-желтый; иссиня-черный	红白 «красно-белый»; 靛蓝 «синее индиго»
Свето-цветовой	соединение цветолексем(ЦЛ) и светового форманта (СФ)	ЦЛ + СФ / СФ + ЦЛ	светло-синий	白晃晃 «ослепительно белый»; 深红 «темно-красный»
Предметно-цветовой	соединение цветолексем (ЦЛ) и индивида (И)	ЦЛ + И / И + ЦЛ	белоснежный	雪白 «белоснежный»
Экспрессивно-цветовой	соединение цветолексем (ЦЛ) и экспрессивного форманта (ЭФ)	ЭФ + ЦЛ / ЦЛ + ЭФ	нежно-розовый	黑糊糊 «черным-черно; чернѣхонький»

Цвето-цветовых (собственно цветовых) компози́тов может быть образовано неограниченное количество в пределах предметной области *цвет*. Соответственно, можно предположить, что большинство цветолексем-компози́тов относятся именно к первому типу.

Свето-цветовых компози́тов также может быть образовано достаточно большое количество, однако их круг уже ограничен ввиду определенного состава предметной области *свет* и относительно ограниченной комбинаторики цветолексем со знаками, в аспекте содержания которых имеется отсылка к структурным элементам предметной области *свет*. Так, например, стилистическими ошибками будут признаваться такие цветолексемы-оксюмороны, как *темно-белый*, *светло-черный*, *темно-черный*, *светло-белый*. Отметим, что к свето-цветовым компози́там мы также относим цветолексемы такого рода, как *зеленоватый* и *зеленющий* в русском языке. Несмотря на видимую унарную структуру, семантически данные знаки представляют собой сложносоставные знакосочетания типа *светло-зеленый* и *темно-зеленый*.

Третий тип предметно-цветовых компози́тов следует отличать от цветовых знакосочетаний, которые будут подробно рассмотрены ниже. Данное замечание касается изолирующих языков, например китайского языка, где не всегда представляется возможным четко определить, цветолексема относится к цветовым компози́там или к цветовым знакосочетаниям.

Экспрессивно-цветовые компози́ты обладают определенными функционально-стилистическими ограничениями: употребляются преимущественно в литературных произведениях или разговорной речи для создания необходимого эмоционального эффекта. Авторские окказионализмы также относятся к данному типу: *тоскливо-серый*, *болезненно-желтый*, *воспаленно-красный* [1, с. 126].

Цветовые знакосочетания. *Цветовые знакосочетания* представляют собой *развернутые составные* номинативные единицы с явной двухкомпонентностью, образованные внешним или смешанным⁷ способом. В русском языке примером может служить цветолексема *цвет морской волны*, в китай-

(*модификатор*) + определяемое (*актуализатор*). Актуализатор обладает интегральным признаком, известным говорящему; модификатор подразумевает дифференциальный признак, применяемый в новом для носителя языка качестве. Номинативная единица, в отличие от сочетания номинативных единиц, обладает: 1) репродуктивностью; 2) затемненностью внутренней формы; 3) сверткой в пользу модификатора [13, с. 33].

⁷ *Смешанный способ знакообразования* представляет собой результат взаимодействия знаков предметной области *цвет* с другими предметными областями: *цвет алой розы*, *ядовито-зеленый*.

ском языке – 駉色 «цвет верблюжьей шерсти». Мы полагаем, что цветовых знакосочетаний, образованных внутренним⁸ способом, быть не может.

Как было сказано выше, в изолирующих языках следует отличать цветовые знакосочетания (*развернутые составные*) от цветолексем-композиций (*развернутых сложных*) или от цветолексем-конверсивов (*свернутых*), что связано с ограниченными возможностями морфологической системы, с одной стороны, и более строгими правилами комбинаторики знаков, с другой.

Способ образования

Рассмотренные выше способы образования цветолексем позволяют определить еще один немаловажный фактор системной классификации: способ образования, в основе которого лежат характерные для того или иного метода знакопорождения особенности образования цветолексем. В качестве ключевого показателя мы предлагаем принять принцип взаимодействия предметных областей. В соответствии со способами знакообразования цветолексем можно условно разделить на три группы.

Цветолексем, образованные внешним способом. К внешним мы относим цветолексем, образованные от выступающих в качестве эталона предметов или явлений в результате взаимодействия ядра предметной области *цвет* (а именно, гиперонима *цвет*) с иными предметными областями. Внешним способом могут быть образованы как свернутые унарные цветолексем, так и развернутые знакосочетания (представляющие собой, по сути, несвернутые номинативные единицы с явной двухкомпонентностью, которые с течением определенного времени и при наличии соответствующих условий гипотетически могут пройти вторую и третью стадии знакообразования, оказавшись на позиции современных в синхроническом плане базовых цветолексем).

Внешний способ знакообразования может быть идентифицирован не только на уровне синхронии (*маковый; цвет морской волны*) или при метаязыковом определении (*оранжевый*), но и на уровне этимологических исследований в диахронии (*зеленый*)⁹.

Многие ученые, например, А.П. Василевич, особое внимание уделяют классификации в соответствии с семантической соотношенностью знакообразующего эталона-форманта, разделяя цветолексем, образованные от:

- 1) наименований предметов-эталонов (*асфальтовый, бархатная роза*);
- 2) топонимов (*туманный Альбион, флорентийская эмаль*);
- 3) антропонимов (*Куинджи, нефрит Клеопатры*) [1, с. 130–216].

На данном этапе исследования мы не считаем целесообразным проводить глубокий анализ семантической принадлежности предметных областей, составные элементы которых явились эталонами для порождения знаков соответствующего цвета. Гораздо более существенным нам представляется разграничение трех типов внешнего знакопорождения:

- 1) «*отсветовой*» – от наименования свечения, света: *белый*¹⁰;
- 2) «*окрашенный*» – от наименования окрашенного предмета: *червленый* (окрашенный естественным красителем из кошенили [11, с. 1086]);
- 3) «*отпредметный*» – от наименований индивидов, предметов и явлений, окружающих человека без пространственных и темпоральных ограничений, выступающих в качестве эталона соответствующего цвета: например, *персиковый* («цвета персика» [11, с. 638]); 靛 «синий» (от наименования растения *горец красильный* [16]).

Обоснованием такого деления может служить теоретическое предположение относительно более древнего происхождения «отсветовых» цветолексем, неоднократно высказанное учеными лингвистами. Считается, что система цветолексем в современном понимании сформировалась позже появления в языке светообозначений, так как «свет» и «тьма» принадлежат к наиболее ранним представлениям о картине мира, тогда как осмысление цветовых явлений является процессом более поздним. «Понятие о

⁸ *Внутренний способ* предполагает образование новых цветолексем в результате двух разнонаправленных процессов: 1) проявления знакообразовательной потенции базовых элементов предметной области *цвет* (базовых цветолексем), результатом которой являются унарные цветолексем: например, специфическая унарная цветолексема китайского языка 赭 «багровый», образованная от знака 赤 «красный»; 2) взаимодействия элементов предметной области *цвет* между собой, результатом которого являются сложносоставные цветолексем: например, цветолексема-композиция китайского языка 赤白 «красно-белый».

⁹ Однако мы еще раз подчеркиваем, что относительно таких «исконно-русских» цветолексем с длительной традицией функционирования в языке, как *зеленый, желтый* и *золотой*, которые по этимологическим данным восходят к одному индоевропейскому корню [14, с. 43], не представляется возможным в рамках настоящей работы однозначно классифицировать способ знакообразования. Поэтому учитывая синхронный уровень исследования на данном этапе, мы условно отнесем такого рода знаки к внешнему способу образования.

¹⁰ исконнородственно др.-инд. bhālam «блеск», bhāti «светит, сияет» [15, с. 149].

цвете, следовательно, изначально тесно связано с понятием о свете, световой и цветовой признаки предмета в сознании четко не разграничены» [17, с. 8]. Кроме того, отмечена «семантическая диффузность» между элементами предметных областей *цвет* и *свет* [18, с. 11].

Таким образом, основываясь на этимолого-стадиальной классификации, дедуктивно можно прийти к умозаключению, что цветолексемы, образованные внешним способом от наименования *света* или *свечения*, обладают большей степенью базовости по сравнению со знаками, образованными от наименования процесса либо результата окрашивания в соответствующий цвет, или языковыми знаками, прототипами (эталоном) для которых явились конкретные окружающие человека предметы, обладающие постоянным признаком того или иного цвета.

Цветолексемы, образованные внутренним способом. Образованные внутренним способом цветолексемы являются результатом двух разнонаправленных процессов:

1) проявления знакообразовательной активности базовых цветолексем¹¹ внутри предметной области *цвет*, результатом которого являются унарные «отцветовые» знаки со свернутой двухкомпонентностью: например, китайский интенсивный знак 靛 «молочно-белый»¹²;

2) взаимодействия составных элементов предметной области *цвет*, результатом которого являются развернутые цветолексем-композиции: например, русский знак *черно-белый* и китайский знак 黑白 «черно-белый».

Теоретически можно предположить, что множество внутренних унарных цветолексем в достаточной мере ограничено, что объясняется строгими рамками семантической принадлежности такого рода новообразований: и актуализатор, и модификатор должны равным образом принадлежать к предметной области *цвет*.

Цветолексемы, образованные в результате проявления знакообразовательной активности составных элементов предметной области *цвет*, в большинстве случаев не могут быть отнесены к внутреннему типу.

В качестве примера возьмем китайскую цветолексему 赭 «красный»: ее левый формант-актуализатор (иероглифический ключ 赤 «красный») прямо указывает на «отцветовое» происхождение; правый формант-модификатор (графема 赭 «целомудренный; преданный») не несет семантической нагрузки, а скорее отсылает к фонетическим характеристикам. Тем не менее не следует однозначно утверждать семантическую нерелевантность модифицирующего компонента, поскольку для полноценного представления роли графемы-модификатора 赭 «целомудренный; преданный» необходимо проводить глубокий в диахроническом отношении этимологический анализ, что не входит в задачи и возможности настоящего исследования.

А в русских цветолексемах с общим знакообразующим формантом-актуализатором, например, *рудый, рыжий, румяный*, на данном этапе исследования не представляется возможным достоверно идентифицировать семантическую принадлежность дифференцирующего форманта-модификатора, поскольку проведение этимологических исследований сконцентрировано на семантической ориентации форманта-актуализатора с целью определения общего корня.

Множество внутренних развернутых цветолексем-композиций является достаточно многочисленным по составу, однако ограничено рамками самой предметной области *цвет*, чего требует первостепенное условие порождения знаков подобного типа: как и в случае с унарными цветолексемами, цветолексем-композиции должны состоять из принадлежащих предметной области *цвет* актуализатора и модификатора.

Цветолексемы, образованные смешанным способом. Цветолексемы, образованные смешанным способом, представляют собой результат взаимодействия составных элементов предметной области *цвет* с элементами других предметных областей.

Данные языковые знаки в зависимости от структурных характеристик делятся на две подгруппы:

1) цветные знакосочетания: *персидский голубой* в русском языке [1, с. 145]; 白玉色 «цвет белой яшмы» в китайском языке;

¹¹ Речь идет не о синхронической, а об общесистемной базовости.

¹² Мы полагаем, что перевод «молочно-белый» [16] не является достаточно корректным: в результате анализа можно заключить, что цветолексема 靛 в явной форме представляет собой интенсификацию цветолексемы 白 «белый». Следовательно, наиболее подходящим вариантом перевода стала бы соответствующая интенсивная форма в русском языке *белый-белый-белый*, показывающий максимальную степень признака цвета.

2) цветолексем-компози́ты: *кипенно-белый* в русском языке; 浑黄 «мутно-желтый» в китайском языке.

При анализе смешанных цветовых знакосочетаний и цветолексем-компози́тов китайского языка¹³ следует учитывать комбинаторику знаков для более точного разграничения вышеуказанных типов знаков. Мы предлагаем в качестве показателя взять обязательную сочетаемость со знаком 色 «цвет» для цветовых знакосочетаний. Например, цветовое знакосочетание 红枣色 «цвет красного финика» при элиминации актуализирующего компонента 色 «цвет» приобретает номинативный характер и теряет свою признакообозначающую функцию: ядерное значение знакосочетания 红枣 будет определяться, как «красный финик».

Тогда как цветолексем-компози́ты не только не требуют обязательного добавления актуализатора 色 «цвет», но и при перестановке компонентов не утрачивают семантической соотнесенности с предметной областью цвет. Например, перестановка актуализатора и модификатора в китайской цветолексеме-компози́те 雪白 «белоснежный» не влечет за собой существенных изменений в значении знака. Знаки-компози́ты 雪白 и 白雪 в равной степени обладают семантическим компонентом «белоснежный». Разница между ними состоит в том, что для первого (雪白) значение цвета является ядерным, а для второго (白雪) – периферийным¹⁴.

Следует отметить, что проведение такого рода идентификации структурной принадлежности цветолексем должно строиться на методе анализа словарных дефиниций толковых и переводных словарей.

В зависимости от семантической принадлежности модифицирующего форманта¹⁵ мы дедуктивно различаем три типа смешанных цветолексем. Проиллюстрируем на примере цветолексем-компози́тов:

- 1) экспрессивный тип: *ядовито-зеленый* в русском языке; 黑黢黢¹⁶ «мрачный и серый»;
- 2) световой / тональный тип: *темно-зеленый* в русском языке; 淡红 «светло-красный» в китайском языке;
- 3) отпредметный: *белоснежный* в русском языке; 雪白 «белоснежный» в китайском языке.

Отметим, что цветовых знакосочетаний и цветолексем-компози́тов, относящихся к смешанному типу, ввиду обширной комбинаторики, теоретически может быть образовано неограниченное количество, в зависимости от степени развития литературного языка.

Анализ унарных цветолексем представляет особую сложность, ввиду затемненности внутренней формы модификатора. Мы предполагаем, что цветолексем, актуализатор которых этимологически реконструирован или в явной форме представлен цветолексемой, находящейся по отношению к ним

¹³ В отличие от русского языка, в котором между цветовыми знакосочетаниями и ЦЛ-компози́тами можно провести четкую границу.

¹⁴ В словарной статье «Большого китайско-русского словаря» дефиниции знака-компози́та 白雪 располагаются следующим образом: «1) белый снег, чистый снег; 2) белоснежный, белый» [16]. Таким образом, на основе анализа словарных дефиниций можно сделать вывод о том, что ядерным значением знака-компози́та 白雪 является номинативное сочетание «белый снег», а значение «белоснежный» относится к периферийному значению.

¹⁵ Формантом-актуализатором в подгруппе цветовых знакосочетаний выступает гипероним предметной области цвет; в подгруппе цветолексем-компози́тов – сама цветолексема.

¹⁶ Мы предполагаем, что модификатор структурно организованной по модели АВВ цветолексемы 黑黢黢 «мрачный и серый» – интенсифицированная форма знака 黢 «1) увольнять, прогонять со службы; разжаловать, лишить сана (звания); понижать в должности; 2) изгонять, удалять; искоренять; отделяться от...; избавляться; 3) уменьшать, убавлять» [16]. Как видно из словарной дефиниции, знак 黢, несмотря на наличие в левой части иероглифического ключа 黑 «черный», не является составным элементом предметной области цвет, однако в сочетании с цветолексемой 黑 «черный» посредством интенсификации признака помогает создать необходимый эмоционально-экспрессивный эффект, формируя при этом экспрессивную в семантическом отношении цветолексему 黑黢黢 «мрачный и серый».

в гиперо-гипонимических отношениях (например, *румяный*¹⁷ в русском языке или 黧¹⁸ «темно-серый» в китайском языке), можно равным образом отнести как к внутреннему, так и к смешанному способу знакообразования, поскольку на данном этапе исследования мы не можем идентифицировать семантическую принадлежность модификатора: к предметной области *цвет* или к другим предметным областям. В случае с китайской цветолексемой 黧 «темно-серый» с большей долей вероятности можно идентифицировать смешанный способ знакообразования: модификатор-фонетик 参 не относится прямо к предметной области *цвет*. Однако для более полного анализа необходимо провести этимологические исследования в диахроническом разрезе. В случае же с русским языком, даже относительно таких, казалось бы, базовых цветолексем, как *зеленый* и *желтый*, нельзя однозначно утверждать наличие чисто внешнего способа знакообразования.

Заключение

1. В соответствии с темпоральной ориентацией цветолексем естественного языка можно классифицировать на три группы: 1) *синхронизмы*; 2) *неологизмы*; 3) *архаизмы*.

Мы предполагаем, что говорить о качественном и количественном составе структурного ядра предметной области *цвет* можно лишь применительно к определенному временному отрезку развития языковой системы.

2. В зависимости от особенностей структурной организации цветолексем можно разделить на три группы: 1) *свернутые унарные* цветолексем (производные и конверсивы); 2) *развернутые сложные* цветолексем-композиции; 3) *развернутые составные* цветочные знакосочетания.

Множество унарных цветолексем квантитативно ограничено, что обусловлено небезграничной знакообразовательной потенциальностью элементов лексической системы естественного языка. Именно такого рода цветолексем представляют интерес в рамках анализа базовости цветолексем и могут быть приняты в качестве объектов исследования. Цветолексем-композиции и цветочные знакосочетания, ввиду сложности своей структурной организации и теоретической неограниченности количественного состава их множества, не принимаются во внимание в ходе исследования базовых цветолексем.

3. В соответствии со способами знакообразования цветолексем можно условно разделить на три группы: образованные в результате взаимодействия ядра предметной области *цвет* с иными предметными областями – *внешним способом*; образованные внутри предметной области *цвет* – *внутренним способом*; образованные *смешанным способом*, как результат взаимодействия элементов предметной области *цвет* с элементами других предметных областей. Мы можем предположить, что образованные *внутренним* способом цветолексем не могут являться базовыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич, А.П. Цвет и названия цвета в русском языке / А.П. Василевич, С.Н. Кузнецова, С.С. Мищенко. – М. : КомКнига, 2005. – 216 с.
2. Шевчук, О.П. Цветообозначения китайского языка, их особенности и национально-культурная специфика : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / О.П. Шевчук. – Уссурийск, 2004. – 159 с.
3. Атоева, М.М. Лексика, обозначающая цвет, в таджикском и русском языках : автореф. дисс. ... к.ф.н.: 10.02.02; 10.02.01 / М.М. Атоева. – Душанбе, 1988. – 15 с.
4. Кулько, О.И. Колоративы и обозначения цвета в рекламе / О.И. Кулько // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы : Междунар. науч. конф., посвященная 200-летию Казанского университета : Труды и материалы. – Казань, 2004. – С. 224–225.
5. Заде, Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений / Л. Заде. – М. : Мир, 1976. – 166 с.
6. Гордей, А.Н. Лингвистическая и металингвистическая операция / А.Н. Гордей // Чтения, посвященные памяти профессора В.А. Карпова, Минск, 17 марта 2007 г. : сб. материалов / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2007. – С. 12-18.
7. Бахилина, Н.Б. История цветообозначений в русском языке / Н.Б. Бахилина ; отв. ред. В. П. Филин. – М. : Наука, 1975. – 288 с.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – 2-е изд., стереотипн. – М. : Прогресс, 1986-1987. – 3 т.

¹⁷ Этимологически реконструируемым актуализатором цветолексем *румяный* является цветолексема *рудый*: «производн. суф. - *тѣль* от *ruda (рус. *руда*)» [11, с. 844].

¹⁸ Актуализатор цветолексем 黧 «темно-серый» в явной форме (реконструируется на синхронном уровне без обращения к этимологическому анализу) представлен в левой части иероглифа: иероглифический ключ-цветолексема 黑 «черный».

9. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М. : РИПОЛ классик, 2006. – 4 т.
10. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / редкол.: В. И. Чернышев (главн. ред.) [и др.]. – М.-Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1950–1965. – 17 т.
11. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка имени В. В. Виноградова ; отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М. : Изд. центр «Азбуковник», 2011. – 1175 с.
12. Гордей, А.Н. О комбинаторике числовых знаков в китайском языке / А.Н. Гордей // Научные чтения, посвященные В.В. Мартынову : сб. научн. тр. / редкол.: Г. А. Цыхун (отв. ред.), А.Н. Гордей (зам. отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2015. – Вып. 2. – С. 12–14.
13. Гордей, А.Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А.Н. Гордей. – Минск : БГУ, 1998. – 156 с.
14. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – 2-е изд., стереотипн. – М. : Прогресс, 1986–1987. – 2 т.
15. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – 2-е изд., стереотипн. – М. : Прогресс, 1986–1987. – 1 т.
16. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / под ред. И.М. Ошанина. – М. : Наука, 1983–1984. – 4 т.
17. Кожемякова, Е.А. История формирования семантики прилагательных-цветообозначений в русском языке : автореф. дисс. ... к.ф.н. : 10.02.01 / Е.А. Кожемякова. – Н. Новгород, 2001. – 24 с.
18. Данилов, А.С. Синкретизм цветовых и мифопоэтических признаков в семантике цветообозначений эддической поэзии : автореф. дисс. ... к.ф.н. : 10.02.04 / А.С. Данилов. – Тамбов, 2009. – 25 с.

Поступила 20.12.2017

THE CLASSIFICATION OF COLOUR LEXEMES RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

A. CHEKULAYEVA

This article is devoted to the classification of colour lexemes on the material of the antithetical languages: Russian and Chinese. The author of the article defines three key factors of classification of the colour lexemes: temporal affiliation, structural organization, methods of formation. In accordance with the temporal orientation, the colour lexemes are divided into synchronisms; neologisms; archaisms. Depending on the features of the structural organization, the colour lexemes are divided into: folded unary colour lexemes (derivatives and conversions); deployed complex colour-composites; expanded composite colour combinations. In accordance with the methods of formation, the colour lexemes are divided into three groups: the colour lexemes formed with the interaction of the core of the subject area “colour” with other subject areas – the external method; formed inside the subject area “colour” – internal method; formed in a mixed way, as a result of the interaction of constituent elements of the subject area “colour” with elements of other subject areas.

Keywords: colour lexeme, methods of formation, combinations, temporal orientation.

УДК 81'272 (045)

**НАИМЕНОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
КАК ЭЛЕМЕНТ ИМИДЖЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ****Е.В. ШИЛЕЙ***(Минский государственный лингвистический университет)*

Приводятся результаты анализа наименований организаций, позволившие выявить наиболее распространенные номинативные модели, которые используют номинирующие субъекты при формировании положительного имиджа организации. На примере названий организаций, предоставляющих юридические услуги, были исследованы принципы и способы номинации, используемые при привлечении внимания и установления контакта с целевой аудиторией.

Ключевые слова: *имидж, номинативные модели, принципы номинации, способы номинации.*

Развитие бизнес-сообщества на современном этапе характеризуется наличием большого количества субъектов хозяйствования, предлагающих однотипные товары и услуги, что влечет за собой рост конкурентной борьбы за внимание целевой аудитории. Ключевым фактором успешного функционирования организации в современном экономическом пространстве является активное взаимодействие с представителями общественности.

Компании стремятся к построению коммуникации с потребителем на долгосрочной основе, к завоеванию лояльности и доверия целевой аудитории. Одним из основных и наиболее эффективных средств достижения данных целей является формирование соответствующего имиджа компании. Имидж организации представляет собой не просто образ, основанный на эмоциональном восприятии компании, а выступает мощным информационным ресурсом. По словам Д.А. Горбаткина, благоприятное впечатление о товаре и компании-производителе, заключенное в созданном имидже, является одним из главных конкурентных преимуществ организации [1, с. 13]. Кроме того, имидж организации является крупным нематериальным активом, обладающим определенной финансовой стоимостью. По словам директора по связям с общественностью Группы МТС Е.И. Кохановской, цена имиджа организации может достигать 45% стоимости компании.

В последнее время вопрос формирования благоприятного имиджа организации все чаще становится предметом исследования ученых. М.В. Томилова [2], В.Д. Шкардун [3] рассматривают имидж как результат взаимодействия внешней и внутренней коммуникации компании. И.В. Алешина [4], А.О. Блинов [5] обосновывают использование позитивного корпоративного имиджа для повышения конкурентоспособности предприятий на примере российских организаций. Существенный вклад в разработку и реализацию механизмов функционирования имиджа организации внесли исследования Д.А. Горбаткина [6], С.Н. Текучевой [7].

Исследователи в области имиджологии и связей с общественностью (Г.Г. Почепцов [8, с. 15]) определяют имидж как совокупность характеристик объекта или явления, призванных сформировать устойчивое общественное мнение о его достоинствах и недостатках. В.М. Шепель определяет имидж как непосредственно или преднамеренно создаваемое визуальное впечатление о личности или социальной структуре. Это индивидуальный облик или ореол, создаваемый средствами массовой информации, социальной группой или собственными усилиями личности в целях привлечения к себе внимания [9, с. 79]. Формирование положительного имиджа компании является целенаправленной, тщательно планируемой и контролируемой деятельностью. Наиболее очевидными его ретрансляторами для внешней целевой аудитории является система идентификационных констант компании, или фирменный стиль. Фирменный стиль организации включает систему графических, словесных, цветовых, звуковых постоянных элементов, обеспечивающих смысловое единство исходящей от компании информации [10, с. 71].

Анализ существующей литературы в рамках имиджологии показал, что при относительно высокой степени изученности вопроса разработки компонентов фирменного стиля и его роли при формировании положительного имиджа организации такой постоянный элемент, как наименование организации, не получил должного освещения. В то же время название объекта выступает ключевым элементом фирменного стиля, основная цель которого, по мнению исследователей, состоит не только и не столько в номинации идентификации объекта, сколько в привлечении внимания потребителей и выделении среди конкурентов [11].

Заслуживают внимания рассмотрение способов и принципов номинации, которые используются при имяобразовании компаний, предлагающих юридические услуги. Выбор именно этой группы названий объясняется следующим фактором. Компании, реализующие услуги в данной сфере, особое значение уделяют построению имиджа и деловой репутации. Сфера юриспруденции отличается высоким уровнем требований, предъявляемых к профессионализму, ответственности, серьезности, что и передается целевой

аудитории посредством наименования организаций. Как утверждает Р.Г. Мелниченко, неудачно выбранное название адвокатского образования как минимум лишает адвоката и адвокатскую фирму хорошего маркетингового хода, а в некоторых случаях может послужить своеобразной антирекламой [12, с. 79].

В данной статье представлены результаты анализа 230 наименований организаций, предоставляющих юридические услуги, проведенного с целью установления наиболее распространенных номинативных моделей, присущих объектам данной сферы. В ходе исследования были использованы классификации принципов номинации, разработанные А.В. Суперанской и И.В. Крюковой. Согласно А.В. Суперанской, существует два типа номинации: реальный, отражающий местоположение предприятия и характер его деятельности, а также символический, дающий лишь некоторый намек на характер деятельности и на состав участников [13, с. 195]. И.В. Крюкова дополняет предыдущую классификацию, вводя промежуточный тип, условно-символический [14, с. 106], суть которого заключается в том, что названия данной группы представляют собой слова иной лексико-семантической парадигмы, но обладают общим с родовым определяющим семантическим элементом. Кроме того, к реальному типу номинации, который в классификации данного автора определяется как идентифицирующий, относятся наименования объектов, в которых есть указание не только на характер деятельности предприятия, вид продукции, но и на основателя.

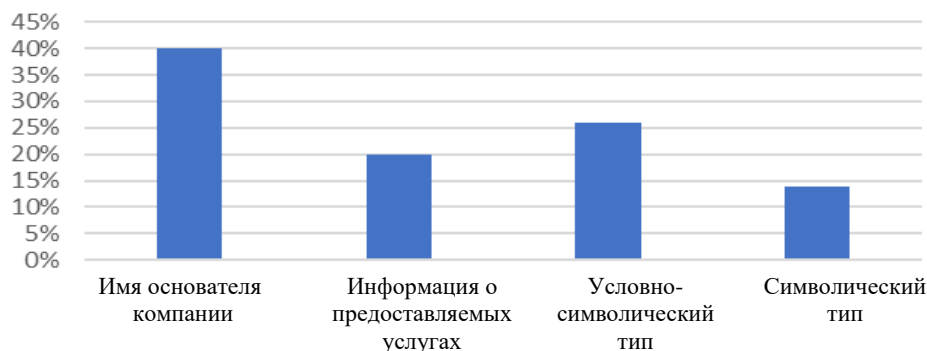
В результате проведенного анализа было установлено, что для привлечения внимания целевой аудитории подавляющее большинство наименований образовано посредством реального, или идентифицирующего принципа номинации. 60% наименований от общего числа компаний, функционирующих в сфере юриспруденции, содержат информацию о предлагаемых услугах, основателе организации, месте расположения. Примечательно, что среди наименований данной группы 40% образовано посредством использования в названии имени учредителя компании, в ряде случаев нескольких имен собственных, если основателей несколько: «*Адвокат Ананько Андрей Владимирович*», «*Данилевич и Волжинец*». В случае если компанию представляет коллектив сотрудников, довольно распространенным является использование существительных «партнеры» или «компания». В данном случае наименование компании образовано по модели «N + и партнеры» либо «N + и компания», где N – это фамилия учредителя/учредителей организации: «*Верховодько и партнеры*», «*Басова, Михель и партнеры*», «*Курносенко и К*». Высокая степень популярности данной номинативной модели объясняется тем, что «репутация адвокатской фирмы, особенно на этапе ее становления, во многом зависит от репутации, профессиональных и деловых качеств ее учредителей» [12, с. 79]. При использовании антропонима в качестве наименования компании происходит наложение имиджей, другими словами, «адвокат, обладающий известным именем, передает часть своего имиджа фирме, чем способствует ее успешному старту на рынке адвокатских услуг» [12, с. 79].

Помимо информации об основателе, в ряде случаев наименования передают сообщение о предоставляемых услугах. Данная группа названий составляет 20%: «*Агентство антикризисных технологий и инвестиций*», «*Деловые финансовые решения*», «*Белорусская нотариальная палата*». Использование данной номинативной модели позволяет компании достигать нескольких целей. Во-первых, номинирующий субъект в эксплицитной форме передает адресату сообщение об особенностях деятельности компании, и получателю не приходится прикладывать усилий при интерпретации данного сообщения. Во-вторых, наименования такого рода позволяют выделить сегмент общества, для которого деятельность данной организации представляет интерес и, таким образом, привлечь внимание целевой аудитории к организации: «*Центр ликвидации предприятий*», «*Транспорт и право*», «*Право и семейная медиация*». Имиджеобразующая функция данных наименований заключается в ретрансляции сообщения о фокусировании компании на определенном аспекте права и, соответственно, предоставлении услуг высокого качества.

Ряд наименований представляют условно-символический тип номинации. Посредством использования слов или словосочетаний, относящихся к сфере юриспруденции, при интерпретации названия организации семантика лексических единиц позволяет актуализировать у целевой аудитории определенные ассоциации: «*Арбитраж*», «*Паритет*». К этой же группе относятся наименования, которые образованы путем использования заимствований из других языков. В наименованиях организаций Минска, предоставляющих юридические услуги, присутствуют заимствования из английского языка: «*Дефандр*» (в пер. с англ. *защитник*), в ряде случаев номинаторы прибегают к использованию в имени устойчивых выражений из латыни: «*Бона Кауза*», «*Де факто*», «*Де юре*». 26% наименований образовано посредством условно-символического принципа номинации.

Наименее распространены наименования компаний, реализующих символический принцип номинации, которые никак не отражают специфику деятельности компании. Лишь в 14% случаев номинирующий субъект прибегает к данному номинативному принципу. Для более эффективной коммуникации на стадии установления контакта между организацией и целевой аудиторией наименования данной группы, как правило, предшествует номенклатурное название, отражающее суть деятельности именуемого объекта: *юридическая компания «Новэль»*, *юридическая компания «Сервис-Люкс»*.

Результаты, полученные в ходе анализа можно представить графически в форме диаграммы (рисунок).

Принципы номинации, используемые при образовании наименований компаний, функционирующих в сфере юриспруденции

Таким образом, имя владельца или учредителя выступает наиболее продуктивной моделью образования наименования организаций, реализующих услуги в юридической сфере. Использование данной номинативной модели способствует конструированию положительного образа компании, поскольку положительный имидж личности оказывает соответствующее влияние на восприятие всей компании. Следующим по распространенности является условно-символический тип номинации, посредством которого имплицитно передается информация об отнесенности компании к определенной сфере деятельности. В данном случае имидж компании создается благодаря положительной коннотации лексических единиц, входящих в состав наименования компании: «Траст» (в пер. с англ. *доверять, доверие*), «Дефандр» (в пер. с англ. *защитник*), «Бизнесе Энджелс Групп» (*angels* в пер. с англ. ангелы) и др. Наименования реального, или информирующего типа, прямо сообщающие целевой аудитории о специфике деятельности компании также достаточно распространены среди названий организаций, оказывающих услуги в юридической сфере.

Конструирование положительного имиджа компании осуществляется за счет сужения перечня оказываемых услуг до одного-двух направлений и более, тщательной проработки выбранных направлений. Следует отметить, что к группе наименований информирующего типа относятся названия, которые содержат предельно общую информацию о деятельности организации: «Адвокаты», «Юрцентр», «Коллегия». Несмотря на то, что посредством наименований данного рода целевая аудитория получает сведения о компании, подобные наименования не способствуют формированию имиджа и не являются элементом имиджевой коммуникации организации. Основная функция имени объекта в данном случае – номинативная, суть которой заключается в том, чтобы обозначить объект. Также не способствуют конструированию положительного имиджа организации символические названия, не передающие никакой информации о компании. В подобных случаях формирование и продвижение положительного имиджа компании осуществляется при помощи ряда дополнительных составляющих, к которым относятся элементы фирменного стиля: узнаваемый логотип, корпоративные цвета, слоган, а также осуществление активных действий по установлению и поддержанию контакта с целевой аудиторией, реализуемых в области связей с общественностью. Очевидно, что создание положительного информационного пространства вокруг организации необходимо при формировании положительного имиджа вне зависимости от номинативного типа имени компании, но на стадии установления контакта с общественностью удачное название позволяет быстрее достичь поставленной цели. В то время как, по словам Дж.К. Веркмана: «Плохо подобранное название всегда будет помехой, сколько бы средств ни вложили в рекламу...» [15, с. 323].

На основании анализа наименований организаций, предоставляющих юридические услуги, представляется возможным сделать вывод о том, что при создании положительного имиджа наиболее продуктивным принципом номинации является трансонимизация. Компании чаще всего прибегают к использованию в названии компании имени собственного учредителя или нескольких учредителей для информирования целевой аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбаткин, Д.А. Имидж организации : Структура, механизмы функционирования, подходы к формированию : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Д. А. Горбаткин ; Гос. ин-т управления. – М., 2002. – 27 с.
2. Томилова, М.В. Модель имиджа организации / М.В. Томилова // Маркетинг в России и за рубежом. – 1998. – № 1.
3. Шкардун, В.Д. Оценка и формирование корпоративного имиджа предприятия [Электронный ресурс] / В.Д. Шкардун, Т.М. Ахтямов // Маркетинг в России и за рубежом. – 2001. – № 3. – Режим доступа: <http://www.cfin.ru/press/marketing/2001-3/12.shtml>. – Дата доступа: 20.12.2017.
4. Алешина, И.В. Паблик рилейшнз для менеджеров / И. В. Алешина. – М. : ЭКМОС, 2002. – 479 с.

5. Блинов, А.О. Малое предпринимательство. Организационные и правовые основы деятельности / А.О. Блинов. – М. : Ось-89, 1998. – 335 с.
6. Горбаткин, Д.А. Имидж организации: структура, механизмы функционирования, подходы к формированию : дисс. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Д.А. Горбаткин. – М., 2002. – 169 л.
7. Текучева, С.Н. Корпоративный имидж как маркетинговый инструмент повышения конкурентоспособности предприятия на рынке услуг : на примере мобильной связи : дисс. ... канд. экономич. наук : 08.00.05 / С.Н. Текучева. – Ростов-н/Д, 2004. – 174 л.
8. Почепцов, Г.Г. Имиджелогия / Г.Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук ; К. : Ваклер, 2000. – 768 с.
9. Шепель, В.М. Имиджелогия. Как нравиться людям / В.М. Шепель. – М. : Народное образование, 2002. – 345 с.
10. Добробабенко, Н.С. Фирменный стиль: Принципы разработки / Н.С. Добробабенко. – М. : ИНФА-М, 1999. – 267 с.
11. Романова, Т.П. Проблемы современной эргонимии [Электронный ресурс] / Т.П. Романова // Вестник СамГУ. – 1998. – № 1. – Режим доступа: <http://weblib.ssu.samara.ru/DLib/vestnik/documents/199810904.html>. – Дата доступа: 22.12.2017.
12. Мелниченко, Р.Г. Наименование формы адвокатского образования: экономические и правовые аспекты / Р.Г. Мелниченко // Право и экономика. – 2005. – № 10. – С. 79–82.
13. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
14. Крюкова, И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / И.В. Крюкова. – Волгоград, 2004. – 360 л.
15. Веркман, Дж.К. Товарные знаки: создание, психология, восприятие / К. Дж. Веркман. – М. : Прогресс, 1986. – 520 с.

Поступила 22.12.2017

COMPANY NAME AS AN ELEMENT OF IMAGE COMMUNICATION

E. SHYLEI

The article reflects the results of examination of companies' names that allowed to define the most common nominative models used to build a company's positive image. On the example of the companies' names in the sphere of legal services we investigated the principles and means of nomination employed to attract audiences' attention.

Keywords: *image, nominative models, principles of nomination, means of nomination.*

РЕЦЕНЗИИ

Lehmann, J. Russische Literatur in Deutschland. Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart / J. Lehmann. – Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 2015. – 417 S.¹

Систематическое изучение литературных взаимосвязей – сравнительно молодая отрасль литературоведения, хотя сами эти взаимосвязи прослеживаются в рукописных и печатных источниках и даже в устном народном творчестве [1]. Вообще взаимный интерес народов друг к другу обнаруживается уже в глубокой древности и является неотъемлемым свойством развития человеческой цивилизации, – и это даже независимо от того, в каких разнообразных и причудливых формах этот процесс протекал на протяжении обозримой человеческой истории, где сквозь господствовавшую оппозицию «свой – чужой» постепенно пробивались крохотные ростки взаимопонимания и взаимоуважения, усиливаясь и ослабевая по самым различным (объективным и субъективным) причинам в разные исторические периоды. Поэтому каждый историк литературы, даже если он начинает свои исследования с углубления в какую-то одну национальную литературу, рано или поздно подходит к пониманию того, что многие явления национальной литературы, равно как и творчество отдельных писателей, не поддаются адекватному описанию и объяснению только в рамках данной национальной литературы, но настоятельно требуют сопоставления с аналогичными процессами и явлениями, имевшими место в других национальных литературах. И это относится не только к истории литературы, но и к истории языка, и к истории культуры в целом [2]. Сравнительное изучение языков уже в XIX веке привело к выявлению родственных языковых групп (германские языки, романские языки, славянские языки и т.д.) и к выявлению их общей родословной в индоевропейской языковой общности (Ф. Бопп и др.); в сравнительной мифологии, неизбежно связанной с обращением к разным языкам и текстам, обнаружились удивительные схождения древних мифических представлений даже весьма удаленных друг от друга народов о происхождении мира, жизни на Земле, происхождении богов и героев и их функций вплоть до истолкования происхождения различных обрядов и обычаев (Я. Гримм. *Немецкая мифология*, 1835). Изучение литературных взаимосвязей и взаимоотношений во всей их многогранности, многоаспектности и важности по существу начинается только в рамках культурно-исторической школы да и то поначалу с отчетливой практической установкой – для выявления оригинальности и неповторимого своеобразия своей собственной национальной литературы (В. Шерер и др.). Углубление методологических основ культурно-исторической школы (И. Тэн и др.) происходит в тесном сотрудничестве с позитивистской наукой, что в самой литературе так или иначе усиливает реалистические тенденции, а в литературоведении постепенно способствует становлению сравнительно-исторической школы (А.Н. Веселовский и др.). При этом всегда необходимо помнить, что сами писатели в своем творчестве нередко опережают теорию, – к примеру, проблема «типического характера» и «типических обстоятельств» привлекла внимание писателей (Бальзак, Диккенс, Теккерей и др.) значительно раньше, чем стал оформляться сам термин «реализм». На начальных этапах становления сравнительно-исторического литературоведения получили разработку проблемы влияний и заимствований (в статьях и книгах братьев Веселовских и др.), параллельно с этим обсуждались вопросы типологических схождений и расхождений отдельных сюжетов и отдельных литератур, замечались черты близости отдельных авторов. В то же время сами писатели и литераторы стали обращаться к некоторым важным проблемам, относящимся к области сравнительного литературоведения, значительно раньше профессиональных литературоведов. Например, в 1838 году в Германии была опубликована статья Фарнгагена фон Энзе о Пушкине, в которой речь шла не только о признании выдающегося места Пушкина в истории русской литературы, но гораздо о большем – о том, что в лице Пушкина русская литература вышла уже и на всемирно-исторический уровень [3]. Не менее показателен пример из французской литературы: с конца 1840-х годов и до конца своей жизни крупнейшим пропагандистом (и переводчиком) русской литературы становится Проспер Мериме (1803–1870), который не только переводит на французский язык Пушкина, Гоголя, Тургенева, но и пишет многочисленные статьи о них и о русской литературе в целом. Академическое литературоведение к подобным проблемам подходит лишь постепенно в XX веке [4]. И все же с конца XIX века внимание ученых к различным аспектам литературных взаимосвязей стремительно возрастает, возрастает источниковедческая и фактологическая база для сравнительно-исторических исследований: публикуются и переводятся не только произведения, но и письма, дневники, мемуары; появляются обобщающие исследования о рецепции творчества крупнейших писателей (Гёте, Шиллер, Гофман, Гейне и др.) в русской литературе [5]. Всё это очень отрадно и в то же время лишь с очевидностью подчеркивает, насколько много еще предстоит работы, чтобы написать комплекс-

¹ Отсылки к рецензируемому изданию даются в тексте в круглых скобках с указанием страниц.

ное полномасштабное исследование о литературных взаимосвязях даже двух национальных литератур – русской и немецкой.

В качестве обнадеживающего побудительного примера для дальнейших исследований необходимо обратить внимание на итоговую монографию Юргена Лемана «Русская литература в Германии. Ее восприятие немецкоязычными писателями и критиками с XVIII века до современности», изданную в 2015 году в авторитетном издательстве «Метцлер». Ю. Леман – известный славист, уже несколько десятилетий разрабатывающий самые различные аспекты немецко-русских и русско-немецких литературных взаимосвязей Нового времени, что прекрасно просматривается в собранной им обширной библиографии по теме (с. 359–401), включающей 775 наименований книг и статей, посвященных рецепции русской литературы в Германии (а фактически также в Австрии и Швейцарии). Эта книга – настоящий подарок для всех, кто активно занимается или даже просто интересуется данной проблематикой. Книга построена весьма продуманно, с привлечением необходимого исторического и политического контекста, и при чтении, может быть, больше всего поражает то, что, вмещая огромное количество конкретных фактов, имен и названий, она отнюдь не превращается в назойливый реестр, а читается как связное и плавно идущее увлекательное повествование. Искусство автора состояло в тщательном отборе фактов, в умелом чередовании энциклопедической и исследовательской формы подачи материала. Отдельные разделы и параграфы посвящаются тем крупным авторам, для которых рецепция русской литературы имела судьбоносный или по крайней мере этапный смысл: Г. Гауптман, Т. Манн, Р.М. Рильке, Г. Гессе, Ф. Кафка, Б. Брехт, П. Целан, Т. Бернхард, Г. Бёлль, А. Зегерс, Х. Мюллер, К. Вольф, Ф. Браун и так далее, оказывается, таких писателей было немало. Но Ю. Леман во введении недвусмысленно подчеркивает, что он и не ставил своей целью дать весь спектр рецепций и рецепиентов, – он стремился выделить важнейшие тенденции и проиллюстрировать их на конкретных примерах. При этом видно стремление к объективности, например, в анализе «русских» романов Э. Двингера (с. 193–194). О научной добросовестности автора свидетельствует и то, что он сам оговаривает, какие проблемы и аспекты он сознательно опустил из рассмотрения в своей книге. Обширный именной указатель позволяет использовать книгу как справочник. Особенно утешительно звучат слова Ю. Лемана, сказанные во введении: «Перед каждым, кто обращается к истории русской литературы в Германии, Австрии и Швейцарии, открываются огромные возможности для новых открытий и новых оценок» (с. 6).

Безусловно, исследование Юргена Лемана заслуживает гораздо более подробного анализа, чем это возможно в рамках скупой журнальной рецензии. Скорее, это своеобразная реклама, попытка привлечь внимание к книге, не заметить которую серьезный специалист просто не имеет права. Кроме того, я хотел воспользоваться случаем, чтобы обратить внимание на то, что в условиях неизбежно идущих процессов глобализации (с одной стороны) и одновременно активно идущих в науке процессов *историзации* научного знания (с другой стороны) углубленное изучение самых различных форм взаимосвязей и взаимодействий в сфере литературы (и культуры в целом) приобретает всё более важное и очевидное значение и на наших глазах преобразуется в фундаментальное и неизбежно необходимое научное направление. Юрген Леман, хотя прямо подобных мыслей не декларирует, но постоянно на разных страницах выходит за пределы узко и определенно поставленных целей и демонстрирует внимание к более широкому европейскому контексту.

Так, например, в открывающем исследованию небольшом параграфе «Первые контакты в период между Киевской Русью и началом XVIII века», занимающем всего три страницы, ему удается не только упомянуть важнейшие факты, но ввести некоторые из них в европейский контекст. Для наглядности хочу сопоставить фрагмент своего текста с фактами, приведенными Леманом.

«Круг дипломатических и культурных контактов с Германией в XVI–XVII веках заметно расширился. Ярким примером, подтверждающим это, служат две поездки в Россию (1517, 1526) немецкого дипломата барона фон Герберштейна (1486–1566), в результате которых он написал обширное сочинение «Записки о московитских делах» (*Rerum Moscoviticarum Commentarii*, 1549), которое еще при его жизни несколько раз переиздавалось, затем было переведено на немецкий и на другие языки и до сих пор сохраняет не только историческое, но и научно-источниковедческое значение. (Правда, на русский язык текст был полностью переведен с немецкого издания только в 1908 году.)» [1, с. 6].

«В то же время уже в средние века посланцы немецких императоров ездили в Россию. Первые важные сведения о Русском царстве привозили купцы и дипломаты, как, например, барон Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566), который дважды посетил Россию по поручению императоров Максимилиана I и Карла VII (1516–1518); (1526–1527). В его книге, опубликованной в 1549 году и позднее распространявшейся во всей Европе, благодаря переводам на английский, французский и итальянский языки (*Rerum Moscoviticarum Commentarii*, первое немецкое издание *Moscovia der Hauptstat in Reissen*, 1557), он не только подробно и дифференцированно сообщает о географических, социальных, религиозных и управленческих особенностях России, но также о русском языке и литературных памятниках в форме летописей, церковных текстов и так далее, и помещает в текст сравнительно точную географическую карту

России, а также план Москвы. Эта книга была очень популярна вплоть до XVIII века во всей Европе, много раз переиздавалась; многочисленные сообщения о России раннего Нового времени опираются на описания Герберштейна» (с. 13–14).

Из сравнения приведенных текстов для меня очевидно, что книга Герберштейна заслуживает гораздо более внимательного отношения не только в рамках изучения немецко-русских взаимосвязей, но и в рамках исследования общеевропейских культурных связей.

И еще два размышления, возникшие в связи с рецензируемой книгой.

1) Юрген Леман использует (и приводит в библиографии) только источники на немецком языке, опубликованные в Германии. Таким образом, в библиографию попали работы ряда российских исследователей, опубликованные в Германии (Лев Копелев и др.). Никакие другие многочисленные работы российских исследователей, посвященные рассматриваемым проблемам, ни в библиографию, ни в текст не попали, что, на мой взгляд, несколько ослабляет весомость научных выводов, которые, несомненно, возникли бы при условии привлечения (хотя бы частичного) иноязычных, в том числе и российских работ, относящихся к данной тематике.

2) Второе, важное для меня соображение, относится к фактически полному игнорированию автором литературы немецких граждан славянского происхождения, а именно серболужичан. Лужицкие сербы были покорены германцами уже в X веке и с тех пор никогда не имели другого гражданства, кроме немецкого. При всей дискриминации, которой они подвергались в течение всей немецкой истории, они сумели сохранить свой язык и создать интересную литературу. При этом им в разные исторические периоды приходилось пользоваться латинским, немецким и серболужицким языками, чаще всего они прибегали к немецкому языку в периоды запретов на родной язык. Произведения некоторых авторов, писавших и на немецком языке (Хандрош Тара) вошли даже в историю немецкой литературы. В послевоенной немецкой литературе (ГДР) многие авторы писали и издавали свои произведения как на немецком, так и на серболужицком языках (Юрий Брезан, Юрий Кох, Кито Лоренц, Ангела Стахова и многие другие). Произведения этих авторов нередко получали общеевропейский резонанс. Все они были гражданами ГДР, а после присоединения ГДР к ФРГ, стали гражданами ФРГ. Однако из всех этих немецких славянских писателей автор упоминает только Юрия Брезана (с. 237). Это вызывает у меня вопросы, поскольку именно жизнестойкость серболужицкого этноса, сумевшего в течение тысячи лет сохранить свой национальный язык, свои традиции и обычаи и создать интересную национальную литературу, в свое время привела меня в восхищение и заставила надолго погрузиться в проблематику малых этносов, национальных меньшинств и – в конечном итоге – заметно скорректировала мои взгляды на «большие» и «малые» литературы, и на историю мировой литературы в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. примеры в первых разделах очерка: Гугнин, А.А. Краткий очерк истории русско-немецких и немецко-русских литературных связей / А.А. Гугнин // Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи: международный сборник научных статей / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: А.А.Гугнин (отв.ред.) [и др.]. – Новополоцк, 2017. – С. 3–38.
2. См. в этой связи великолепное комплексное исследование: Топоров, В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы / В.Н. Топоров. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – Т. 1–2.
3. von Ense, V. Сочинения Александра Пушкина. Т. I–II. – СПб., 1838 / V. von Ense // Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik. – 1838. – № 61–64. – S. 481–511. О судьбе поэзии Пушкина в Германии см.: Raab, H. Die Lyrik Puškins in Deutschland (1820–1870) / H. Raab. – Berlin : Akademie-Verlag, 1964. – 209 S.
4. Гугнин, А.А. Несколько общих замечаний к проблематике изучения русско-немецких литературных взаимосвязей / А.А. Гугнин // Россия – Германия: литературные встречи (1880–1945) ; отв. ред. Т.В. Кудрявцева. – М. : Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2017. – С. 14–23. В данной статье я попытался на основе многолетних занятий различными аспектами русско-немецких и немецко-русских литературных связей составить перечень насущно необходимых задач, дальнейшая разработка которых должна вывести эту важную область исследований на новый научный уровень. В названной статье я затрагиваю только двусторонние (русско-немецкие и немецко-русские) литературные отношения. Но научная разработка комплекса двусторонних отношений с неизбежностью заставит вывести анализ на весь европейский литературный контекст, для чего могут понадобиться и новые методологические разработки и подходы... Разумеется, данный тезис не отвергает всего ценного, что создано за многие десятилетия развития сравнительно-исторического литературоведения. Как пример приведу только фундаментальное исследование: Алексеев, М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) / М.П. Алексеев // Литературное наследство. – М. : Институт мировой литературы им. А.М. Горького, 1982. – Т. 91. – 859 с. В данном случае ссылка на фундаментальное исследование академика М.П. Алексеева важна еще и как свидетельство одного из крупнейших специалистов по международным связям русской литературы, пришедшего к выводу, что «непосредственные источники» театра Петра I (как и первые пьесы театра Алексея Михайловича) «как будто и на этот раз были немецкие» (с. 72), и что «английские драматические сюжеты» приходили в Россию в конце XVII века через «немецкое посредство» (с. 105).

5. Приведем лишь несколько показательных примеров: Жирмунский, В.М. Гёте в русской литературе / В.М. Жирмунский. – Л. : Гослитиздат, 1937. – 674 с., 2-е изд. 1981. – 558 с.; Житомирская, З.В. Иоганн Вольфганг Гёте. Библиографический указатель русских переводов и литературы на русском языке. 1780–1971 / З.В. Житомирская. – М. : Книга, 1972. – 615 с.; Фукс-Шаманская, Л.П. Фридрих Шиллер и русский шиллеризм. Рецепция творчества Фридриха Шиллера в России 1800 – 1820 годов / Л.П. Фукс-Шаманская. – М. : Спутник+, 2009. – 156 с. См. также обобщающую монографию: Данилевский, Р.Ю. Шиллер и Россия / Р.Ю. Данилевский. – СПб. : Пушкинский Дом, 2013. – 656 с.; Ботникова, А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература / А.Б. Ботникова. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1977. – 206 с.; Э.Т.А. Гофман: Библиография русских переводов и критической литературы / сост. З.В. Житомирская. – М. : Книга, 1964. – 132 с., а также дополнения к нему в кн.: Художественный мир Э.Т.А. Гофмана / сост. Г.А. Шевченко. – М. : Наука, 1982. – С. 288–292. Некоторые новые материалы по истории восприятия творчества Гофмана в России см.: В мире Э.Т.А. Гофмана : сб. ст. / глав. ред. В.И. Грешных. – Калининград: Гофман-центр, 1994. – Вып. 1; Серапионовы братья: Гофман Э.Т.А. Серапионовы братья; «Серапионовы братья» в Петрограде: Антология / сост., предисл., коммент., подготовка текста А.А. Гугнина. – М. : Высш. шк., 1994. – 736 с.; Гордон, Я.И. Гейне в России (1830–1860-е годы) / Я.И. Гордон. – Душанбе : Ирфон, 1973. – 360 с.; Гордон, Я.И. Гейне в России (1870–1917) / Я.И. Гордон. – Душанбе : Дониш, 1979. – 274 с.; Гордон, Я.И. Гейне в России. XX век / Я.И. Гордон. – Душанбе : Дониш, 1983. – 431 с.; критический анализ этого большого труда см.: Гугнин, А.А. Проблемы изучения и издания Гейне (Критико-библиографические заметки) / А.А. Гугнин // Вопросы литературы. – 1985. – № 11. – С. 247–257; см. также раздел о Гейне (4 статьи) в кн.: Гугнин, А.А. Немецкая литература XIX века: от романтизма до бидермайера. Статьи, переводы, комментарии, библиография / А.А. Гугнин. – Новополоцк – Москва, 2002. – Вып. первый. – 238 с. – (Материалы Научного центра славяно-германских исследований).

*д-р филол. наук, проф. А.А. Гугнин
(Полоцкий государственный университет)*

Губская, В.М. Класіка XX стагоддзя: прыхаваныя таямніцы рамана «Віленскія камунары» М. Гарэцкага / В.М. Губская. – Мінск : РІВШ, 2016. – 108 с.

Плён працы М. Гарэцкага неаднаразова станавіўся аб'ектам навуковага даследавання (даследаванні А. Адамовіча, Д. Бугаёва, Т. Дасавай, Г. Кажамякіна, В. Максімовіча, М. Мушынскага, Л. Сіньковай, Т. Тарасавай, І. Шаладонава і інш.). Нягледзячы на пільную ўвагу літаратуразнаўцаў і крытыкаў да спадчыны класіка ўсё ж застаюцца пэўныя лакуны, што патрабуюць неадкладнага разгляду. Змена ідэалагічнай парадыгмы, актуальныя метадыкі працы з мастацкім матэрыялам, знаёмства з раней засакрэчанымі дакументальнымі крыніцамі дазваляе па-іншаму зірнуць на здавалася б знаёмыя тэксты. Так сталася з раманам «Віленскія камунары» М. Гарэцкага: на пачатку XXI ст. узнікла патрэба звярнуцца да гэтага адмысловага тэксту.

Праца В. Губскай «Класіка XX стагоддзя: прыхаваныя таямніцы рамана «Віленскія камунары» М. Гарэцкага» ўяўляе сабой комплекснае даследаванне твора беларускага класіка. Навукоўца абапіраецца на дасягненні сучаснага гарэцказнаўства («Трактоўкі рамана М. Гарэцкага “Віленскія камунары” ў беларускім літаратуразнаўстве»), пашырае перспектывы вывучэння спадчыны пісьменніка, уводзячы яе ў шырокі кантэкст заходнееўрапейскай літаратуры. У кампаратыўным рэчышчы вытрыманы наступныя раздзелы дапаможніка: «Элементы авантурнага жанру ў канцэпцыі рамана М. Гарэцкага “Віленскія камунары”» і «Актуалізацыя архетыпа трыкстара ў рамане М. Гарэцкага “Віленскія камунары”». Дадзеныя часткі кнігі дазваляюць прасачыць як тыпалагічныя паралелі, што яднаюць кнігу з асноўнымі набыткамі сусветнай літаратуры мінулых эпох («Жыццё Ласарыльё з Тормеса», «Гісторыя жыцця прайдзісвета на імя дон Паблас» Ф. дэ Кеведа, «Сімпліцій Сімпліцыісму» Г.Я.К. Грымельзгаўзена, персанажы «Дэкамерона» Дж. Бакача, «Тыль Уленшпігель» Ш. дэ Кастэра, «Прыгоды ўдалага ваякі Швейка» Я. Гашака), так і дэталёва засяродзіцца на адметнасцях твора, што ўзнік у надзвычай складаны гістарычны перыяд, калі мастацтва слова пакутавала ад запатрабаванняў звышпільных цэнзараў.

Аўтар дапаможніка разглядае спецыфіку аповеду ў раздзеле «Наратыўная структура “Віленскіх камунараў”». Поліфанічная прырода рамана». Падкрэсліваецца, што вобразы аўтара, апавядальніка і галоўнага персанажа патрабуюць уважлівага прачытання, бо кожны з іх надзелены пэўнымі светапогляднымі характарыстыкамі, што ўзаемадапаўняюць ці аспрэчваюць адна адну. Тым самым дасягаецца поліфанічнае гучанне ўсяго твора.

Механізм судакранання мастацкага вымыслу і гістарычна абумоўленай рэчаіснасці пададзены ў раздзелах «Роля біяграфічных элементаў у рамане М. Гарэцкага “Віленскія камунары”» і «Гістарычны аспект рамана М. Гарэцкага “Віленскія камунары”». Аўтар даследавання доказна сцвярджае, што ў тэксце рамана зашыфраваны шэраг аўтабіграфічных фактаў, што становяцца відавочнымі пасля дэталёвага знаёмства з жыццёвым і творчым шляхам пісьменніка (у тым ліку, дзякуючы ўспамінам і лістам родных).

Пасля кожнага раздзела пададзены пытанні і заданні, што дазваляюць арганізаваць кантроль ведаў па засвоенаму матэрыялу і даюць магчымасць самастойна паразважаць над пэўнымі праблемамі, звязанымі з раманам.

Багаты бібліяграфічны спіс дазваляе працягнуць самастойнае даследаванне таямніц творчасці М. Гарэцкага.

Дапаможнік карысны навукоўцам, выкладчыкам гісторыі беларускай і сусветнай літаратуры, аспірантам і магістрантам, студэнтам-філолагам, усім, хто цікавіцца айчынным літаратурным працэсам, яго тыпалагічнымі сувязямі з сусветным мастацтвам слова.

*канд. філал. навук, дац. З.І. Трацяк
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)*

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В ЗЕРКАЛЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»**

(Полоцк, 26–27 ноября 2017 г.)

2017 год был отмечен сразу несколькими круглыми датами. Одна из них – столетие Октябрьской революции в России. 1917 год ознаменовал наступление новой, весьма противоречивой и трагической эпохи. Организаторы конференции, кафедра мировой литературы и иностранных языков, предложили гуманитариям, как литературоведам, так и лингвистам, культурологам, обратиться к разностороннему осмыслению проблематики революций и гражданских войн в истории мировой словесности.

События 1917 года требуют взгляда из иной временной плоскости и нового методологического подхода. Произведения об Октябрьской революции и гражданской войне не могут больше прочитываться только как противостояние «устаревшего» строя и идущего ему на смену «прогрессивного» порядка. Коренные социальные сломы (не только столетней давности) почти всегда приводят к тотальной смене ролей, пересмотру ценностей, состоянию неопределенности и подталкивают к поиску выхода из такой ситуации. Одним из выходов становится формирование новых представлений о нации, ее истоках, национальном характере. Так было и после французской революции 1789 года, и после 7 ноября 1917 года на западных границах уходящей в прошлое Российской империи; легко найти параллели и в событиях недавнего прошлого. Таким образом, целью конференции стало целостное осмысление национальной, социальной и психологической проблематики в литературе кризисных периодов.

Основной круг тем конференции составили следующие исследовательские направления:

- отражение войн, революций и локальных конфликтов в национальных литературах;
- история революционных идей и образов в русской, белорусской и зарубежной литературе;
- революция 1917 года и гражданская война в художественной литературе и публицистике;
- актуальные вызовы современного мира (терроризм, угроза атомной войны, информационные и идеологические битвы) в художественной литературе;
- проблема «свой» и «чужой» в литературе о революциях и войнах;
- национальное сознание в революционные и военные эпохи, стратегии его репрезентации в литературе;
- символы, образы, стили в трактовке военной и революционной тематики: традиции и новые подходы;
- агрессия в языке и речи.

Открыл конференцию приветственным словом проректор по учебной работе Полоцкого государственного университета, кандидат технических наук, доцент *Юрий Петрович Голубев*. Он отметил актуальность тематики конференции как с научной, так и социальной точки зрения. Ю.П. Голубев выразил уверенность, что заявленный для обсуждения круг проблем позволит участникам конференции не только решить конкретные познавательные задачи, но и реализовать воспитательную и гармонизирующую функцию гуманитарной науки.

Далее слово взял доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры мировой литературы и иностранных языков *Александр Александрович Гугнин*. Он подвел некоторые итоги своей научной деятельности в Полоцком государственном университете, представил главные достижения своей научной школы, среди которых – разработка и совершенствование историко-контекстуального метода, создание плодотворной научной среды, благодаря которой проведение литературоведческих конференций стало регулярным и значимым событием в жизни факультета, университета, всего гуманитарного сообщества Беларуси. Завершая выступление, Александр Александрович представил новый коллективный труд «Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи»¹, в котором собраны статьи, отражающие основные направления исследований полоцкой научной школы за последние пять лет.

Первая часть пленарного заседания конференции открылась выступлением *Галины Вениаминовны Синило* (Белорусский государственный университет). В докладе «Опыт страдания, насилия, тоталитаризма и поиски нового поэтического языка в творчестве Нелли Закс» было показано, что становление поэтического языка Нобелевского лауреата по литературе 1966 года было связано с осознанием трагического опыта миллионов жертв нацистского режима. Нелли Закс видела задачу поэзии после Освенцима в сохранении памяти о жертвах, выработке языка любви, чтобы, выражаясь словами самой поэтессы,

¹ Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи : междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т ; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : ПГУ, 2017. – 352 с.

«гонимые не стали гонителями». Также Галина Вениаминовна представила свою новую монографию – «Лирические книги Библии как архетексты немецкой поэзии XVII века»².

Выступлению *Марины Станиславовны Рогачевской* (Минский государственный лингвистический университет) также сопутствовала презентация книги «Новые формы психологизма в британском романе XX века»³. Доклад «Война и национальное сознание британцев в романах Пэт Баркер и Хелен Данмор» представлял основные положения этого труда. Обратившись к романам о мировых войнах современных британских писательниц («Комната Тоби» П. Баркер, «Шинель» и «Ложь» Х. Данмор), М.С. Рогачевская проанализировала такие аспекты национального сознания британцев, как кризис осознания Британской империи, классовой иерархии, образов джентльмена и леди, а также некоторые архетипы коллективного бессознательного.

Денис Александрович Кондаков (Полоцкий государственный университет) выступил с докладом «Французская революция глазами сарматов: Ян Потоцкий и Людвик Платер». Основываясь на франкоязычном литературном наследии героев своего исследования и неопубликованных эпистолярных источниках из архивных фондов Беларуси, докладчик продемонстрировал, что идеология и риторика Французской революции подпитывали политическое и литературное творчество элиты Речи Посполитой. Д.А. Кондаков приходит к выводу, что, по крайней мере, часть знатных поляков и литвинов, «не чуждых литературному творчеству», не только черпала творческое вдохновение в бурных революционных событиях, но и стремилась использовать французский опыт борьбы с тиранией в деле возрождения своего Отечества на новых политических началах, а отличительной чертой общего культурного фона тех лет стала подвижность границ между частной и общественной жизнью, интимным и публичным высказыванием, социальной маской и субъективным мироощущением и, кроме того, активизация культурного обмена между Францией и Речью Посполитой.

Вторую часть пленарного заседания открыл доклад декана гуманитарного факультета Даугавпилсского университета (Латвия) *Элины Гиршевны Васильевой* «"Другая" война в прозе Фридриха Горенштейна». Фридрих Горенштейн – русскоязычный писатель еврейского происхождения. Такое сложное определение, принятое Э.Г. Васильевой, объясняет особый взгляд автора на Великую отечественную войну и послевоенные события в СССР. Ф.Н. Горенштейн изображает их с точки зрения еврейского народа, поэтому и отношение к ним существенно иное, в сравнении с тем, которое было выработано в советской литературе. На примере рассказа «Дом с башенкой», повести «Зима 53-го года», романа «Искушение», а также пьесы «Бердичев» Э.Г. Васильевна показала, что Ф.Н. Горенштейн излагает альтернативную историю, изложенную глазами «постороннего»: окончание Второй мировой войны знаменует не конец агрессии по отношению к евреям, а новый виток насилия и унижений.

Доклад постоянного гостя полоцких литературоведческих конференций *Юрия Викторовича Стулова* (Минский государственный лингвистический университет) «Фундаментализм как одна из причин жестокости Гражданской войны в США» основывался на романе Пулитцеровского лауреата 2016 года Колсона Уайтхеда «Подземная железная дорога». Ю.В. Стулов показал, что с точки зрения современного американского писателя, вольно обращающегося с историческими фактами, позволяющего себе явные, но художественно оправданные анахронизмы, Гражданская война в США разделила людей не по расовому признаку, не географически, а прежде всего идеологически и нравственно. В романе К. Уайтхеда, утверждает белорусский американист, враждуют не Юг и Север, не рабовладельцы и аболиционисты, не черные и белые, а любовь и неприязнь, свобода и догматизм, гуманизм и ложно понятый пуританизм.

Александр Александрович Козин (Московский государственный областной университет, Москва) построил свой доклад «"Легенда о мертвом солдате" Б. Брехта в свете традиций немецкой литературной баллады» в рамках междисциплинарного подхода, совмещая анализ художественного текста, дискурсивный анализ, привлекая исторические документы. Российский литературовед не только указал на явные литературные претексты стихотворения Бертольта Брехта – баллады «Ленора» Г. Бюргера и «Гренадеры» Г. Гейне, в которых обработан мифологический сюжет о мертвом женихе. Он также продемонстрировал, что кайзеровская пропаганда активно использовала макабрическую образность для устрашения противника и поддержания боевого духа германской армии во время Первой мировой войны. Таким образом, пародийные и иронические интонации «Легенды о мертвом солдате» были понятны в межвоенную эпоху и широко образованному, и неискушенному немецкому читателю.

*канд. филол. наук, доц. Д.А. Кондаков
(Полоцкий государственный университет)*

² Синило, Г.В. Лирические книги Библии как архетексты немецкой поэзии XVII века / Г.В. Синило. – Минск : БГУ, 2016. – 551 с.

³ Рогачевская, М.С. Новые формы психологизма в британском романе XX века / М.С. Рогачевская. – Минск : Новое знание, 2015. – 444 с.

26 кастрычніка ў межах канферэнцыі працавала секцыя «*Праблемы адлюстравання войнаў і рэвалюцый у славянскіх мовах і літаратурах*». Былі праслуханы дзевяць дакладаў, адбылася дыскусія па актуальных праблемах літаратуразнаўства і лінгвістыкі.

У дакладзе *Наталлі Багданаўны Лысвай* (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтва, Мінск; Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт) «Маленькі чалавек у краіне Гулівераў: канцэпт гісторыі нацыянальнай культуры у рамана А. Бахарэвіча “Белая муха. Забойца мужчын”» вылучаны ідэйна-тэматычныя, стылістычныя асаблівасці рамана. Дакладчыца вызначыла аўтарскую канцэпцыю гісторыі: матыў гістарычнай «паразы жанчын» прэзентуюцца праз сатырычныя, лірыка-меладраматычныя, іроніка-парадыйныя жанравыя формы і прадстаўлены на фоне нацыянальна-культурных рэалій. Закранута пытанне ўзаемасувязі рамана беларускага пісьменніка і другой часткай кнігі Джонатана Свіфта «Вандраванне Гулівера», якая адыгрывае важную ролю ў сістэме герояў, ідэйнай скіраванасці твора ХХІ ст.

Матыў «вайны-кантуума» ў беларускай ваеннай прозе 20–30-х гг. ХХ ст. разгледжаны ў дакладзе *Зоі Іванаўны Трацяк* (Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт). Аўтар падкрэсліла, што айчыннае мастацтва слова ў 1920–1930-х гг. назапасіла шэраг прыёмаў (ад мантажу да «плыні свядомасці») для ўвасаблення сацыяльных навал, якія абрынуліся на беларускую зямлю. Сінхронна мастацкія слова (З. Бядуля, П. Галавач, А. Гародня, Ц. Гартны, М. Гарэцкі, М. Зарэцкі, М. Лынькоў, Я. Скрыган, К. Чорны) апавадалі пра асноўныя ваенныя і сацыяльныя катаклізмы, якія змянялі лад жыцця і спецыфіку мыслення шараговага чалавека. Айчыныя праякі закранулі тэму «ваеннага сіндрому», што з нагоды «вайны-кантынуума» вызначыў быццё некалькіх пакаленняў дзяржавы Саветаў, разгледзелі праблемы палітычнага самавызначэння, фармулявання новых каштоўнасцей і маральна-этычных імператываў, што дапамагалі зарыентавацца ў надзвычайных абставінах.

Наталля Генадзьеўна Апанасовіч (Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт) разгледзела гісторыка-культурныя рэаліі рамана В. Адамчыка «Чужая бацькаўшчына» (“Міжваенная рэчаіснасць у рамана В. Адамчыка “Чужая бацькаўшчына”). Даследчыца заўважыла, што асновай твора стала заходнебеларуская рэчаіснасць, на прыкладзе якой праявіліся паспрабаваў прасачыць жыццёвую абумоўленасць і гістарычную прадвызначанасць лёсу беларусаў. У дакладзе адзначаецца багатае і рознаўзроўневае ўвядзенне фактаграфічнага матэрыялу, які арганічна ўплецены ў мастацкі апавед і адметна маркіруе і ілюструе прастору, выяўляе спецыфіку псіхалогіі, мыслення вясковага чалавека, акрэслівае яго аксіялагічныя канстанты.

Тацяна Робертаўна Багарадава (Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт) прачытала даклад на тэму «Сродкі трактоўкі маральнай праблематыкі ў «ваеннай» аповесці І. Шамякіна “Агонь і снег”».

У дакладзе «Нацыянальная свядомасць у рэвалюцыйных і ваенных эпохі ў беларускай літаратуры» *Сяргея Антонавіча Вялюгі* (Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт) разглядаліся раманы Ц. Гартнага «Сокі цаліны» і апавесць А. Мрыя «Запіскі Самсона Самасуя». Даследчык падкрэсліў, што ў рамана Ц. Гартнага герой актыўна падтрымлівае рэвалюцыю і новыя павевы, прымаючы ў іх непасрэдны ўдзел, а ў творы А. Мрыя герой-прыстасаванец выкарыстоўвае абставіны ва ўласных інтарэсах.

У дакладзе *Святланы Міхайлаўны Лясковіч* (Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт) праведзена даследаванне канцэпта «вайна», а менавіта, яго адлюстраванне ў беларускай парэміялогіі. Выяўлены галоўныя складнікі канцэпта і сродкі яго аб’ектывацыі; наяўнасць у складзе канцэпта гістарычных звестак, звязаных з уяўленнямі пра вайну ў розны гістарычны перыяд. Рэкрутчына і салдатчына з’яўляюцца неад’емнай часткай паняцця пра вайну ў часы панавання царызму. У парэміялагічным фондзе занатаваны імёны суб’ектаў ваенных дзеянняў – Гітлер, Кубэ, Гебельс, Мінай, Стэфан Баторый і інш., якія можна разглядаць як прэцэдэнтныя.

У дакладзе «Руская рэвалюцыя ў творах класіка беларускай літаратуры Максіма Гарэцкага» *Вольгі Мікалаеўны Губскай* (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт) разглядаліся наступныя творы: «Усебеларускі з’езд 1917-га года» і «Дзве душы». Аналіз грунтуецца на назіраннях Ю.М. Лотмана, зафіксаваных у працы «Механізм смуты». Выказваецца ідэя аб тым, што беларускае грамадства перыяду Рускай рэвалюцыі 1917 года можна аднесці да царнаснай сацыяльнай структуры – на фоне відавочных палітычных канфліктаў, выкліканых супрацьстаяннем Часовага ўрада Керанскага і Ваенна-рэвалюцыйнага камітэту Петраградскага савета рабочых і салдацкіх дэпутатаў, тут фарміравалася «трэцяя сіла» – нацыянальны фронт, пра які пісалі гісторыкі 1920-х гг.

У дакладзе *Ірыны Ігараўны Шматковай* (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт) «Рэвалюцыйныя ідэі і вобразы ў беларускай жаночай паэзіі другой паловы ХХ стагоддзя» разглядалася спецыфіка ўвасаблення рэвалюцыйных ідэалаў у беларускай жаночай паэзіі другой паловы ХХ ст. У якасці матэрыялу даследавання абраны асобныя творы Е. Лось, В. Вярбы, Я. Янішчыц, Н. Мацяш, Г. Каржанеўскай. У ходзе даследавання раскрываецца эвалюцыя поглядаў лірычных герань вершаў дадзеных паэтак пад уплывам грамадска-палітычных змен у краіне.

канд. філал. навук, дац. З.І. Трацяк
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)

На секции «Национальное сознание в революционные и военные эпохи, стратегии его репрезентации в литературе» были представлены доклады ученых Полоцкого государственного университета. Отличительной особенностью являлось хронологическое и жанровое разнообразие анализируемых произведений.

В докладе *Натальи Васильевны Нестер* «Концепция войны в римской любовной элегии» проанализировано отношение поэтов Тибулла, Проперция, Овидия к теме войны. Выделены общие и отличительные особенности элегических произведений в контексте греческой и римской литературной традиции и сложившейся общественно-политической ситуации. Автор отмечает, что основная черта, объединяющая данных поэтов, – сравнение влюбленного поэта и солдата, однако проводимая параллель между любовью и военной службой у каждого поэта имеет свои отличительные особенности. Так, Н.В. Нестер отмечает, что в элегиях Тибулла размышления о войне носят обобщающий характер, образ влюбленного поэта, его спокойной и размеренной идиллической жизни противопоставляется образу воина. Проперций, в отличие от Тибулла, в элегических произведениях не погружается в мир мечтаний, а изображает современность с точки зрения поэта, противопоставляет победу над Кинфией победе Августа. Однако поэт постепенно отказывается от любовной тематики, отдавая предпочтения прославлению битв и национально-патриотической тематике. Особое внимание в докладе было уделено анализу многочисленных сравнений в элегии I, 9 из «Любовных элегий» Овидия, где поэт использует метафорическое отождествление любовника как воина Амура с солдатом в контексте светской римской жизни.

Екатерина Владимировна Луишевская представила доклад «Особенности эпического сознания в народном героическом эпосе», в котором на примере народно-героических эпосов «Песнь о Хильдебранде», «Вальтарий» и «Песнь о Нибелунгах» проанализировала соотношение исторической и эпической реальности в данных произведениях. Особое внимание автор уделила таким ключевым понятиям средневекового мировоззрения, как честь и слава, судьба и счастье, богатство и одаривание, религия, вассальная верность, побратимство и месть. Детальный сравнительный анализ данных понятий позволяет наиболее полно раскрыть образ эпического героя-воина в германском эпосе, а также показать особенности отражения в народном героическом эпосе дохристианской эпохи и ее ценностей.

Доклад *Анастасии Игоревны Мозго* «Специфика отражения ангельского войска в поэме «Потерянный рай» Дж. Мильтона» посвящен анализу изображения войска падших ангелов в книгах I, II эпической поэмы «Потерянный рай». Поэт искусно выстраивает произведение таким образом, чтобы, с одной стороны, изображение военных действий соответствовало представлениям читателей того времени, а с другой – позволило автору раскритиковать необоснованные мифы о значимости войны. В докладе проанализированы особенности изображения образов демонов как о воинах с высоким уровнем организации, о разведчиках, советчиках при принятии стратегически важных решений и ораторах, выступающих перед соратниками на военном совете.

В докладе *Марии Александровны Анисимовой* «Экзотические эклоги Чаттертона как знаковый этап становления предромантического экзотизма» проанализированы произведения Томаса Чаттертона «Геккар и Гайра», «Нарва и Моред», «Смерть Нику». Детальный стилистический анализ художественного текста позволил определить характерные черты его эклог из африканского цикла в контексте всей ориенталистской поэзии этого времени. На основании анализа исследователь делает вывод о том, что, благодаря оригинальному сюжету, обилию и разнообразию стилистических средств, многочисленным элементам готики, мистицизма и мифологизма, писатель смещает акцент в сторону эстетического аспекта ориенталистской тематики, а не аллегорического и философско-дидактического, характерных для литературы XVIII в.

Антонина Сергеевна Кононова в докладе «Великая французская революция в творчестве Дж. Остен» уходит от традиционного взгляда на творчество Дж. Остен как на произведения, в которых отсутствует отражение исторических событий. Исследовательница отмечает, что в переписке писательницы Французская революция не упомянута ни разу, нет прямых указаний на это событие и в ее художественных текстах. В докладе отмечаются аллюзии на французские события в романах «Катарина, или Беседка», «Нортенгерское аббатство». А.С. Кононова анализирует влияние событий Великой французской революции на английскую действительность в романах «Мэнсфилд Парк», «Эмма» и «Доводы рассудка». В данных произведениях последствия Революции приобретают повседневный характер, используются для противопоставления «французскости» и «английскости» при описании сельской аристократии, которая олицетворяет консервативные взгляды и традиционные ценности британского общества, но одновременно готова к принятию нового.

Доклад *Татьяны Михайловны Гордеёнок* «Образ Кураж в немецкой литературе» носил сравнительно-исторический характер. Докладчица проследила генезис и характерные черты образа знаменитой авантюристки времен Тридцатилетней войны Кураж в творчестве Гриммельсгаузена, а также проанализировала его вариации в новелле Ахима фон Арнима «Филандер среди бродячих солдат и цыган во время Тридцатилетней войны», драме Бертольта Брехта «Мамаша Кураж и ее дети» и рассказе Гюнтера Грасса

«Встреча в Тельгте». Т.М. Гордеёнок сделала вывод, что образ Кураж актуализируется в немецкой литературе в кризисные эпохи.

В докладе Людмилы Ивановны Семченко «Образ Ленина в рассказе С. Цвейга «Пломбированный вагон»» проведен детальный анализ художественной интерпретации образа вождя мирового пролетариата Владимира Ульянова-Ленина в исторической миниатюре Стефана Цвейга «Пломбированный вагон». Исследовательница показывает причины, обусловившие интерес автора к психологическому портрету героя в экстремальной ситуации, к обнаружению истинных мотивов его поступков, оказавшими влияние на ход мировой истории. Особое внимание в докладе уделяется приему антитезы, при помощи которого в повествование вводится мотив двойственности воспринимаемой действительности, а также анализу манере повествования в произведении (авторские комментарии обобщающего характера, несобственно-прямая речь).

В докладе «Проблема исторического сознания личности в романе К. Хайна "Портрет отца с сыном"» Екатерина Владимировна Кузнецик представила отношение писателя к прошлому, проанализировала проблему исторической правды и исторического сознания с позиции внутренних переживаний героев романа Кристофа Хайна «Портрет отца с сыном». Показано, как благодаря двойной повествовательной раме реалистично раскрываются временные пласты прошлого и настоящего, а переходы от реальных исторических событий к размышлениям и снам персонажей позволяют создать сложную психологическую канву. Ключевыми элементами, определяющими развитие сюжета и являющимися способом выражения исторического сознания, являются мотивы вины и памяти, затрагивается тема тоталитаризма и свободы личности.

*канд. филол. наук, доц. Д.А. Кондаков, А.И. Мозго
(Полоцкий государственный университет)*

В ходе работы секции «Трактовка военной и революционной тематики в литературе XX–XXI веков» были заслушаны и обсуждены шесть докладов. Проблематика конференции конкретизировалась на материале русской, английской и американской литератур.

В докладе Анны Ивановны Станкевич (Даугавпилсский университет, Латвия) «Чеченская война в романе В. Маканина "Асан"» была охарактеризована идейно-нравственная проблематика и мифопоэтика произведения. Роман не содержит однозначных авторских оценок. У Маканина все воюющие – и русские, и чеченцы – показаны потерявшими человеческий облик, предавшими нормы своей культуры. Людьми правит кровожадный и алчный бог войны – Асан. Исследовательница подчеркнула, что в отличие от Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, в отличие от собственного более раннего произведения («Кавказский пленный»), В. Маканин не показывает в войне с чеченцами ничего достойного восхищения: ни героизма, ни священных уз товарищества, ни патриотизма.

Доклад другой гостьи из Даугавпилсского университета – Инны Андреевны Дворецкой – носил название «"Ди-пи" как культурный архетип в творчестве Игоря Чиннова». В глубоком и обстоятельном сообщении была показана личная драма одного из самых трагичных поэтов XX века. В лирике Чиннова воплощено мучительное переживание травматического опыта Второй мировой войны. Война для поэта – это и то, о чем нет желания и сил говорить, и то, что невозможно забыть. Война, понимаемая как абсолютное зло, заставляет Чиннова разорвать духовное родство со своими предками, сделавшими военную карьеру, в пользу всех одиноких, бесприютных, вечных «ди-пи» в непрочном мире.

Доклад Анастасии Викторовны Коротких (Полоцкий государственный университет) «Образ революционной России в публицистике и художественной прозе Саши Чёрного и А. Аверченко 1920-х годов» был посвящен восприятию Советской России эмигрантами-сатириками, мыслившими себя непримиримыми противниками большевизма. Революция, гражданская война, советская власть превратили Россию в «СССР-ский котел», в котором варятся несчастные всех политических мастей. Посвященная Советской России проза Чёрного и Аверченко – это инвектива, не пренебрегающая никакими из существующих сатирических инструментов. Карикатура, гротескное портретирование, пародия, – всё используется ради стремления разоблачить бесчеловечный характер революции, абсурдную жестокость большевистского владычества, беспомощность «маленького человека».

Андрей Александрович Марданов (Полоцкий государственный университет) в докладе «Образ России в романе М. Эмиса "Дом свиданий"» подверг деконструкции набор западных либеральных идеологических штампов, из которых сложен роман модного английского постмодерниста. Сталинская Россия – огромная казарма, лагерный барак, заселенный людьми, не умеющими любить. Докладчик обратил внимание на то, что поэтика романа Эмиса не дает читателю понять, серьезен ли автор, создавая образ России-концлагеря, или он иронизирует над расхожим клише.

Олеся Александровна Шалай (МГЛУ, Минск) предложила обзор публицистических текстов американского борца за права афроамериканцев. Доклад «События борьбы за гражданские права в США

в эссеистике Дж. Болдуина» был выполнен в рамках социологического литературоведения. Исследовательница продемонстрировала оценки творчества Болдуина, принятые в советской науке и литературной критике.

Доклад *Дмитрия Андреевича Лабовкина* (Полоцкий государственный университет) был посвящен ранним военным рассказам Дж. Д. Сэлинджера. Исследователь показал, как вырабатывались писателем мотивы неприятия, нравственного и эстетического отторжения насилия, бессмысленной жестокости. Эти мотивы нашли развитие в образе Холдена Колфилда, героя главного произведения писателя – «Над пропастью во ржи».

Таким образом, выступления докладчиков и обсуждение их сообщений – это демонстрация внимания научного сообщества к тем произведениям словесности, в которых войны осмысляются как травмирующий опыт. Даже когда слово вынужденно становится оружием (в художественной сатире, в публицистике), это необходимое участие в войнах необратимо разрушает гармонию внутреннего мира воюющих.

канд. филол. наук А.В. Коротких
(Полоцкий государственный университет)

В рамках секции «Агрессия как объект филологического исследования» была проведена плодотворная и интенсивная работа по анализу причин и последствий проявления человеческой агрессии, отраженных в литературном тексте. Именитые и молодые ученые исследовали тексты авторов разных стран, эпох, произведений разных жанров, делились своими открытиями. Председатель секции Юрий Викторович Стулов, задавая вопросы, помогал участникам увидеть новые грани и направления их исследования. Особый интерес вызвал доклад *Елены Степановны Балтруковой* (Полоцкий государственный университет) «Чтение как акт борьбы в романе М. Зузака “Книжный вор”», в котором предложен творческий способ борьбы с агрессией – чтение. Ведь в книгах содержится опыт всего человечества, из которого цивилизованный и здравомыслящий человек должен извлечь урок и не допустить повторения трагедий прошлого.

Гостя из Даугавпилсского университета доктор филологии *Ингрида Купиане* в своем докладе «Период немецкой оккупации в латышской литературе эмиграции: на примере прозы Г. Яновского» затронула проблему вынужденного бегства из родной страны, а также холокоста на оккупированной территории, пережитых самим автором анализируемых произведений.

Мария Дмитриевна Пустрова (Полоцкий государственный университет) в докладе «Агрессия или акт релаксации?» обратилась к гендерному аспекту молчаливых реакций в бытовом общении, общепринято воспринимаемых как знак агрессии, дерогативности или уничижения. На примере записей подлинного общения в четырех культурах (белорусской, русской, американской и английской) докладчик показала, что зачастую молчание является проявлением релаксации, доверия и уважения, и неправильное толкование кода может привести к недопониманию.

Виолетта Станиславовна Кусковская (Полоцкий государственный университет) представила малоизвестный литературный материал в своем докладе «Отражение событий Гражданской войны в США в коротких рассказах американских писательниц (на основе сборника С.Т. Джоши “Воспоминания о Гражданской войне”». Исследовательница говорила о репрезентации Гражданской войны в США глазами женщин на примере, определяя гендерные различия в восприятии и переживании событий 1861–1865 годов.

Сергей Владимирович Гочаков (Полоцкий государственный университет) в докладе «Образ войны в народных и литературных балладах Англии» познакомил участников конференции с темой столетней войны в народных и литературных балладах Англии, определил взаимосвязь, а также общие и отличительные черты в способе отображения войны и ее последствий в народной и литературной традиции.

Ольга Александровна Лукьянова (Полоцкий государственный университет) в докладе «Восстание Мау-Мау в книге Э. Хемингуэя “Under Kilimanjaro”» затронула тему антиколониального движения в Восточной Африке 1940–1950 гг. и ее изображение в автобиографическом произведении Э. Хемингуэя. Исследовательница показала, как в тексте функционирует культурная оппозиция «свой – чужой», как раскрыта тема расовой дискриминации и роли белого человека в Африке.

Таким образом, тема войн и революций была представлена весьма многогранно, затрагивая как литературный, так и языковой, и гендерный аспекты, а охваченный обширный культурно-исторический пласт позволил широко и основательно проработать данную проблему в литературе и дал толчок для новых идей и последующих исследований этой сложной и, к сожалению, до сих пор актуальной темы.

О.А. Лукьянова
(Полоцкий государственный университет)

НАУЧНАЯ ШКОЛА «ИСТОРИКО-КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ МЕТОД В ИЗУЧЕНИИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Научный руководитель:
Александр Александрович Гугин,
доктор филологических наук, профессор

Историко-контекстуальный метод изучения литературы возник не спонтанно, но явился результатом многолетних поисков и попыток найти такие способы изучения отдельного художественного произведения, творчества отдельного писателя, и, наконец, понимания истории отдельной национальной литературы, которые бы в наиболее возможной для меня степени соответствовали критерию Истины. Первым шагом на этом пути стало сомнение в истинности весьма распространенной поговорки *«исключение подтверждает правило»*. Эту поговорку я уже к 20 годам просто возненавидел и ввел для себя вместо нее другую поговорку *«исключение упраздняет правило»*. Это маленькое открытие заставляло меня каждый раз спотыкаться, когда я встречался с «исключением», и биться на месте до тех пор, пока я не понимал суть этого исключения, которое должно было привести к открытию другого – более объемного – правила... А поводов для этого было предостаточно. Обучаясь в МГУ им. М.В. Ломоносова на славянском, русском и романо-германском отделениях филологического факультета, я читал тексты писателей и углублялся в историю национальных литератур. В то же самое время известные профессора и доценты читали нам курсы лекций по теории литературы, и я эти лекции внимательно слушал и конспектировал. Постепенно я стал замечать, что преподаваемая теория не соответствует ни конкретным произведениям, ни конкретному историко-литературному процессу в разных странах. Например, в 1960-х годах развернулась довольно длительная дискуссия о романтизме, и на лекциях по теории литературы преподаватели почти хором говорили о *«реакционном»* романтизме английских поэтов «озерной школы» (Вордсворт, Кольридж, Саути) и о *«революционном»* романтизме Байрона – не говоря уже о «реакционно-консервативном» романтизме В.А. Жуковского, которого я любил с раннего детства и который не казался мне ни «консервативным», ни тем более «реакционным». Пришлось сидеть в Ленинской библиотеке и читать английских поэтов по-английски. И, конечно, «озерная школа» показалась мне намного «прогрессивнее» молодого Байрона, который обрушился на нее с критикой. Так, уже к третьему курсу я перестал доверять большинству теоретиков литературы, полагаясь на свое собственное прочтение текстов.

Первым этапом (1967–1976) стал для меня этап осмысления эмпирического материала по истории немецкой литературы и самостоятельная разработка «метода эмпирических обобщений» (впоследствии выяснилось, что сам «метод эмпирических обобщений» был впервые научно обоснован академиком В.И. Вернадским в 1920-годах, а Вернадский – в свою очередь – возводил этот метод к Гёте в большой работе «Гёте как естествоиспытатель» (1938, опубликована позднее). Я интуитивно стал искать единую методологию для смежных, но все же далеко разошедшихся ветвей филологии. Особенно плодотворной на данном этапе была научная стажировка в Берлинском университете им. А. фон Гумбольдта (1969–1970), изучение немецкой школы германистики, работа в Институте германистики в Берлине, в немецких архивах и библиотеках. Основные итоги – интуитивное понимание развития литературы и культуры как неотъемлемой части развития «живого вещества природы» (термин В.И. Вернадского, впервые введенный в 1908 г.), что в литературоведческой практике выразилось в понимании важности учета (и тщательного изучения) регионального аспекта в исследованиях по истории национальной лите-

ратуры и отразилось в нескольких научных статьях, а также в дипломной работе (1972) и кандидатской диссертации (1976).

На втором этапе (1976–1983) я продолжал изучение современного мирового литературного процесса и целенаправленно стремился понять, как «живое вещество природы» функционирует и эволюционирует в реальных произведениях, творческих поисках писателей, в историко-культурном процессе. Работа редактором в ведущем журнале «Иностранная литература», затем научным редактором в издательстве «Прогресс» и заведующим редакцией зарубежной литературы издательства «Радуга», многочисленные встречи с писателями разных стран, поездки по служебным делам и на международные научные семинары, работа в качестве составителя книг, автора предисловий, комментариев и переводчика почти во всех крупнейших издательствах позволили значительно глубже понять современный историко-культурный процесс и усовершенствовать эмпирические, а затем и научные представления о литературных и внелитературных контекстах, необходимых для более продуктивного понимания не только самих художественных произведений (от рукописей до книг), но и многочисленных факторов, влияющих на творчество писателей и на историко-литературный процесс в целом.

Третий этап: 1984–1998. Разработка историко-контекстуального метода на материале истории национальной литературы нижнелужицких и верхнелужицких сербов – самого малочисленного славянского народа, проживающего на территории Германии по историческим источникам с 5–6 веков н.э. Интерес к серболужицанам, с которыми я познакомился во время поездки по Германии, заставил меня перейти на работу в Институт славяноведения и балканистики РАН и привел к защите докторской диссертации «Основные этапы развития серболужицкой литературы в славянско-германском контексте» (1998); в процессе исследований было опубликовано 5 монографических очерков и более 100 статей, связанных с разработкой отдельных аспектов историко-контекстуального метода. Правда, тогда я называл свой способ изучения литературы «историко-контекстуальным подходом» и «осмелел» только тогда, когда все оппоненты по диссертации дружно призвали меня «не скромничать». Апробация результатов проводилась в России, Германии, Австрии, Италии, Украине, Беларуси, во время стажировок в Серболужицком институте (Баутцен/Будишин). В 1997 г. меня избрали Иностранным членом Матицы серболужицкой, что является высшей формой признания заслуг иностранного ученого в рамках национальной культурной организации серболужичан (Домовина). С конца 1993 г. я разработал проспект международного Научного центра славяно-германских исследований и возглавлял его в 1994–2007 гг. С 1994 г. был избран (по совместительству) заведующим кафедрой зарубежной литературы МГОПУ им. М.А. Шолохова, где также получил широкие возможности для разработки и апробирования историко-контекстуального метода на лекциях, спецкурсах, спецсеминарах, направляя в это же русло и научные разработки кафедры.

Четвертый этап: 1999 – по настоящее время. С 7 мая 1999 г. я возглавил кафедру мировой литературы и культурологии в Полоцком государственном университете. В первые годы наряду с предварительной организаторской работой по созданию научной школы в Полоцке (открытие аспирантуры и магистратуры, введение литературоведческих предметов и факультативов, затем открытие филологических специальностей, проведение международных научных конференций и семинаров и др.) идеи научной школы развивались в основном в сотрудничестве с российскими академическими институтами (Институт славяноведения, Институт мировой литературы, Институт искусствознания) и университетами (МГУ, МГГУ, МГОУ и др.), а также с издательствами, научными и научно-популярными журналами. За эти годы удалось сохранить филиалы научной школы в Москве и создать новые в Смоленске, Санкт-Петербурге, Минске. С 2002 г. кафедра мировой литературы и культурологии стала базовой площадкой для встреч и обмена научной информацией и обсуждения совместных проектов. С переездом историко-филологического факультета и кафедры в Полоцк работа активизировалась, и после защиты первых кандидатских диссертаций (Д.А. Кондаков, С.М. Лясович, Н.В. Нестер, Т.М. Гордеенок), а с также переездом на постоянную работу в Полоцк доцента А.В. Коротких на кафедре была создана база для более интенсивного развития и международного научного сотрудничества. В 2008 году был осуществлен первый набор студентов на вновь открытую филологическую специальность «Романо-германская филология»; к настоящему времени проведено пять выпусков по этой специальности (все распределены), что позволило пополнить кафедру молодыми квалифицированными специалистами и обеспечить полное соответствие со специальностями магистратуры и аспирантуры (10.01.03 – Литература народов стран зарубежья). К настоящему времени я подготовил 14 кандидатов филологических наук (восемь – в Москве и шесть – в Полоцке).

Разумеется, никакой метод – даже если он выстрадан всем опытом жизни и непрерывным трудом – не может претендовать на окончательность; если же такое случается, то метод «закостеневает», превращается в догматическую систему, которая может незаметно стать тормозом для дальнейшего развития науки и даже самой жизни (если метод становится господствующим, как это в свое время случилось с «триадой» Гегеля, а в сфере литературы и литературоведения – с методом социалистического реализма, который многие годы внедрялся не только в литературу и науку, но и во все сферы культуры, ис-

куства и системы образования). Изучив немало философских систем и везде натываясь на их схематизм и оторванность от изменчивой динамики жизни, я уже в годы «перестройки» начал постепенно трансформировать метод «эмпирических обобщений» в «жизненное литературоведение», рассматривая данное понятие не как метод или систему, но как принцип нерасторжимого единства жизни и науки. Если высшей целью и высшим смыслом науки является поиск Истины, то как же может быть наука оторвана от личности ученого, который эту Истину ищет? Ведь ученый ищет Истину не как механический робот, а как живая личность, изначально наделенная огромным набором присущих человеческому роду качеств, – от первобытных инстинктов до высоких понятий о совести и нравственности. Может ли это не накладывать отпечаток (или даже определять) на целеполагание его поисков – независимо от той отрасли науки, в которой он эту свою Истину ищет? На мой взгляд – не может! Поэтому свою первую лекцию в Полоцком государственном университете, которую я в начале февраля 1999 года прочитал, будучи еще профессором кафедры немецкого языка, я назвал «О неизбежном единстве естественной и гуманитарной науки» – назвал инстинктивно, совершенно не имея представления о своих достаточно многочисленных слушателях, но совершенно четко зная, что вуз, в котором я решил трудиться до конца своей жизни, изначально создавался как вуз технический. До сих пор не знаю, кто и как понял эту мою лекцию (впоследствии я опубликовал восемь тезисов под таким же названием), но основная мысль моя была до примитивности проста: все науки – от математики до философии – создавались (сочинялись) конкретными людьми (личностями), и как бы впоследствии ни дробились и ни разветвлялись эти отдельные науки, настоящий ученый никогда не может забывать, что Наука в принципе едина, поскольку вся она создается человеком. Эта совершенно простая и совершенно очевидная мысль имеет, однако, много важных последствий – как для самой науки, так и для всех, кто хочет ей всерьез заниматься... В годы «перестройки», когда цензура стала постепенно ослабевать, я написал немало статей, в которых, используя свой накопленный жизненный и научный опыт, высказывал свои соображения по целому ряду актуальных тогда проблем: писал о глобализации и постмодернизме, охотно выступал на различных дискуссиях и «круглых столах», с начала 1990-х годов мне каждый год приходили десятки приглашений из-за рубежа для чтения лекций и участия в семинарах (естественно, за счет приглашающих сторон). Всё это публиковалось, находило одобрение, и я несколько лет активно использовал эти возможности для обогащения жизненного и научного опыта и – не в последнюю очередь – для пополнения своей научной библиотеки самыми новейшими источниками (из некоторых командировок удавалось привезти до ста килограммов книг). В плане жизненного и научного опыта «перестройка», конечно, кое-что прибавила. Но после переезда в Полоцк времени стало хватать только на поддержание контактов с Москвой, участия в нескольких российских научных проектах и на постепенное налаживание необходимых контактов внутри Беларуси (меня сразу же ввели в специализированный совет БГУ по литературоведению, в 2007–2015 годах я работал как член экспертного совета ВАК Беларуси по литературоведению и знакомился со всеми диссертациями по этой отрасли науки, а в качестве оппонента ездил в Россию). Всё это отнимало немало времени, но и позволяло практически увидеть и почувствовать общее состояние данной отрасли науки, ее пробелы и просчеты. Но об этом в данной публикации вряд ли стоит говорить (я неоднократно эти проблемы «озвучивал» везде, где приходилось выступать)...

Для полноты информации стоит обозначить хотя бы некоторые основные направления, по которым развивается исследовательская деятельность нашей международной научной школы (в настоящее время это – 7 докторов филологических наук, более 30 кандидатов филологических наук и колеблющееся число аспирантов и магистрантов): национальная литература и отдельные ее представители в региональном, национальном, европейском и мировом литературном и историко-культурном контексте; сравнительное литературоведение с учетом национального, регионального, европейского и мирового литературного контекста; народный фольклор и литература в национальном, региональном, европейском и мировом литературном контексте; многоуровневый анализ художественного текста как методологическая проблема; определение основных параметров анализа художественного текста на уровнях «текст как таковой», художественный текст в синхронном и диахронном аспектах в творчестве конкретного писателя, художественный текст в синхронном и диахронном аспектах в контексте национальной, европейской и мировой литературы. При разработке отдельных проблем особое внимание в рамках научной школы обращается на историко-контекстуальный характер мирового литературного процесса, основополагающим звеном которого является художественное произведение, изучаемое в рамках школы *на девяти уровнях*, теоретически обоснованных и практически разработанных в 1970–1990-х годах и разрабатываемых дальше в рамках школы. Естественно, я не требую от своих учеников и соратников педантичного следования каким-то незыблемым догмам «школы» (таковых просто не существует): каждый имеет право вести собственный научный поиск, ставить новые вопросы и искать на них ответы...

*д-р филол. наук, проф. А.А. Гугнин
(Полоцкий государственный университет)*

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Гордейнок Т.М.</i> Образ Кураж в немецкой литературе	2
<i>Анисимова М.А.</i> Особенности раскрытия ориенталистской тематики в произведениях Томаса Чаттертона	8
<i>Кондаков Д.А.</i> Французская революция глазами сарматов: Ян Потоцкий и Людвик Платер	18
<i>Гочаков С.В.</i> Влияние поездки У. Вордсворта во Францию (1791–1792) на мировоззрение поэта	23
<i>Кононова А.С.</i> Творчество Дж. Остен и сентименталистская литературная традиция	27
<i>Трацяк З.І.</i> Інтэрпрэтацыя матыву «страчанасці» ў амерыканскай жаночай прозе пра Першую сусветную вайну (на прыкладзе рамана «Адзін з нашых» У. Кэзэр)	31
<i>Нестер Н.В.</i> Образ Одиссея в стихотворении Э.Л. Мастерса «Одиссей»	36
<i>Часнок І.Ч.</i> Метанаратыўна акцэнтаваная наратыўная стратэгія ў рамане Кузьмы Чорнага «Пошукі будучыні»	40
<i>Навасельцава Г.І.</i> Дынаміка ваеннага рамана ў беларускай прозе 1960–1965-х гадоў (праблемна-тэматычная і жанрава-стылёвая адметнасць)	44
<i>Абдулгасанлы Т., Гаджиева С.</i> Философская проблематика в азербайджанской поэзии конца XX века	53

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Путрова М.Д.</i> Перформативы обещания: гендерный аспект	57
<i>Криворот В.В.</i> Морфемная деривация как способ образования наименований транспортных средств (на материале английского и французского языков)	62
<i>Лебедева И.Г.</i> Стилеобразующие и стилемодифицирующие черты французского судебного красноречия	70
<i>Чалова О.Н.</i> Речеактовая динамика научного дискурса	75
<i>Леўчанка Н.А.</i> Тыпы фразеалагічных дыялектызмаў з анамастычным кампанентам у беларускай дыялектнай мове	80
<i>Никитенко Т.В.</i> Динамика семантических процессов в развитии оценочной лексики русского языка в XIX веке	87
<i>Чекулаева А.С.</i> Классификация цветолексем в русском и китайском языках	93
<i>Шилей Е.В.</i> Наименование организации как элемент имиджевой коммуникации	102

РЕЦЕНЗИИ

<i>Lehmann, J.</i> Russische Literatur in Deutschland. Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart / J. Lehmann. – Stuttgart : Verlag J.B. Metzler, 2015. – 417 S. (<i>А.А. Гугнин</i>)	106
<i>Губская, В.М.</i> Класіка XX стагоддзя: прыхаваныя таямніцы рамана «Віленскія камунары» М. Гарэцкага / В.М. Губская. – Мінск : РІВШ, 2016. – 108 с. (<i>З.І. Трацяк</i>)	110

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Международная конференция «Революции и гражданские войны в зеркале мировой литературы», Полоцк, 26–27 октября 2017 г. (<i>Д.А. Кондаков, З.И. Третьяк, А.И. Мозго, А.В. Коротких, О.А. Лукьянова</i>)	111
<i>Гугнин А.А.</i> Научная школа «Историко-контекстуальный метод в изучении мировой литературы»	117